

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

ВИТЕБСК 2026

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА
И ГОСУДАРСТВА**

Монография

*Под научной редакцией
доктора юридических наук, доцента В.С. Елисеева*

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2026*

УДК 34:004
ББК 67.021с51
П68

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 26.02.2026.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 11 от 24.11.2025.

Авторы: **С.А. Высоцкий, Е.Ф. Ивашкевич, В.Г. Стаценко, М.А. Андреасян, В.А. Барышев, П.В. Борботько, Ю.С. Бутримова, П.В. Гурщенков, В.С. Елисеев, О.Г. Кирсанова, В.В. Козловская, О.Н. Куликова, А.С. Кусков, В.А. Майборода, Э.Т. Майборода, С.Л. Мельник, Н.Е. Муллахметова, К.А. Плисова, М.С. Савченко, Т.В. Сафонова, Н.В. Сирик, А.А. Сухарев, Е.А. Шантырева, И.И. Шматков**

Под научной редакцией *В.С. Елисеева*

Р е ц е н з е н т ы :

доцент кафедры организации судебной и прокурорской деятельности
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент *Я.Д. Ревенко*;
доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин
УО ФПБ ВФ «Международный университет «МИТСО»»,
кандидат юридических наук, доцент *А.П. Петров*

П68 Правовые проблемы в условиях современной цифровой трансформации общества и государства : монография / С.А. Высоцкий [и др.] ; под науч. ред. В.С. Елисеева. — Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2026. — 186 с.

ISBN 978-985-30-0317-8.

В монографии рассматриваются актуальные методологические, публично-правовые и частноправовые вопросы юриспруденции в компаративистском аспекте в процессе цифровой трансформации общества и государства, анализируются модели современного электронного государства, социальные, экономические, духовно-нравственные, психологические основы развития правовой системы в цифровую эпоху. Выделены белорусский контекст обсуждаемых проблем и возможность международной рецепции.

Издание адресовано ученым-юристам, юристам-практикам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам юридических специальностей и всем, кто интересуется проблемами юриспруденции.

УДК 34:004
ББК 67.021с51

ISBN 978-985-30-0317-8

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Некоторые вопросы правового регулирования при рассмотрении дел об административных правонарушениях по статье 12.24 КоАП Российской Федерации (<i>С.А. Высоцкий</i>)	7
Институт интернет-омбудсмана: понятие, функции, современные возможности и перспективы развития (<i>Е.Ф. Ивашкевич</i>)	12
Криминогенные последствия развития информационно-коммуникационных технологий (<i>В.Г. Стаценко</i>)	23
Правовые проблемы внедрения искусственного интеллекта в контексте социальной философии и цифровой криминологии (<i>М.А. Андреасян</i>)	33
Регулирование международного гражданского процесса в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь (<i>В.А. Барышев</i>)	43
Некоторые вопросы практической реализации норм международного гуманитарного права в годы Первой мировой войны (<i>П.В. Борботько, И.И. Шматков</i>)	51
Международно-правовые основы охраны интеллектуальной собственности (<i>Ю.С. Бутримова</i>)	58
Концептуально-методологические основы цифровизации права Республики Беларусь (<i>П.В. Гуриценок</i>)	68
Соотношение сельскохозяйственного и правового регулирования в растениеводстве по законодательству Российской Федерации (<i>В.С. Елисеев</i>)	75
Конклюдентные действия в маркетинговой деятельности: правовое регулирование в условиях цифровой трансформации (<i>О.Г. Кирсанова</i>)	87
Об ответственности поставщиков интернет-услуг при использовании промышленной собственности в сети Интернет (на примере законодательства Беларуси и России) (<i>В.В. Козловская</i>)	96
Символика России и Беларуси: цифровая трансформация и ответственность за посягательства (<i>О.Н. Куликова</i>)	101

Источники обучения больших языковых моделей ИИ как инструмент суверенности в цифровой трансформации (<i>В.А. Майборода, Э.Т. Майборода</i>)	111
Сравнительно-правовой анализ Федерального закона Российской Федерации «О государственной судебно-экспертной деятельности» и Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности»: общее и особенное в регулировании экспертной деятельности (<i>С.Л. Мельник</i>)	122
Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве (<i>Н.Е. Муллахметова</i>)	131
Субъекты международного права: подходы к квалификации. Понятие и виды субъектов международного права (<i>М.С. Савченко</i>)	139
Организационно-правовые основы противодействия деструктивному информационному воздействию в Республике Беларусь и зарубежных странах (<i>Т.В. Сафонова, К.А. Плисова</i>)	149
Цифровизация в сфере туризма: правовые и организационные аспекты (<i>Н.В. Сирик, А.С. Кусков</i>)	159
Противодействие коррупции в условиях цифровизации общества (<i>А.А. Сухарев</i>)	167
Актуальные вопросы правовой регламентации заключения внешнеэкономических договоров в рамках процедур государственных закупок в Республике Беларусь (<i>Е.А. Шантырева</i>)	174
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	184

ВВЕДЕНИЕ

Коллективная монография исследователей Республики Беларусь и Российской Федерации, представляемая вниманию читателя, посвящена рассмотрению актуальных правовых проблем, порождаемых процессами цифровой трансформации общества и государства.

Современная эпоха, характеризующаяся стремительным развитием цифровой экономики, повсеместным распространением больших данных, сложными сетевыми взаимодействиями, появлением криптовалют, дополненной реальностью, ростом киберпреступности и формированием виртуальных объектов, ставит перед юриспруденцией и всей системой правового регулирования беспрецедентные и многогранные задачи.

В условиях технологической революции, связанной с внедрением систем искусственного интеллекта, робототехники, био- и нанотехнологий во все сферы жизни, остро ощущается потребность в создании адекватной и эффективной модели правового регулирования. Не случайно Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, одним из актуальных направлений правовой политики определяет внедрение передовых информационных технологий и осуществление цифровизации государственного управления, последовательный переход к цифровому формату нормотворчества, реализацию цифровых технологий в правотворческой и правоприменительной деятельности. Критически важно при этом адаптировать устоявшиеся правовые концепции к новым цифровым реалиям. Это требует глубокого осмысления ряда ключевых направлений.

Цифровизация государственного управления существенно влияет на содержание компетенции публичных органов таким образом, что одни функции отпадают, а другие замещаются. Вводится новый оборот данных, который позволяет расширить информационную базу управленческих решений и действий. Распространение технологий ИИ обуславливает всесторонний научно-теоретический анализ с этической и правовой точек зрения. Необходима разработка нормативных актов, определяющих правовую природу ИИ (субъект, объект права или иное), а также последствий его применения в правовой сфере, включая вопросы приобретения прав и обязанностей, возмещения вреда, замещения рутинного труда и высвобождения работников. Отдельного внимания заслуживает потенциал использования ИИ в юридической профессии.

Борьба с киберпреступностью: компьютерные преступления представляют собой возрастающую угрозу для государства, организаций и граждан. Однако причины их роста и исключительно высокая латентность остаются недостаточно исследованными. Криминалистические характеристики новых видов киберпреступности находятся в стадии формирования, правовое обеспечение противодействия киберпреступности отстает от ее развития,

а эффективные правовые механизмы профилактики практически отсутствуют. В связи с этим необходимо расширение и углубление правовой теории за счет создания принципиально новых подходов и методов противодействия компьютерной преступности, одним из которых является использование аппарата и методов искусственного интеллекта.

Регулирование новых экономических форм: действующее правовое регулирование не позволяет эффективно регламентировать новые формы экономического оборота, определяемого информационно-технологическими процессами. Причины кроются в отсутствии системного подхода, учитывающего экономические, социальные, политические и технологические последствия правового воздействия на новейшие сферы общественной жизни.

Нейтрализация негативных аспектов цифровизации: следует учитывать и искать механизмы, в том числе этические и правовые, нейтрализации негативных аспектов цифровизации: проблема тотального контроля за поведением человека, риски признания правосубъектности роботов для потерявших, вмешательство в частную жизнь человека.

Важнейшая проблема заключается в переменах, которые происходят в самом праве в условиях повсеместного внедрения современных цифровых технологий. Предмет правового регулирования меняется, но социальная роль права в упорядочении общественных отношений не преобразуется. При этом его функциональное воздействие наполняется новым содержанием, что находит отражение прежде всего в динамично развивающемся отраслевом законодательстве: гражданском, трудовом, экологическом, административном, образовательном, медицинском и др.

Право сохраняет свою устойчивую роль регулятора социально-экономических и иных процессов в обществе как внутри страны, так и на международном уровне. Это очень существенный механизм, который обеспечивает стабильность и необходимую преобразовательную деятельность личности и публичных институтов. С другой стороны, цифровизация и новые информационные технологии побуждают преобразовывать характер деятельности субъектов права, менять объемы их правоотношений, расширяют горизонт будущей деятельности.

В монографии представлены авторские материалы, освещающие указанные проблемы и некоторые другие актуальные аспекты совершенствования законодательства и практики правоохранительной деятельности в новых цифровых условиях. Практическая значимость исследования состоит в прикладном характере целого ряда предложений по новеллизации законодательства в рассматриваемой сфере правоотношений.

Настоящее издание может быть полезно научной юридической обществу, практическим работникам, преподавательскому составу, студентам, магистрантам, аспирантам учреждений высшего образования юридического профиля, а также всем, кто интересуется актуальными вопросами современной правовой теории и практики.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ПО СТАТЬЕ 12.24 КОАП РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С.А. Высоцкий

Вопросы безопасности дорожного движения являются одними из самых актуальных в правовом поле. Согласно данным статистики Госавтоинспекции в Российской Федерации ежемесячно происходит несколько тысяч дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП), в которых число пострадавших превышает цифру в десять тысяч человек. Так, за 9 месяцев 2025 г. количество пострадавших в ДТП людей составило 117,7 тыс. чел. [1].

При этом правоприменительная практика показывает, что имеется целый ряд спорных моментов в законодательстве РФ, которые снижают эффективность рассмотрения дел об административных правонарушениях. В частности, одной из актуальнейших проблем является необходимость более четкого определения прав и обязанностей потерпевшего в ДТП как участника производства дела об административном правонарушении.

Также исследователями отмечается, что во всей совокупности административных деликтов в сфере дорожного движения, которые уточняются положениями статей главы 12 Кодекса об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), ст. 12.24 занимает особое место. А.Ю. Якимов, А.Б. Клименко подчеркивают, что «отличия данной статьи от других статей данной главы КоАП РФ обусловлены диспозициями ее частей, которые сформулированы в самом общем виде» [2, с. 37].

Статья 12.24 КоАП РФ регулирует вопросы «нарушения Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшего причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего» [3].

К тому же требования по данному вопросу устанавливаются:

- Правилами дорожного движения (далее ПДД) [4];
- Федеральным законом «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ [5];
- Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанностях должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения.

Также в общем виде положения связанных с регулированием рассматриваемых правонарушений сформулированы и положениями ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [6], которые закрепляют ответственность за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств.

Следует отметить, что указанные статьи КоАП РФ и УК РФ дополняют друг друга в области правового регулирования вопросов административных правонарушений.

В качестве объекта указанного правонарушения выступает безопасность дорожного движения, а также жизнь и здоровье людей.

Административные правонарушения по ст. 12.24 КоАП РФ квалифицируются тогда, когда следствием нарушения Правил дорожного движения стало причинение вреда здоровью потерпевшего.

Причинение легкого вреда здоровью представляет собой расстройство здоровья в течение краткого временного периода или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности в течение срока от шести до двадцати одного дня [7].

Причинением вреда здоровью средней тяжести, в свою очередь, определяется как длительное расстройство здоровья, которое не представляет собой опасность для жизни человека, а также весомую по значимости стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть.

Таким образом, в качестве критериев причинения легкого вреда здоровью человека выступают:

- нарушение функций отдельных органов или систем организма, продолжительность которого не превышает трех недель;
- небольшая потеря работоспособности (до 10%).

Критериями причинения вреда здоровью человека средней тяжести являются:

- нарушение здоровья сроком более трех недель;
- утрата работоспособности более, чем на 10%, но менее 30%.

В качестве субъекта рассматриваемого правонарушения выступает водитель, управлявший транспортным средством. Субъективная сторона правонарушения, в свою очередь, представлена виной водителя, управлявшего транспортным средством в форме неосторожности.

Положениями пункта 1.5 ПДД закреплено, что транспортом следует управлять таким образом, чтобы он не являлся для окружающих людей источником опасности, а также не причинял им вреда. Это же важное правило закреплено Федеральным законом «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ.

Следовательно, содержание ст. 12.24, собственно, закрепляет ответственность за несоблюдение правил, установленных в пункте 1.5 ПДД.

Неотъемлемым условием наступления ответственности по ст. 12.24 КоАП РФ выступает нанесение человеку ущерба здоровью легкой и средней степени тяжести. Отметим, что когда следствием нарушения правил эксплуатации транспортного средства является причинение тяжкого вреда здоровью человека, такие действия уже подвергаются классификации по ст. 264 УК РФ.

Вместе с тем, касательно позиции потерпевшего в ДТП, недостаточно четко определены его права и обязанности как участника производства дела об административном правонарушении.

В частности, анализ действующего российского законодательства и научных работ по исследуемой теме позволяет выделить ряд вопросов, которые возникают при рассмотрении дел об административном правонарушении по ст. 12.24 КоАП РФ:

1. Потерпевшим на практике признается только тот гражданин, которому причинен физический вред здоровью, а не имущественный вред в виде повреждения транспортного средства, что противоречит ст. 25.2 КоАП Российской Федерации — «потерпевший».

2. В бланке протокола об административном правонарушении не содержатся графы для фиксации в таких случаях всех потерпевших в ДТП: и тех, кому нанесен вред здоровью, и тех, кто понес потери в виде нанесения материального вреда транспортному средству.

3. В содержании ст. 42 УПК Российской Федерации в отличие от ст. 25.2 КоАП Российской Федерации изложен достаточно исчерпывающий перечень пунктов прав и обязанностей, которыми обладает потерпевший. Также, согласно УПК Российской Федерации, при возбуждении уголовных дел выносится постановление о передаче дела по подведомственности, где четко излагаются основания для возбуждения уголовного дела и характер вреда совершенным преступлением лицом, его совершившим.

Рассмотрим подробнее содержание указанных проблем.

Правоприменительная практика показывает, что потерпевшим признается только тот человек, которому причинен физический вред здоровью, а не имущественный вред в виде повреждения транспортного средства, что вступает в противоречие с содержанием ст. 25.2 КоАП РФ, которая закрепляет понятие и положение потерпевшего. Гражданам, транспортным средствам которых нанесены механические повреждения, присваивается статус очевидца. Впоследствии, в связи с этим, они проходят процедуру опроса в судебных инстанциях как очевидцы. В то же время в ряде случаев районные суды не выдают им на руки постановления о принятом решении. Последнее объясняется тем, что ст. 12.24 КоАП РФ подразумевает причинение телесного вреда здоровью потерпевшего, в результате чего потерпевшие, транспортным средствам которых нанесен ущерб, то есть самим потерпевшим нанесен при этом только материальный вред в результате случившегося ДТП, вынуждены обращаться к инспекторам по исполнению административного законодательства по ДТП с пострадавшими с просьбой о получении копии постановления, принятого судом для подачи в страховую компанию на получение выплат. Выдача копий таких судебных постановлений не входит в обязанности дознавателей по ДТП с пострадавшими, а относится к компетенции судебных инстанций.

Следует отметить, что происходит это по прошествии значительного количества времени в рамках административного расследования согласно ст. 28.7 КоАП РФ, срок проведения которого составляет до шести месяцев, и затем рассмотрение в судебных инстанциях длится еще до 1 года.

В настоящее время в ряде случаев виновные в совершении ДТП не несут никакой ответственности: ни перед государством, за нарушение Правил дорожного движения, ни перед лицом, которому причинен материальный ущерб, так как этот ущерб возмещает страхователь автогражданской ответственности. На наш взгляд, такое положение дел позволяет говорить о высокой степени безнаказанности и даже дозволенности нарушений ПДД. А.А. Антонов резюмирует, что «это в свою очередь рано или поздно может привести и к совершению ДТП с более тяжкими последствиями, в том числе с ущербом здоровью его участникам или их гибели» [8, с. 65].

В число доказательств по делу об административном правонарушении входит протокол об административном правонарушении, который является процессуальным документом, где фиксируется противоправное деяние лица, в отношении которого возбуждено производство по делу, формулируется вменяемое данному лицу обвинение [9].

Рассмотрение протоколов по ст. 12.24 КоАП РФ входит в компетенцию мировых судей, а их составление относится к обязанностям сотрудников ГИБДД.

Следующий один из рассматриваемых вопросов снижения эффективности рассмотрения дел об административных правонарушениях по статье 12.24 КоАП РФ связан с отсутствием в бланке протокола об административном правонарушении графы для указания в таких случаях всех потерпевших, которым причинен не только физический вред здоровью, но и материальный вред транспортному средству. В качестве примера можно привести ситуацию, когда в ДТП с участием двух транспортных средств физически пострадали два пассажира (ст. 12.24 КоАП РФ), которые признаются судом потерпевшими, а водители физически не пострадали, но их транспортным средствам причинен имущественный вред, которые согласно ст. 25.2 КоАП РФ считаются также потерпевшими.

Одновременно в ст. 25.2 КоАП РФ в отличие от содержания ст. 42 УПК РФ не приводится достаточно полный перечень пунктов прав и обязанностей, которыми обладает потерпевший. Кроме этого, согласно УПК Российской Федерации при возбуждении уголовных дел выносится постановление о передаче дела по подведомственности, где четко излагаются основания для возбуждения уголовного дела и характер вреда совершенным преступлением лицом, его совершившим.

Таким образом, рассмотрение возможных авторских предложений по решению обсуждаемых вопросов, на наш взгляд, будет значительным шагом в сторону повышения эффективности рассмотрения дел об административных правонарушениях по статье 12.24 КоАП РФ. В связи с этим можно предложить следующие мероприятия, которые позволят устранить негативные последствия.

Представляется необходимым рассмотреть возможность дополнения ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ — «Определение, выносимое при подготовке дела

об административном правонарушении» пунктом 7 и изложить его в следующей редакции: при передаче протокола об административном правонарушении и других материалов дела на рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных пунктом 1 статьи 23.1 КоАП РФ, пунктами 1 и 2 статьи 12.24 КоАП РФ в определении указываются дата и место его составления, фамилия и инициалы лица, составившего определение, сведения о лице, совершившем правонарушение, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, место и время совершения и событие административного правонарушения, статья настоящего Кодекса или закона субъекта Российской Федерации, предусматривающая административную ответственность, а также сведения о потерпевших и характере причиненного им материального, физического и морального вреда лицом, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении.

Также предлагается дополнить содержание статьи 25.2 КоАП РФ «Потерпевший» дополнить ее пунктом 5, изложив его в следующей редакции: потерпевший вправе получать копии определений о возбуждении дела об административном правонарушении и постановлений по делу об административном правонарушении о признании его потерпевшим, знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта; потерпевшему запрещается давать заведомо ложные показания или отказываться от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний потерпевший несет административную ответственность по статье 17.9 КоАП РФ.

Предложенные рекомендации в сфере уточнения определения прав и обязанностей потерпевшего как участника производства дела об административном правонарушении могут быть актуальными для более качественного рассмотрения дел об административном правонарушении как первоначальной стадии рассмотрения должностными лицами ГИБДД, так и рассмотрения в судебных инстанциях по статье 12.24 КоАП РФ. Следует сказать, что четкое определение прав и обязанностей потерпевшего по статье 25.2 КоАП РФ и вынесенным определением по ст. 29.4 КоАП РФ в предложенной редакции может поспособствовать на получение им на первоначальной стадии копии определения о характере причиненного материального, физического и морального вреда и даст возможность своевременно подавать документы к начислению выплат через страховые компании.

Список использованных источников:

1. Показатели состояния безопасности дорожного движения // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 12.03.2026).
2. Якимов, А.Ю. Особенности привлечения к административной ответственности по статье 12.24 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / А.Ю. Якимов, А.Б. Клименко // Безопасность дорожного движения. — 2021. — № 3. — С. 37–42.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304041/ (дата обращения: 12.03.2026).

4. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 16.07.2025) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 12.03.2026).

5. Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/ (дата обращения: 11.03.2026).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.03.2026).

7. Комментарий к ст. 115 Уголовного кодекса // Уголовный кодекс РФ. — URL: <https://www.ugolkod.ru/statya-115> (дата обращения: 12.03.2026).

8. Антонов, А.А. О регистрации и учете дорожно-транспортных происшествий / А.А. Антонов // Вестник науки. — 2018. — № 8(8), т. 2. — С. 62–66.

9. Постановление Верховного Суда РФ от 01.09.2017 № 18-АД17-22 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-01092017-n-18-ad17-22/> (дата обращения: 12.03.2026).

ИНСТИТУТ ИНТЕРНЕТ-ОМБУДСМЕНА: ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Е.Ф. Ивашкевич

Физическому лицу без юридического образования часто сложно выполнить все формальные требования, предъявляемые процессуальным законодательством к подобного рода формам защиты нарушенного права. Кроме того, судебное разбирательство конфликтов между физическими лицами и органами представительной или исполнительно-распорядительной власти (подразумевается уровень местного управления и самоуправления) может длиться достаточно продолжительный период времени и в итоге так и не быть решенным. В свою очередь в качестве эффективного средства правовой защиты прав и законных интересов личности, независимого ни от какой ветви власти, выступает институт омбудсмена, призванный своевременно, оперативно, без лишнего формализма отстаивать и защищать права граждан. Его посредническая деятельность способствует снижению нагрузки на суды, повышению степени доверия и престижа государства. Важную роль играет информационная деятельность омбудсмена в области пропаганды прав и свобод человека, развитии диалоговых отношений между государством и гражданским обществом, выдвигании инициатив в области законотворчества.

Международная ассоциация юристов приняла следующее определение «омбудсмена»: «Служба, предусмотренная Конституцией или актом законодательной власти, возглавляемая независимым публичным должностным лицом высокого ранга, которая ответственна перед законодательной властью, получает жалобы от пострадавших лиц на государственные органы, служащих, нанимателей или действующих по собственному усмотрению и уполномочена проводить расследования, рекомендовать корректирующие действия и представлять доклады» [1, с. 6]. Иная формулировка института омбудсмена предложена российским ученым А.И. Лебедевым: «Государственная служба, предусмотренная конституцией и возглавляемая независимым публичным должностным лицом высшего ранга, которое ответственно только перед законом» [2, с. 129]. Энциклопедический словарь характеризует омбудсмена как лицо, уполномоченное парламентом осуществлять контроль за соблюдением законных прав и интересов граждан в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц [3, с. 141–142].

На наш взгляд, наиболее оптимальной является дефиниция А.Ю. Сунгурова, который под омбудсменом понимает достойное доверия независимое лицо, уполномоченное парламентом на охрану прав отдельных граждан и осуществляющее опосредованный парламентский контроль в форме обширного надзора за всеми государственными должностями, но без права изменения принятых ими решений [4, с. 198].

Исследователем В.А. Брилёвой выделяются следующие отличительные признаки функционирования омбудсмена, которые обладают явными преимуществами данного института: порядок обращения к омбудсмену и процедура расследования лишены строгих правил; материальные издержки жалобщика незначительны; пострадавшие излагают суть своего дела в свободной форме; омбудсмен может действовать, как правило, на основании обращения жалобщика и по собственной инициативе; обращение к омбудсмену в большинстве стран не лимитировано жесткими сроками [5, с. 72–73]. Однако решения, принимаемые уполномоченным по правам человека, носят рекомендательный характер, в отличие от решений судебных органов.

Омбудсмен выражает точку зрения гражданского общества и доводит ее до сведения исполнительных органов и законодателей. Деятельность института персонифицирована и психологизирована, что придает ему индивидуальность, неповторимость в системе средств правовой защиты. «Омбудсмен ... в качестве “оружия” использует убеждение, критику и гласность» [1, с. 6]. Задача омбудсмена — охрана прав граждан, но не разбирательство конфликтов между гражданами; он выполняет свои функции неформально, простым, понятным для граждан и демократичным способом, имеет возможность рассматривать дело не только с точки зрения соответствия решений и действий администрации закону, но и выходить на оценки этих решений и действий с точки зрения справедливости и целесообразности [6, с. 533–534].

Таким образом, одной из основных задач омбудсмана становится содействие системе «открытого правительства», когда рассматриваются жалобы на отсутствие доступа или злонамеренное непредоставление информации о деятельности правительственных органов, выполнение роли доступного посредника (медиатора) при разрешении конфликтных ситуаций, осуществляющего контроль за соблюдением международных стандартов прав человека в процессе обсуждения законопроектов и реализации действующего национального законодательства [7, р. 11–13].

Основной тенденцией современного развития института омбудсмана выступает появление новых видов специализированных омбудсменов, что ведет к более эффективному функционированию данного института и служит дополнительной гарантией для своевременной защиты и восстановления нарушенных прав и свобод населения. Специфика института омбудсмана состоит в высокой степени его персонифицированности, когда важны его личностные качества, степень известности и уважительное отношение в обществе.

Следует отметить, что, осуществляя свои полномочия в сфере защиты нарушенных прав граждан, омбудсмены выполняют ряд социально значимых функций. К их числу большинство авторов относят следующие: *контрольную, информационную, патерналистскую и культурную* [8, с. 325]. Контрольная функция омбудсмана заключается в контроле за соблюдением прав человека разного рода административными органами, а в последнее время в ряде стран (Швеция, Финляндия и др.) — также частными лицами, объединениями, религиозными служителями. Омбудсмен контролирует деятельность администрации на основании жалоб граждан, но может и по собственной инициативе провести инспектирование деятельности должностного лица. Он и его персонал имеют право знакомиться с документами, протоколами, иной информацией, необходимой для выполнения стоящих перед ними задач [9, р. 435–437].

Информационная функция омбудсмана связана с его работой со средствами массовой информации, распространением информации о своей деятельности среди населения, с предоставлением ежегодного или специальных докладов о результатах своей деятельности парламенту, где анализируются наиболее часто встречающиеся нарушения прав граждан: он отмечает недостатки в деятельности госструктур, предоставляет сведения о неправильном толковании и применении законов, высказывает свои рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Культурная функция института омбудсмана имеет своей целью оказывать помощь в просвещении общественности, распространении знаний о правах и свободах человека, содействовать осознанию, уважению и соблюдению прав каждого человека [8, с. 325–326].

В зависимости от компетенции и объема надзорных функций выделяются две модели института «омбудсмана»: «реактивная» (реагирование

на жалобы); агрессивная» (проведение расследований по собственной инициативе) [10, с. 42]. Последняя в большей степени свойственна странам, недавно вступившим на путь демократических преобразований или принадлежащим к «третьему миру».

Институт интернет-омбудсмена как специализированного омбудсмена, ориентированного на сферу интернета как социально-правовой среды, в настоящее время не является полноценно оформленным на международном универсальном и региональном уровнях, но в юриспруденции в научно-теоретическом и практическом плане перед ним ставятся следующие актуальные задачи:

- альтернативное разрешение споров и медиативные функции между государственными органами, платформами и пользователями в сфере интернет-пространства при конфликте интересов прав собственности, доступности получения и свободы информации в онлайн-сегменте, обеспечения конфиденциальности и нефальсификации электронного документооборота, охраны персональных данных, превенции и пресечения интернет-мошенничества и др.;

- предложения по новеллизации и совершенствованию национального законодательства и международного права в сфере осуществления цифровой дипломатии, функционирования электронного государства, оптимизации цифровых прав участников интернет-сообщества, возможность комментировать и давать экспертные оценки законопроектам, влияющим на интернет-сферу (например, в отношении правовых актов, регулирующих создание национального интернет-сегмента, обеспечивающих информационную безопасность общества и государства);

- обеспечение правовой защиты в онлайн-сфере, когда прямые правовые механизмы недостаточно разработаны, имеют значительную правовую пробельность или их применение затруднительно вследствие отсутствия правоприменительной практики, так как нормы и правила пользования и взаимодействия в Интернете активно возникают не только из государственного права, но и сетевых разработок правил и практик платформ, частично даже на основе саморегуляции;

- исследование и представление позиции интернет-сообщества в диалоге с государственными структурами, организациями, так как данный институт является независимым и нейтральным, как правило, не обладающим прямой силой принуждения, но его рекомендации имеют значительную моральную весомость.

В международной практике основными источниками, определяющими статус лиц с характерными чертами интернет-омбудсмена, являются как общие стандарты омбудсменов и ADR-процессов в международных ассоциациях (например, The Ombudsman Association), так и корпоративные уставы организаций. Примером последнего варианта служит закрепление в уставе международной интернет-структуры ICANN — организации,

управляющей доменами и адресами в Интернете — официального статуса омбудсмена, обеспечивающего альтернативное разрешение споров между участниками сообщества и ICANN, расследующего жалобы на действия, решения или бездействие Совета, подразделений и сотрудников, разрабатывающего рекомендации для эффективизации ее интернет-управленческой практики. Возникнув в 2004 году, выступает как пример универсального онлайн-омбудсмена в рамках международной интернет-организации.

На ICANN возложены все основные административные обязанности по управлению и регулированию системы адресации сети Интернет. При этом родовые домены верхнего уровня (gTLDs) управляются непосредственно данной организацией и оператором соответствующего Реестра доменных имен, в рамках соглашения с ICANN, что же касается национальных доменов верхнего уровня (ccTLDs), то они делегированы соответствующим национальным администраторам, которые устанавливают правила регистрации для них либо сами, либо согласно указаниям правительства. Полномочия администратора национального домена верхнего уровня проистекают из соглашения с ICANN, а также соглашения с уполномоченным государственным органом.

Кроме технического сопровождения работы адресного пространства Интернета, ICANN также определяет руководящие принципы и общую политику в области функционирования Интернета, затрагивающую в том числе и особенности правового статуса доменных имен, а также порядок разрешения споров, связанных с их регистрацией. В настоящее время структура ICANN предполагает децентрализованную модель управления Интернетом, позволяющую в равной мере учитывать интересы правительств, организаций и сообщества пользователей сети. Основная идея такого управления заключается в том, что Интернетом следует управлять «открыто и без границ» [11].

Особенно актуальным за последнее время стал вопрос о соотношении прав на доменное имя и средства индивидуализации. С того момента, как Интернет приобрел популярность, возникло такое явление, как киберсквоттинг, представляющий собой форму недобросовестного поведения, при котором будущий администратор регистрирует доменное имя не с целью использования в своей деятельности, а намереваясь извлечь выгоду посредством перепродажи или предоставления его в пользование правообладателю товарного знака или иного средства индивидуализации. Использование сторонними лицами доменного имени, схожего с наименованием товарного знака, фирменным наименованием или иным средством индивидуализации, может нанести ощутимый вред как правообладателю, так и другим лицам, вводя пользователей сети Интернет в заблуждение относительно реального производителя продукции или поставщика услуг.

Несовершенство законодательства долгое время не позволяло адекватно защитить интересы правообладателей, чем и пользовались недобросовестные администраторы доменных имен, принуждая их к выкупу

доменного имени по завышенным ценам или же обманывая пользователей сети Интернет, доверяющих определенной фирме или марке. Данная проблема сегодня частично решена благодаря сформировавшейся судебной практике. Между тем правовые подходы, применяемые судами при разрешении доменных споров, чрезмерно сосредоточены на защите интересов правообладателей средств индивидуализации, что, в свою очередь, становится причиной неоправданного притеснения прав добросовестных администраторов доменных имен. Не только владельцы средств индивидуализации заинтересованы в защите своих прав от действий, подобных киберсквоттингу. Многие пользователи сети создают личные web-страницы и блоги, в связи с чем актуальным становится вопрос о защите в сети Интернет личного имени человека. Сколь естественно желание правообладателя товарного знака использовать его в доменном имени своего сайта, столь же очевидна потребность обычного человека применять в адресе сайта свое имя или фамилию. Сказанное выше вдвойне справедливо в отношении людей знаменитых, чье имя широко известно и может быть использовано для рекламы, продвижения и индивидуализации товаров и услуг.

Следует также отметить, что одной из организаций, привлеченной ICAAN к участию в системе доменных имен в программе new gTLD, выступает Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO), которая занимается разработкой конкретных регуляторов системы доменных имен, результатом их деятельности стало принятие ICANN Единой политики разрешения споров о доменных именах (UDRP) для борьбы со злоупотреблением товарными знаками в доменных именах, защиты буквенных и иных идентификаторов, не являющихся товарными знаками, в системе доменных имен. В 2005 г. WIPO также подготовила отчет «Новые домены верхнего уровня (new gTLD): аспекты интеллектуальной собственности», в котором отметила, что в дополнение к UDRP в качестве средства правовой защиты в любых new gTLD потребуются дополнительные гарантии их правомерного использования, включая превентивную защиту товарных знаков [11].

В рамках сотрудничества WIPO и ICANN для реализации возможности защиты прав международных и межправительственных организаций, а также владельцев товарных знаков была разработана система возражения по юридическим правам (LRO). На основе осуществления указанного механизма защиты прав вышеупомянутые субъекты имеют возможность подать официальное возражение по созданию нового доменного имени первого уровня в отношении лица, которое подало заявку. Для рассмотрения данного вопроса создается независимая комиссия из одного или трех независимых экспертов. Единая система быстрого разбирательства (URS) служит прямым дополнением ранее рассмотренной UDRP и предназначена для очевидно явных случаев злоупотребления товарными знаками. В связи с этим отличительной чертой URS является то, что она не предназначена для использования в разбирательствах наиболее сложных юридических споров. Единственным

средством правовой защиты, которое комиссия URS может предоставить выигравшему дело истцу, видится временная приостановка действия доменного имени на оставшуюся часть периода регистрации (который может быть продлен победившим истцом на один год по коммерческим ставкам). Отклонение URS жалобы заявителя не лишает его возможности для подачи иска в соответствии с условиями UDPR или в суд компетентной юрисдикции. Процедура разрешения споров после делегирования (PDDRP) — это механизм разрешения споров, разработанный ICANN, являющийся одним из наиболее авторитетных видов защиты прав, поскольку основывается на защите доменных имен более высокого уровня, а также предусматривает административную альтернативу судебным искам в отношении реестров. PDDRP включает в себя ряд процедурных уровней и предназначен для того, чтобы позволить владельцам товарных знаков разрешить проблемные аспекты использования доменных имен, когда действия оператора или использование домена приводят к нарушению прав на товарные знаки на верхнем либо втором уровне. При этом в рамках действующего механизма сформированы три типа PDDRP: PDDRP по товарным знакам, PDDRP по ограничениям регистрации и PDDRP по общественным интересам, каждый из которых имеет свои особенности [11]. В PDDRP, изложенной ICANN, говорится, что оператор реестра не несет ответственности в соответствии с PDDRP только потому, что имена, нарушающие права, находятся в его реестре, или оператор реестра знает, что имена, нарушающие права, находятся в его реестре, или он не отслеживал имена, зарегистрированные в его реестре.

На региональном уровне интересен опыт стран ЕС, где сделаны первые шаги институционального решения споров, близкого по функциям к интернет-омбудсмену, по обеспечению единообразного контроля за обеспечением принципов справедливости, равенства и недискриминации, гуманизма, правоприменением норм ЕС по защите прав и свобод личности в цифровой среде со стороны интернет-платформ. Digital Services Act ЕС создал независимые органы для внесудебного разрешения споров («out-of-court dispute settlement») на решения интернет-платформ по удалению и содержанию контента, блокировке аккаунтов, обеспечению правопреемства. Особое внимание в последнее время уделяется защите прав несовершеннолетних от вредоносной для их психического и физического состояния информации, запрета или ограничения доступа к социальным сетям. Помимо этого, для стран ЕС характерна обширная практика онлайн-ADR(ODR) — подвижные электронные механизмы урегулирования споров между пользователями и компаниями/платформами, связанных с защитой прав потребителя, электронной торговлей и интернет-услугами.

В национальном законодательстве институт интернет-омбудсмена (или аналогичных институтов по защите цифровых прав) характеризуется высокой степенью вариативности и разноплановости подходов к доминирующей цели и основным задачам его функционирования, формам реагирования

на интернет-конфликты между пользователями и интернет-платформами, а также государственными структурами, регулирующими информационные ресурсы, к объему их компетенции и юридической силе решений.

В настоящее время в ряде стран накоплен достаточно значительный опыт функционирования института интернет-омбудсмана. Например, австрийский интернет-омбудсмен (Austrian Internet Ombudsman) рассматривает жалобы на электронные транзакции и иные онлайн-конфликтные ситуации, обеспечивая возможность бесплатного альтернативного их урегулирования.

С 2016 г. возник официальный институт для рассмотрения жалоб при использовании интернет-ресурсов во Франции. При рассмотрении законопроекта в парламенте страны в обсуждении активное участие приняли представители Google и Twitter. Однако учреждение института преследовало узконаправленную цель — правовое содействие и консультативная помощь организациям и предприятиям для предотвращения неоправданного удаления интернет-контента, проведение независимой процедуры оценки стоящих под угрозой удаления интернет-материалов с целью обеспечения свободы и доступности информации. Так, Д. Шефец, основавший в 2014 году Ассоциацию за подотчетность и интернет-демократию (AAID) и являющийся одним из разработчиков законопредложения, обратил внимание, что «согласно Директиве об электронной торговле, интернет-провайдеры (ISP) несут гражданскую и уголовную ответственность, как только им становится известно о якобы незаконном контенте. Одним из последствий такой ответственности является удаление небольшими компаниями такого контента из-за опасений последующих санкций. Риск для свободы слова реален... из-за растущего давления на интернет-провайдеров...» В таких ситуациях помощь должен обеспечить путем быстрого реагирования интернет-омбудсмен, офис которого с высококвалифицированным персоналом либо распорядится после экспертной оценки удалить материал, либо разрешит его сохранить. Помимо этого, он может провести предварительную экспертизу, чтобы оценить риски размещения интернет-материалов, что особенно будет ценно для небольших компаний, не имеющих финансовых возможностей содержать значительный штат юристов, а также бороться с контентом, содержащим клеветнические высказывания и действующим во вред их конкурентоспособности, а также определить дискриминационные риски интернет-контента, предотвратить незаконное ограничение доступа к Интернету, обеспечить защиту частных данных путем оказания правового сопровождения [12]. Аналогичные задачи поставлены перед данным институтом в ФРГ.

В 2017 г. в эпицентре внимания британских законодателей, ученых-правоведов и юристов-практиков также оказался вопрос о создании специализированного института интернет-омбудсмана, основной целью которого было бы рассмотрение жалоб на преступления в онлайн-среде на почве ненависти, такие как оскорбления и угрозы применения насилия в социальных

сетях. Парламентарий председатель специального комитета по внутренним делам И. Купер в своем выступлении подчеркнула: «Компании, работающие в социальных сетях, по-прежнему слишком медленно реагируют на опасный экстремизм, незаконный контент, угрозы или запугивание в Интернете, и это влияет на всю нашу жизнь». В январе того же года уполномоченный по правам ребенка в Англии Э. Лонгфилд в докладе «Цифровое взросление» рекомендовала учредить должность детского цифрового омбудсмена для рассмотрения обращений подростков к компаниям социальных сетей с просьбой удалить незаконные посты. На основе этих и других предложений была создана правительственная стратегия обеспечения безопасности в Интернете, частью которой стало создание института интернет-омбудсмена в качестве независимого органа, выступающего посредником между представителями общественности и компаниями, занимающимися социальными сетями. Интересно, что в качестве радикальных мер предлагалось взимание налогов с компаний, работающих в социальных сетях, для покрытия расходов на онлайн-полицию [13].

Несколько иная основная задача ставилась в 2014 г. в Российской Федерации при учреждении общественной должности уполномоченного по защите прав человека в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, который должен был содействовать развитию отрасли в правовых рамках, вносить инновационные интернет-проекты. Однако, несмотря на действия в составе аппарата уполномоченного при Президенте России по защите прав предпринимателей, основные усилия были сосредоточены на разрешении вопросов, связанных с ликвидацией нарушений прав предпринимателей при осуществлении регулирования и контроля функционирования Интернета, создании благоприятных условий и поддержке высокотехнологичных проектов [14]. Достаточно уникальным в сфере цифрового обеспечения рассмотрения жалоб о нарушении прав молодежи в Интернете стало создание так называемого Молодежного цифрового омбудсмена. С этой целью была создана платформа «Цифропомощь», включающая в себя 7 тематических блоков — от кибербуллинга до охраны персональных данных, причем, одной из ее приоритетных функций является превентивная направленность. Учитывая психологические особенности данной возрастной группы, при обращении достаточно после описания сложной ситуации оставить только свой электронный адрес при нежелании сообщать иные личные данные. В ответ предоставляется детальная пошаговая инструкция по обращению в компетентные структуры, общественные организации, которые помогут преодолеть возможные негативные последствия и обеспечат социальную поддержку [15].

В соответствии с Законом о неприкосновенности частной жизни и Законом о защите личной информации и электронных документов 2000 г. Австралии создан институт управления уполномоченного по защите частной жизни. В 2010 г. специальной Канадской комиссией по защите частной жизни была проведена проверка эффективности модели омбудсмена, в том

числе в регулировании онлайн-пространства, подготовлены предложения по оптимизации структуры офиса, мандата и расширению компетенции уполномоченного, при его активном участии в анализе законодательства и соответствующей государственной политики. Особое внимание было уделено регулированию практики частного сектора по защите личной информации. В расширенном формате одновременно с ним защищает права пользователей в цифровой среде Telecommunication Industry Ombudsman [16].

Одним из самых «сильных» по объему полномочий и независимых представителей сообщества омбудсменов является Digital Ombudsman Швеции, действующий на постоянной основе с 2021 г., обеспечивающий защиту пользователей от дезинформации, нарушения приватности, в случае угрозы безопасности, проявлений неуважения к чести и достоинства личности. Надо сказать, что с развитием инновационно-коммуникативных технологий одновременно происходит расширение функциональных обязанностей и ряда достаточно давно созданных специализированных омбудсменов, с добавлением интернет-среды в сферу их целевого назначения. К данной категории, например, относится омбудсмен по делам прессы Швеции, который отвечает за расследование нарушений правил издания не только печатных СМИ, но и издаваемых в виртуальной среде с контролированием обязанностей журналистов в аспекте соблюдения ими правил профессиональной этики и недопущения случаев вмешательства в частную жизнь граждан. Примером может быть также действующий в Венгрии специальный уполномоченный по защите данных и свободе информации.

Оценивая перспективы развития института специализированного интернет-омбудсмента на универсальном и национальном уровнях, необходимо обратить внимание на такие актуальные проблемы, как:

– отсутствие единообразного понимания и унифицированного подхода к роли, функциональному назначению и объему компетенции, субъектному составу лиц обращения к его посредничеству и формам реагирования на поступившие жалобы на интернет-платформы и действия их сотрудников;

– отсутствие разработанной нормативной базы, определяющей правовой статус интернет-омбудсмента и его взаимодействие как с государственными структурами, так и с интернет-платформами и акторами гражданского общества;

– гарантии обеспечения независимости интернет-омбудсмента, а также его возможности участия в законотворчестве в области его профессиональной компетентности с целью совершенствования национального законодательства и др.

Для преодоления этих препятствий на пути внедрения данного института в тех странах, в которых он отсутствует или находится еще на начальной стадии, а также повышения его эффективности, где он функционирует достаточное количество времени, по мнению большинства исследователей, возможно:

- принятие универсального модельного правового акта для обеспечения скоординированности действий соответствующих национальных структур и многовекторного взаимодействия с международными организациями по управлению интернет-ресурсами;
- разработка правового механизма обеспечения практик альтернативного разрешения споров между пользователями, платформами и регуляторами;
- включение в национальные профильные законы об информации и онлайн-пространстве положений об учреждении данного института и его компетенции или, возможно, принятие отдельного НПА. В настоящее время нормативной правовой базой организации и деятельности интернет-омбудсменов или схожих институтов (например, независимые экспертные органы для пересмотра спорных решений интернет-платформ), как правило, являются общие законодательные нормы информационного права, уставные положения и внутренние правила интернет-платформ, что предопределяет высокую степень пробельности и коллизионности в данной области.

Список использованных источников:

1. Бойцова, В.В. Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт / В.В. Бойцова. — М.: Издательство БЕК, 1996. — 408 с.
2. Лебедев, А.И. В аппарате уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / А.И. Лебедев // Московский журнал международного права. — 2000. — № 1 (январь — март). — С. 127–135.
3. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. // Энциклопедический словарь / рук. авт. кол. С.М. Шахрай. — М.: Юристъ, 1995. — С. 141–142.
4. Региональный уполномоченный по правам человека — первые шаги в России // Развитие института Уполномоченного по правам человека в российских регионах / под ред. А.Ю. Сунгурова. — СПб.: Норма, 1999. — Т. 2: Региональный омбудсмен. — С. 198–205. (Приложение к журналу «Северная Пальмира»).
5. Брилёва, В.А. Место института омбудсмана в правозащитном механизме Республики Беларусь / В.А. Брилёва // Веснік Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь. — 2005. — № 20. — С. 71–76.
6. Альхименко, В.В. Конституционное право: учебник для вузов / В.В. Альхименко, В.Н. Бутылин, Н.В. Витрук; под ред. В.В. Лазарева. — Изд. 2-е перераб., доп. — М.: Юристъ, 2004. — 605 с.
7. Righting Wrongs. The Ombudsman in Six Continents / ed. by Roy Gregory and Philip Giddings. — Amsterdam, 2000. — 500 p.
8. Белякович, Н.Н. Права человека и политика: философско-правовые основы / Н.Н. Белякович. — Мн.: Амалфея, 2009. — 412 с.
9. The International Ombudsman Anthology. Selected Writing from the International Ombudsman Institute / ed. by Linda C. Peif. — The Hague: Kluwer Law International, 1999. — 745 p.
10. Вагизов, Р.Г. Понятие омбудсмана (уполномоченного по правам человека) в современной правовой доктрине / Р.Г. Вагизов // Российская юстиция. — 2008. — № 11. — С. 40–44.
11. Rights Protection Mechanisms for New Top-Level Domains (TLDs). — URL: <https://www.wipo.int/amc/en/domains/rpm/> (дата обращения: 12.01.2026).

12. France plans internet ombudsman to safeguard free speech. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/dec/19/france-plans-internet-ombudsman-to-safeguard-free-speech> (дата обращения: 30.01.2026).

13. UK considers internet ombudsman to deal with abuse complaints. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/aug/22/uk-considers-internet-ombudsman-to-deal-with-abuse-complaints> (дата обращения: 15.02.2026).

14. Мочалов, А.Н. Об учреждении в России должности уполномоченного по защите прав человека в сфере информационно-телекоммуникационных технологий / А.Н. Мочалов // Правовое государство: теория и практика. — 2022. — № 2(68). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-uchrezhdenii-v-rossii-dolzhnosti-upolnomochennogo-po-zaschite-prav-cheloveka-v-sfere-informatsionno-telekommunikatsionnyh> (дата обращения: 12.01.2026).

15. Гуляев, Д. Защита прав в онлайн-среде: как подать обращение Молодежному цифровому омбудсмену / Д. Гуляев. — URL: https://www.gazeta.ru/comments/2021/10/21_a_14118931.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 13.02.2026).

16. Sossin, L. Powers and Functions of the Ombudsman in the Personal Information Protection and Electronic Documents Act: An Effectiveness Study: Prepared for the Canadian Privacy Commission, 2010 / L. Sossin, F. Houle. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1911272 (дата обращения: 16.02.2026).

КРИМИНОГЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В.Г. Стаценко

Криминологические исследования последних лет свидетельствуют о том, что характер и содержание преступности в сегодняшних условиях претерпевают серьезные изменения, криминальная деятельность приобретает черты и свойства, обусловленные, главным образом, переходом к качественно новому этапу цивилизационного развития, определяемого внедрением во все сферы жизни общества информационно-коммуникационных цифровых технологий.

Интегрированный итог криминологического анализа современных тенденций преступности представлен в Киотской декларации «Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечения верховенства права: навстречу осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятой 14 Конгрессом ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию 7–12 марта 2021 г. в г. Киото, Япония. В разделе «Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности» Киотской декларации выделяются конкретные криминальные деяния, наиболее подверженные трансформациям. Так, обращается внимание на важность борьбы со следующими из них: организованная преступность; торговля людьми; незаконный ввоз мигрантов; незаконный оборот огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему; наркоторговля; эксплуатация,

торговля, насилие и пытки в отношении детей, включая сексуальную эксплуатацию детей; незаконный оборот объектов дикой живой природы, в том числе флоры и фауны; фальсификация медицинской продукции; незаконный оборот культурных ценностей и другие преступления против культурных ценностей; контрабанда коммерческих товаров; преступления на почве ненависти; киберпреступность [1].

Практически все приведенные криминальные явления представляют собой отдельный сегмент криминального рынка, имеющего обширную транснациональную распространенность. Кроме того, почти каждое из содержащихся в приведенном перечне преступное деяние способно нанести вред не только общественной, но и национальной безопасности страны.

Очевидно, что в каждом государстве перечисленные выше тенденции развиваются по-разному в зависимости от уровня развития страны, социально-экономического состояния, численности и национального состава населения, географического расположения, уровня преступности и иных криминологически значимых обстоятельств.

В Республике Беларусь эти криминальные проявления также обладают специфическими характеристиками. Структура преступности в стране в последние годы существенно изменяется: происходит определенное сокращение объема и удельного веса традиционных уголовных преступлений, таких как кражи, угон автомобилей и некоторых других. Одновременно фиксируется увеличение в структуре преступности криминальных деяний, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, причем это относится и к таким видам преступлений, как мошенничество, вымогательство, наркопреступления, преступления экстремистской направленности и др.

Все это с очевидностью определяет актуальность, а также научную и практическую значимость рассматриваемой проблемы.

Материал: эмпирические данные, в частности, международные и официальные статистические источники Республики Беларусь, позволяющие провести сравнительный анализ официальных количественных и качественных показателей киберпреступности в стране, научные публикации по теме исследования.

Общей теоретической и методологической базой для решения поставленных задач послужили общенаучные методы познания (описание, сравнение, анализ, синтез). В зависимости от конкретных задач исследования в работе использовались описательно-аналитический, сравнительно-правовой, статистический, логический и системно-структурный методы.

Противодействие преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий и совокупность мер по ее предупреждению — составная часть как международной, так и национальной безопасности. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 № 5, подчеркивается,

что «в условиях глобальной цифровизации кибербезопасность критической инфраструктуры и больших данных приобрела исключительное значение для обеспечения устойчивости всех сфер жизнедеятельности», а «дальнейшее развитие безопасной информационной среды и информационного общества», включая превенцию преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, следует рассматривать как важнейший национальный интерес в информационной сфере» [2].

Вместе с тем борьба с преступностью в сфере информационно-коммуникационных технологий существенно осложняется тем обстоятельством, что современные технологии внедряются в преступную среду и используются ею существенно быстрее, чем развивается соответствующее законодательство, определяющее меры противодействия криминальным проявлениям в области информационно-коммуникационных технологий, а также реакция на развитие т.н. киберпреступности со стороны правоохранительных органов. Все это значительно затрудняет процессы выявления преступлений и сбора доказательственной базы.

Понятие «киберпреступность» хотя и активно применяется в последние десятилетия в качестве доктринального, прежде всего, термина, тем не менее законодательного закрепления во многих странах, да и на международном уровне, почти не имеет. Так, по оценке ООН, из 200 актов законодательства различных стран, относящихся к области противодействия преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), термин «киберпреступность» использовался лишь примерно в 5% случаев [3, с. 68]. Создает проблему и то обстоятельство, что указанное понятие имеет различающуюся содержательную трактовку.

Киберпреступность — в соответствии с определением его содержания, данным на 10 Конгрессе ООН по предупреждению преступности 2000 года (неофициальная трактовка справочного характера) [4], — это родовое понятие, охватывающее как компьютерную преступность в узком значении этого слова (где компьютер является предметом, а информационная безопасность — объектом преступления), так и иные посягательства (широкое значение киберпреступности), когда компьютеры используются как орудия или средства совершения преступлений против собственности, авторских прав, общественной безопасности или нравственности (например, компьютерное мошенничество и т.п.).

В соответствии с рекомендациями экспертов ООН, термин «киберпреступность» охватывает любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети. Таким образом, к киберпреступлениям может быть отнесено любое преступление, совершенное в электронной среде.

Согласно Европейской Конвенции о киберпреступности (в русском переводе показательно — «Конвенция о компьютерных преступлениях»)

выделены два вида киберпреступлений: 1) компьютерные преступления против данных и систем (offences against the confidentiality, integrity and availability of computer data and systems); 2) преступления, связанные с компьютером (computer-related offences) [5], т.е. преступления, где компьютерные технологии используются в качестве орудия преступления.

В русскоязычной литературе термин «киберпреступность» чаще всего употребляется наряду с такими понятиями, как компьютерная преступность, преступления в сфере компьютерной информации, Интернет-преступность, преступления в сфере высоких технологий, преступления, сопряженные с компьютерными технологиями.

В законодательстве Республики Беларусь термин «киберпреступность» хотя и используется, например в наименовании главы 19 «Противодействие киберпреступности» Концепции информационной безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 года [6], тем не менее правового определения также не имеет. В Уголовном кодексе Республики Беларусь применяется понятие «преступления против компьютерной безопасности». Глава 31 Раздела XII УК Республики Беларусь под этим наименованием включает в себя 5 видов преступлений, содержащихся в соответствующих статьях.

Необходимо исходить из того, что объединяющими признаками всех преступлений, входящих в состав киберпреступности, являются средства их совершения — киберпространство, информационно-телекоммуникационные сети и средства компьютерной техники. Соответственно, киберпреступность можно определить как совокупность преступлений, совершенных путем использования средств компьютерной техники и информационно-телекоммуникационных сетей.

Исходя из данной трактовки киберпреступности, составляющие ее противоправные деяния можно — по объекту посягательства — классифицировать следующим образом:

- преступления, направленные на незаконное завладение, изъятие, уничтожение либо повреждение средств компьютерной техники и носителей информации (посягательства на собственность);
- преступления, направленные на получение несанкционированного доступа к компьютерной информации, ее модификации, связанные с неправомерным завладением компьютерной информацией, разработкой, использованием либо распространением вредоносных программ и т.д. (преступления против информационной безопасности);
- преступления, в которых компьютеры и другие средства компьютерной техники применяются в качестве средства совершения корыстного преступления (хищение путем использования компьютерной техники).

Термин «киберпреступность», таким образом, существенно шире понятия «компьютерные преступления».

Киберпреступность превращается в один из самых крупных вызовов, с которыми человечество столкнется в ближайшие десятилетия.

Согласно «Отчету о рынке кибербезопасности за 2026 год», подготовленному Cybersecurity Ventures, ущерб от киберпреступности обойдется миру в 10,5 трлн долларов США в 2026 году — по сравнению с 6 трлн долларов в 2021 году и 3 трлн долларов в 2015 году, а к 2031 году объем продуктов и услуг в области кибербезопасности достигнет 1 трлн долларов США в год (в 2004 году этот рынок оценивался в 3,5 миллиарда долларов) [7].

Основными правовыми проблемами при расследовании киберпреступлений и судебном преследовании киберпреступников являются: разные правовые системы государств; различия национальных законодательств о киберпреступности; различия в нормах доказательственного права и уголовного судопроизводства (например, в процедурах получения доступа к цифровым доказательствам правоохранительными органами); различия в охвате и географической применимости региональных и многосторонних договоров о борьбе с киберпреступностью; различия в подходах к защите данных и соблюдению прав человека и др.

Европол разделяет киберпреступления на «киберзависимые преступления (т.е. любое преступление, которое может быть совершено только с использованием компьютеров, компьютерных сетей или других форм информационно-коммуникационных технологий)» и преступления, «совершаемые посредством кибертехнологий (т.е. традиционные преступления, совершаемые с помощью Интернета и цифровых технологий)» [8].

Киберпреступность становится все более серьезной проблемой для стран, в которых хорошо развита инфраструктура Интернета и функционируют платежные системы. Согласно последним оценкам Интерпола угрозы киберпреступности, последняя становится все более агрессивной и конфронтационной. Это можно наблюдать в различных формах киберпреступности, включая высокотехнологичные преступления, утечку данных, кибермошенничество, кибербуллинг.

В 2019 году Секретариат ООН предложил государствам-членам представить информацию о проблемах, с которыми они сталкиваются в борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий в преступных целях — для подготовки доклада Генерального секретаря ООН на ее 74 сессии.

В предоставленной Республикой Беларусь информации отмечалось, в частности:

– «принимая во внимание модернизацию современной наркопреступности и использование даркнета и криптовалют в целях незаконного оборота наркотиков, Беларусь считает, что одним из приоритетных направлений деятельности государств-членов должна стать организация обмена информацией, касающейся средств совершения преступлений и методов обнаружения преступной деятельности в даркнете, на наднациональном уровне; подборка и изъятие электронных доказательств; а также разработка и использование конкретных методов расследования преступлений, совершенных в виртуальном пространстве;

– по мнению Беларуси, разработка и принятие универсального международного документа в рамках ООН будет содействовать развитию сотрудничества между компетентными органами государств-членов в борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» [9].

Состояние, динамика и особенности преступности в сфере современных информационно-коммуникационных технологий в Республике Беларусь. В Республике Беларусь по состоянию на конец 2025 года насчитывалось 8,47 млн интернет-пользователей, что составляет 94,3% от общей численности населения. Число пользователей социальных сетей в Беларуси составило 7,64 млн активных пользователей, увеличившись в период с конца 2024 года по конец 2025 года на 1,8 миллиона (+30,6%) [10].

При этом, по экспертным оценкам, лишь незначительная часть пользователей информационно-коммуникационных технологий обладают навыками принятия мер безопасности. Как отмечается специалистами Национального центра кибербезопасности ОАЦ при Президенте Республики Беларусь, «в области кибербезопасности преобразующая сила ИКТ как катализаторов экономического роста и социального развития находится в критической точке, когда доверие населения и организаций к использованию таких технологий подрывается отсутствием кибербезопасности» [11, с. 3].

Высокие темпы проникновения информационных технологий и безналичных платежей во все сферы жизнедеятельности человека наряду с имеющей место неквалифицированностью и неосмотрительностью определенной части пользователей являются предпосылкой возрастающего числа противоправных деяний в данной сфере.

На протяжении последних лет в Республике Беларусь наблюдается устойчивый рост количества регистрируемых киберпреступлений. Так, если в 2006 году было зарегистрировано всего 334 таких преступления, то в 2015 году — 2.473, в 2016 — 2.950, в 2017 — 3.111, в 2018 — 4.769, в 2019 — 10.567, в 2020 — 25.575, в 2021 — 16.446. В 2022 году количество хищения имущества путем модификации компьютерной информации и преступлений против компьютерной безопасности снизилось до 13.541 [12, с. 135].

Данные на 2023 год противоречивы. Национальный статистический комитет Республики Беларусь показывает уменьшение числа рассматриваемых преступлений — до 13.130, в то время как в обзорах статданных о результатах расследования преступлений на территории государств-участников СНГ указывается, напротив, существенный их рост до 18.321 преступлений. При этом если в 2022 году уровень киберпреступности в общей структуре преступности составлял 16,5%, то в 2023-м он вырос до 21,5% [13].

Статистика 2024 года также неоднозначна. Согласно данным статкомитета Республики Беларусь, в 2024 году число регистрируемых преступлений в сфере ИКТ резко сократилось — до 7.086 преступлений, т.е. почти на 50% [12, с. 135]. В то же время, по утверждению аналитиков

F.A.C.S.T. Fraud Protection, количество киберпреступлений в Беларуси продолжало расти и в 2024 году составило более четверти от всех преступлений в стране [14], т.е. по меньшей мере порядка 18 тыс. преступлений. По другим данным, в 2024 году в стране было зарегистрировано 20.137 киберпреступлений, а доля киберпреступлений в общей структуре преступности возросла до 27,5% [15, с. 107].

подавляющее большинство преступлений, выявленных в сфере высоких технологий (свыше 90%), в последние годы относятся к хищениям путем модификации компьютерной информации (ст. 212 УК). Так, в 2021 году было зарегистрировано 14.291 преступлений (92% от всех киберпреступлений) по ст. 212 УК «Хищение имущества путем модификации компьютерной информации», 1104 — по статье 349 УК «Несанкционированный доступ к компьютерной информации», 45 — по ст. 350 УК «Уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации», 16 — по ст. 352 УК «Неправомерное завладение компьютерной информацией», 33 — по ст. 354 УК «Разработка, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств» [16]. Атаки происходят в большинстве случаев с территории других стран.

Большая часть преступлений в рассматриваемой сфере на территории Республики Беларусь связана с кибермошенничеством, причем более 60% таких преступлений, по оценке представителей главного управления по противодействию киберпреступности МВД Республики Беларусь, приходится на покупку несуществующих товаров в Интернете и различные виды мошенничества в сфере услуг, таких, например, как аренда жилья. Далее по распространенности занимают преступления, связанные с вишингом, когда гражданам поступают звонки из «банковских учреждений», «правоохранительных органов», а также звонки или сообщения от «руководителей организаций» с вымышленного аккаунта. В каждом из этих случаев проводится психологическая обработка жертвы, основанная на методах социальной инженерии. Главная цель злоумышленника — склонить человека к добровольному переводу средств, оформлению кредита, проведению манипуляций со своими сбережениями, чтобы они попали на контролируемый преступником счет [17].

Киберпреступность отличается высоким уровнем латентности: регистрирующие органы не фиксируют значительную часть совершаемых преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, а официальная статистика не отражает реальное состояние дел. В настоящее время не существует ни релевантной статистики, отражающей реальную картину состояния киберпреступности, ни надежных методов сбора таких данных. Значительная часть киберпреступлений остается вне поля зрения правоохранительных органов.

Рассматриваемые преступления, в силу их технологических особенностей и виртуальности, относятся к деяниям, где во многих случаях нет

явно выраженной жертвы (либо она не осознает себя таковой), что предопределяет высокий уровень естественной латентности.

Неотъемлемой и очень важной частью криминологического анализа преступности в сфере ИКТ, является криминологическая характеристика лиц, совершающих киберпреступления.

Совокупность лиц, совершающих преступления в сфере информационных технологий, достаточно разнородна по своему составу. Поэтому стремление построить обобщенный портрет всех личностей, совершающих противоправные действия в данной сфере, обречено на неудачу. Очевидно, что личность хакера будет отличаться от личности преступника, совершающего хищение средств путем взлома банкомата.

В 2024 году, по материалам окончанных производством уголовных дел анализируемой категории, 74,1% обвиняемых — мужчины, 25,9% — женщины, 23,0% — лица, ранее судимые за различные преступления, 17,3% составляют несовершеннолетние [15, с. 108].

Динамика числа лиц, осужденных за совершение хищения имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212 УК), следующая: в 2020 году было осуждено 1.506 человек, в 2022 году — 1.192, в 2023 году — 1.080, в 2024 году — 970, в 2025 году — 892 [18].

Условиями развития киберпреступности в Республике Беларусь можно полагать:

– ускоренную цифровизацию различных сторон жизнедеятельности населения последних лет, включая бытовую и досуговую сферы (безналичные способы оплаты услуг, активное использование соцсетей и др.) и, следовательно, расширение поля деятельности и возможностей киберпреступников;

– сохраняющийся невысокий уровень цифровых компетенций граждан, о чем свидетельствует высокий удельный вес киберпреступлений, подпадающих под состав преступлений мошенничества, и жертв таких преступлений;

– проблемы, связанные с несовершенством деятельности органов правопорядка, среди которых существенную роль играет недостаточный арсенал технических средств и технологий, не позволяющий в ряде случаев эффективно противостоять «новой» преступности;

– отсутствие в международном и национальном уголовных законодательствах унифицированного подхода к описанию признаков состава рассматриваемых преступлений, что не способствует эффективному противодействию им;

– высокий уровень латентности киберпреступности.

При этом, если принимать во внимание общемировые тенденции, прежде всего ожидается дальнейший рост хищений путем использования компьютерной техники и случаев несанкционированного доступа к компьютерной информации, совершаемых, в частности, мошенническими методами, посредством фишинга и взлома учетных записей пользователей в социальных сетях.

В Концепции информационной безопасности Республики Беларусь отмечается, что «в Республике Беларусь создана система предупреждения, выявления, пресечения и всестороннего расследования киберпреступлений... В связи с появлением новых общественно опасных деяний в информационной сфере устанавливается уголовная и иная ответственность за их совершение. Обеспечивается постоянное совершенствование форм и методов предупреждения, выявления, пресечения и расследования киберпреступлений, повышается своевременность и качество оперативно-розыскной деятельности» [6].

В феврале 2023 года был принят Указ Президента Республики Беларусь «О кибербезопасности», в соответствии с которым «в целях повышения уровня защиты национальной информационной инфраструктуры от внешних и внутренних угроз» в Республике Беларусь создана национальная система обеспечения кибербезопасности, задачами которой являются:

- достижение максимальной скоординированности действий государственных органов и иных организаций по обнаружению, предотвращению и минимизации последствий кибератак на объекты информационной инфраструктуры;
- постоянный поиск потенциальных уязвимостей национального сегмента глобальной компьютерной сети Интернет;
- проведение анализа информации о кибератаках и вызванных ими киберинцидентах, установление причин киберинцидентов;
- оценка эффективности защищенности объектов информационной инфраструктуры от кибератак;
- прогнозирование ситуации в области обеспечения кибербезопасности [19].

Наряду с созданием и функционированием национальной системы обеспечения кибербезопасности, одним из приоритетных направлений деятельности уполномоченных государственных органов определена профилактика киберпреступности, «основанная на популяризации среди населения, прежде всего молодежи, нетерпимости к асоциальному поведению в информационном пространстве, проведении разъяснительной работы в СМИ и сети Интернет в целях формирования безопасной национальной информационной экосистемы» [6].

Принимаемые государством меры по предотвращению киберпреступлений способны обеспечить необходимый эффект на практике только в тех случаях, когда осуществляется взаимодействие государственных органов с институтами гражданского общества, включая общественные объединения, органы местного самоуправления, СМИ, образовательными и научными организациями.

Список использованных источников:

1. Киотская декларация «Активизация мер предупреждения преступности, уголовного правосудия и обеспечения верховенства права: навстречу осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» / 14 Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию.

правосудию, Киото, Япония, 7–12 марта 2021 года. — URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/Congress/Kyoto_Declaration_booklet/21-02817KyotoDeclaration_ebook_R.pdf (дата обращения: 14.03.2026).

2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утверждена Решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 № 5 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

3. Овчинский, В.С. Криминология цифрового мира / В.С. Овчинский. — М.: Норма: Инфра-М, 2026. — 348 с.

4. Преступления, связанные с использованием компьютерной сети // 10 Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. — С. 4–5. — URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/017_ACONF.187.10_Crimes_Related_to_Computer_Networks_R.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

5. Convention on Cybercrime Budapest, 23.XI.2001. — URL: <https://rm.coe.int/1680081561> (дата обращения: 15.03.2026).

6. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь: утверждена постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь 18 марта 2019 г. № 1 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

7. Official 2026 Cybersecurity Market Report: Predictions and Statistics. — URL: <https://cybersecurityventures.com/official-2026-cybersecurity-market-report-predictions-and-statistics> (дата обращения: 14.03.2026).

8. Киберпреступность / UNODS. — URL: <https://www.Unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-1/key-issues/cybercrime-in-brief.html> (дата обращения: 10.03.2026).

9. Генеральная Ассамблея ООН. 74 сессия. Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях: доклад Генерального секретаря. — URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/SG_report/V1908184_R.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

10. Интернет и соцсети в Беларуси: отчет Digital 2026 / М-во информации Респ. Беларусь. — URL: <http://mininform.gov.by/news/all/internet-i-sotsseti-v-belarusi-otchet-digital-2026/> (дата обращения: 15.03.2026).

11. Рекомендации государственным органам и иным организациям (в том числе владельцам критически важных объектов информатизации) по выполнению обязательных для исполнения требований законодательства в сфере обеспечения кибербезопасности, в том числе технической и криптографической защиты информации / Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь. Национальный центр кибербезопасности. — URL: <https://www.oac.gov.by/public/content/files/files/recom.pdf> (дата обращения: 16.03.2026).

12. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2025 год. — URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya_statistika/publications/izdania/public_compilation/index_152615/ (дата обращения: 13.03.2026).

13. Подсчитано по: О результатах борьбы с преступностью, в том числе организованной, на территориях государств-участников СНГ в 2023 году: аналитический обзор с предложениями / С.А. Невский, Ю.В. Тарасова, Д.Ю. Гребнев, В.Г. Смирнов, С.Д. Покачалов, О.В. Демковец, М.В. Огнева. — М.: ВНИИ МВД России, 2024. — С. 11.

14. Эксперты рассказали о количестве киберпреступлений в Беларуси. — URL: <https://myfin.by/article/biznes/eksperty-rasskazali-o-kolicestve-kiberprestuplenij-v-belarusi-33983> (дата обращения: 10.03.2026).

15. Набатова, А.Э. Органы предварительного следствия Республики Беларусь в противодействии киберпреступности / А.Э. Набатова, А.В. Легчилкин, С.А. Кузьмичёв // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. — 2025. — № 5(152). — С. 107–111.

16. Сведения о совершенных правонарушениях на территории Республики Беларусь за январь — декабрь 2021 г. / Информационный центр МВД Республики Беларусь. — Мн., 2026.

17. В МВД рассказали об основных видах киберпреступлений, совершаемых в стране. — URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/november/79505/> (дата обращения: 15.03.2026).

18. Правосудие в Республике Беларусь: Верховный Суд Республики Беларусь. — URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (дата обращения: 15.03.2026).

19. О кибербезопасности: Указ Президента Республики Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 40 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ЦИФРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ

М.А. Андреасян

Проблематика искусственного интеллекта (далее — ИИ) в современном цифровом мире весьма актуальна. Потребовалось всего полвека для того, чтобы искусственные машины успели перерасти из простой антиутопической концепции в реальную систему, способную имитировать мышление, речь и поведение *Homo sapiens* — единственного вида на Земле, обладающего разумом. В то же время цифровая цивилизация поставила перед человечеством животрепещущий вопрос: не пожалеет ли оно о том, что вознаменилось примерить на себя роль «Творца», детище которого может со временем «вытеснить» своего хозяина и занять главенствующее место на планете? С одной стороны, процесс внедрения ИИ во многом упростил жизнь социума, а с другой — поставил перед государством и обществом задачу решения проблемы необходимости правовой регламентации деятельности «умных машин» и противодействия угрозам, возникающим при их эксплуатации.

Социальная философия затрагивает ряд аспектов, связанных с проникновением ИИ в общественные системы и подсистемы: рост безработицы, предвзятое отношение к человеку, свобода воли и ответственность, угроза информационной и национальной безопасности, социальные последствия использования ИИ в преступной среде. Немаловажную роль в решении данных вопросов играет цифровая криминология как отдельная область знаний, в задачу которой входит принятие конкретных мер по предупреждению потенциальных криминогенных рисков, исходящих от функционирования ИИ, а также поиск путей его использования в правоохранительной системе.

Целью настоящего исследования является философско-правовое осмысление термина «искусственный интеллект» и определение специфики его применения преступным миром, раскрытие положительных и отрицательных криминологических характеристик ИИ, а также классификация

криминогенных рисков при его эксплуатации. Работа ориентирована на социально-философскую и криминологическую оценку роли ИИ в предупреждении преступности и разработку конкретных мер по его совершенствованию на территории Республики Беларусь.

Проблема связи ИИ с преступностью в цифровом мире осмысливалась с применением диалектического, системно-структурного, сравнительно-правового, техно-социального подходов и на основе анализа научных трудов, созданных ведущими зарубежными и отечественными исследователями в рассматриваемой области.

Научное сообщество разделяет мнение касательно того, что ИИ в ближайшем будущем полностью преобразует современный мир, о чем уже свидетельствуют многочисленные данные. По результатам международных исследований, в 2030-м году в связи с активным использованием ИИ глобальный ВВП может вырасти на 14%, или на 15,7 трлн дол. США. 72% крупнейших корпораций мира считают ИИ фундаментом будущего [1, с. 768]. По прогнозам Ника Бострома, через 60 лет ИИ станет серьезной угрозой для человечества. К 2040-му году сходство процессов мышления робота и человека будет равняться 50%, а в 2075-м году оно достигнет 95%, став практически неотличимым [1, с. 771].

Что же представляет собой данная технология? Зарубежные ученые определяют ИИ как «способность аппаратного средства (либо компьютерной программы) имитировать интеллектуальное поведение человека от распознавания образов до творчества» [2, с. 201]. Нам показалась наиболее приемлемой следующая трактовка ИИ: «системы, разработанные людьми, которые, имея сложную цель, действуют в физическом или цифровом мире, интерпретируя собранные структурированные или неструктурированные данные. Системы используют полученную информацию при принятии наиболее подходящих и эффективных решений (в соответствии с заранее определенными параметрами) для достижения поставленной цели. Системы ИИ также могут быть разработаны таким образом, чтобы научиться адаптировать свое поведение, анализируя, как их предыдущие действия влияют на окружающую среду» [3, с. 77]. В научной литературе встречаются разные термины ИИ в контексте цифровой криминологии: «ИИ-преступность», «ИИ-киберпреступность», «злонамеренное использование и злоупотребление ИИ» [4, с. 643]. В дальнейшем мы будем оперировать довольно лаконичным и в целом отвечающим сущности явления понятием «ИИ-преступность».

«Технооптимисты» рассматривают ИИ как технологию, освободившую социум от рутинной работы и эффективно используемую в борьбе с преступностью, однако в то же время цифровая трансформация современного общества способствует развитию преступных проявлений, что ярко иллюстрируется на примере постепенного сокращения рабочих мест в связи с замещением физического и умственного труда человека цифровыми

технологиями со встроенным алгоритмом работы. Подобная тенденция приводит к массовой безработице, которая, в свою очередь, видится одной из существенных детерминант преступности. Внедрение ИИ к тому же может создать риск нового типа неравенства — цифрового, в настоящее время активно исследуемого социальными философами и криминологами. Я.И. Гиллинский, отмечает, что «дальнейший рост социально-экономического неравенства в условиях “роботизации” и искусственного интеллекта (ИИ) грозит последующим ростом негативных девиаций, особенно ретретистской направленности (алкоголизация, наркотизм, суицид)» [5, с. 187].

Криминологи и специалисты в области IT-технологий подчеркивают, что ИИ способствует росту и усложнению цифровых преступлений (к примеру, кибератаки на государственные структуры), создавая тем самым новые возможности для криминальных элементов. В условиях стремительной трансформации цифрового общества и технологий возникают сложности в достаточно объективном прогнозировании и профилактике киберпреступлений, усилении практики уголовного правосудия в этой сфере. Появляются новые уязвимости, связанные со злоупотреблением в использовании технологий даже при применении законной системы обнаружения и предотвращения преступлений [4, с. 643].

«ИИ-преступность» принято разделять на три области:

1) использование ИИ для совершения киберпреступлений в сети Интернет;

2) применение ИИ через новые каналы киберпреступности с выходом в физическое пространство;

3) использование ИИ или знаний об ИИ для атаки на другие системы искусственного интеллекта путем искажения данных или алгоритмов [4, с. 643].

Эти области имеют тесную взаимосвязь. Еще большая связь между ИИ и преступностью прослеживается при классификации термина «ИИ-преступность» на три категории:

1) преступления с применением ИИ;

2) преступления по отношению к ИИ;

3) преступления, совершенные самим ИИ.

Первую категорию ИИ-преступности принято определять как «злонамеренное преступное использование ИИ путем внедрения новых угроз или изменения внутренних характеристик, уже существующих» (например, шантаж людей с помощью сервиса «DeepFake», о котором будет подробно сказано ниже). Вторая категория ИИ-преступности включает атаки, направленные на «обман или “обход” системы ИИ, использующие уязвимости системы и проводящие обратный инжиниринг». В качестве примера можно привести взлом устройств, защищенных системой распознавания лиц. Третья категория ИИ-преступности поднимает вопрос о его применении в качестве «криминального пособника». Ярким примером является дело

о группе художников, опубликовавших в даркнете ИИ для совершения различных покупок, в результате чего робот начал покупать наркотические средства и даже подвергся аресту [4, с. 643–644].

Вполне обоснованные опасения среди криминологов вызывает такое свойство ИИ, как его самодетерминированность или автономность. Это означает, что разработчики системы не способны достаточно точно спрогнозировать ее дальнейшие вербальные и невербальные действия. Так, скандално известная система «Тай» способна воспроизводить речи собеседников и отличается ввиду этого многочисленными противоправными и неэтичными высказываниями [2, с. 203]. Данная ситуация иллюстрирует, как из ИИ, изначально не предназначенного для противоправной деятельности, можно сделать «преступника». В этом случае резонно было бы призвать к ответственности лицо, которое научило систему подобному поведению, если, конечно, оно это сделало с умыслом. Однако большинство специалистов считает, что пользователи «обучают» систему противоправным действиям непреднамеренно. В любом случае данный вопрос оставляет открытым дискурс о том, кто должен понести ответственность за действия и высказывания ИИ.

Ответ на вопрос об уголовной ответственности разработчика либо пользователя ИИ остается неоднозначным, поскольку в действительности данные лица не всегда способны спрогнозировать поведение такой системы. Если в случае с дееспособным человеком, которому вполне очевидны последствия нажатия на спусковой крючок огнестрельного оружия, всё понятно, то с прояснением умысла преступника, использующего ИИ, не все так просто. Эта проблема касается не только правоведов, но и философов, заставляя их по-новому взглянуть на извечные вопросы о свободе воли и ответственности. Если на начальном этапе развития искусственные машины позволяют себе «решать», что им говорить и что делать, а разработчики и пользователи, совершив посредством ИИ даже самое злостное деяние, всегда могут избежать ответственности перед обществом, сказав, что «в этом случае виновата машина, а не я», то это приводит довольно к пессимистичному прогнозу дальнейшего развития социума.

Преступниками активно используются возможности ИИ для реализации мошеннических схем. Крупные интернет-компании с давних пор абсолютно в легальных целях повышали эффективность своей маркетинговой деятельности с учетом предпочтений пользователей. Эту способность позаимствовали и мошенники. Так, посредством ИИ злоумышленники, отталкиваясь от активности потенциальных жертв в социальных сетях и другой находящейся в открытом доступе информации, генерируют психологические особенности человека, манипулируя которыми успешно организуют массовые рассылки с целью получения денежных средств обманом. Учитывая возможность психоэмоционального воздействия на жертву посредством ИИ, вышеупомянутый эксцесс с системой «Тай» может

неоднократно воплощаться в реальность путем умышленного создания преступником подобного бота в целях оскорбления, склонения к самоубийству или совершения других противоправных деяний [2, с. 205].

Еще одной криминальной сферой с активным применением систем ИИ является эксплуатация автономных наземных либо летательных транспортных средств, которые могут использоваться в целях вмешательства в частную жизнь, совершения насильственных преступлений и/или нелегального оборота оружия и наркотиков. Особые опасения вызывают беспилотные средства для совершения террористических актов. Известны случаи активного применения автомобилей в террористических целях. В качестве примера можно привести атаку водителя-смертника для совершения массовых убийств. Некоторые исследователи обращают внимание на то, что «коммерческие грузовики и легковые автомобили всё чаще используются террористами в Европе в качестве оружия для нападения на толпы пешеходов» [2, с. 206].

Вполне закономерен факт, что для планирования и совершения таких общественно опасных деяний с привлечением ИИ требуется наличие достаточных технических и финансовых ресурсов. Следовательно, это может себе позволить не каждый рядовой преступник, а прилично оснащенная и финансируемая террористическая организация. Однако, с другой стороны, ИИ позволяет подобным организациям значительно сэкономить в плане затрат времени и ресурсов на подготовку и даже снизить риск провала операции и быть пойманными, ведь им даже не потребуется наличие водителя — за него всё сделают лишённые сознания и свободы воли машины, которые точно не «передумают» совершить преступление подобных масштабов, руководствуясь религиозными и гуманными принципами. Преступными организациями также активно используются дроны в целях контрабанды, слежки, шантажа, поиска объектов для совершения ограблений. Нередко применяются дроны в преступных целях наркокартелями, сбывающими свой товар в другие страны посредством эксплуатации беспилотников со встроенным GPS, позволяющих сэкономить на услугах курьера и оператора. Существуют прецеденты с дронами со взрывчатым веществом при покушении на официальных лиц [6, с. 756–757].

Но особо опасной функцией ИИ, способной нанести серьезный ущерб как личной жизни и карьере отдельного человека, так и информационной и национальной безопасности целых государств, является использование сервиса «DeepFake», посредством которого возможно видоизменить оригинал изображения либо аудио/видеозаписи на желаемый результат. Основная проблема его применения заключается в том, что данный сервис зародился относительно недавно, а потому во многих государствах отсутствует уголовно-правовое регулирование этой сферы, что представляет собой существенный правовой пробел. Сервис «DeepFake» используется злоумышленниками в различных сферах: начиная от создания фальшивого

порнографического видеоролика с лицом известной медийной личности, в реальности никогда не занимавшейся подобным «ремеслом», и заканчивая выступлениями известных политиков, с искажением смысла в действительности произнесенных ими речей либо принятых решений [2, с. 207–208]. Конечно, подобные махинации выступают в качестве различных форм консциентальной агрессии (от лат. *conscientia* — сознание), под которой в социальной философии принято понимать применяемые в эпоху информационных войн приемы и методы деструктивного воздействия на массовое сознание [7, с. 319–320]. Такая тенденция свидетельствует о появлении в недалеком будущем нового витка общественно опасных деяний и наказаний за их совершение.

Использование ИИ в криминальном мире создает серьезную угрозу для сохранения конфиденциальной информации. И.Р. Бегишев отметил в своем исследовании, что «согласно данным аналитического центра компании InfoWatch — крупнейшего российского производителя решений для защиты организаций от внутренних и внешних угроз, а также от информационных атак, в первом полугодии 2017 г. было зарегистрировано более 920 инцидентов, связанных с утечкой конфиденциальной информации из организаций различных форм собственности. Данные об инцидентах включают все утечки во всех зарубежных странах, сведения о которых опубликованы в средствах массовой информации, блогосфере, социальных сетях и на иных сетевых ресурсах» [1, с. 772].

У всего мирового сообщества вызывает обеспокоенность возможность применения ИИ в преступных целях. В 2017-м году на крупной конференции по вопросам использования ИИ криминальными структурами, на основе данных ведущих университетов, ФБР, Интерпола и правоохранительных органов различных стран, в целом было констатировано отсутствие криминальной активности в сфере ИИ [1, с. 772]. Однако, по мнению профессора В.С. Овчинского — одного из авторитетных мировых исследователей в области цифровой криминологии, несмотря на отсутствие сведений, потенциальные риски все же существуют: «У киберкриминала есть, из чего выбрать для создания собственных мощных платформ ИИ. Практически все разработки ИИ с открытым исходным кодом представляют собой контейнеры. Контейнер — это платформа, на которой при помощи API могут монтироваться любые сторонние программы, сервисы, базы данных и т.п. Если раньше каждый при создании собственной программы или сервиса должен был от начала до конца первоначально разработать алгоритмы, а затем, пользуясь тем или иным языком программирования, перевести их в код, то сегодня возможно создавать продукты и сервисы так же, как строители строят дом — из стандартных, доставленных на стройплощадку деталей» [1, с. 772]. Следовательно, «прозрачность» работы над алгоритмами ИИ и открытого кода дает возможность злоумышленникам получать доступ к инновациям ведущих компаний без каких-либо особых затрат.

В.С. Овчинский в своих трудах ссылаясь на Марка Гудмана и американских футурологов, демонстрирующих «темную сторону» глубин цифровых технологий, используемых в преступных целях. М. Гудман неоднократно подчеркивал активную эволюцию преступности в сфере цифровых технологий, в число которых входит ИИ, и утверждал, что за этими тенденциями весьма трудно поспеть сотрудникам правоохранительных систем различных стран в силу финансовых и технических ограничений. Профессор В.Н. Фадеев сформировал «фундаментальную криминологию», ключевым критерием которой стало «изменение масштабов и форм преступности, не вписывающихся в традиционное уголовно-правовое поле. Глобализационные процессы общества, глобализация преступности, стремительно развивающиеся технологии определили целесообразность разработки основ новой криминологии, соответствующей угрозам криминального мира в его новых и более опасных проявлениях» [8, с. 536].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что определенные свойства ИИ детерминируют его как средство для совершения противоправных деяний. Среди этих свойств были выделены:

- способность ИИ посредством общедоступной информации получать данные о конкретной личности (к примеру, о ее физиологических и психоэмоциональных особенностях);
- способность ИИ на основе полученных данных о потенциальной жертве сгенерировать вероятностные пути установления доверительных отношений между ней и преступником;
- способность совершать действия, не «заданные» изначально человеком, в каком-то смысле обладая собственной «свободой воли»;
- способность к созданию искажающих действительность изображений, аудио/видеозаписей, с деструктивным оказанием воздействия на массовое сознание;
- способность управлять системами, направленными на совершение особо опасных деяний.

Российские исследователи (И.Р. Бегишев, З.И. Хисамова) выделяют прямой и косвенный криминогенный риск в процессе эксплуатации ИИ. Прямой криминогенный риск связан с непосредственным противоправным воздействием ИИ на общество и личность. Это умышленное совершение системой общественно опасного посягательства на мир и безопасность человечества; жизнь и здоровье человека; свободу, честь и достоинство личности и т.д. Косвенный риск связан с непреднамеренными опасностями в контексте применения ИИ. К ним относятся как допущенные разработчиком системы случайные ошибки в программном обеспечении, так и ошибки, совершенные самим ИИ в процессе работы [1, с. 773].

Но стоит ли криминологам рассматривать ИИ с категорически негативной точки зрения? На самом деле не только криминальный мир использует преимущества информационно-коммуникационных технологий.

ИИ как эффективное средство применяется и правоохранительными органами в целях предупреждения и профилактики преступлений (к примеру, выявления мошеннических операций на финансовых рынках). Теоретические и практические аспекты использования ИИ в предупреждении преступности подробно освещаются многими учеными. Большой вклад в эту область внесли вышеупомянутый В.С. Овчинский и Е.С. Ларина. Данные исследователи привели сведения международных организаций, свидетельствующие о широком применении ИИ в правоохранительной деятельности [6, с. 759].

Рассмотрим несколько конкретных систем ИИ, а также цели и результаты их практического применения.

«А. Использование ИИ как средства противодействия преступности:

1) аналитические средства i2. Цель: получение быстрого доступа к информации о скрытых связях между людьми, транспортными средствами и т.д. Результат: с 2007 по 2011 г. полиции одного из штатов удалось снизить количество совершаемых преступлений на 50%;

2) программа распознавания по фрагментам татуировок. Цель: использование вариантной графической базы в качестве фильтра при автоматическом распознавании образов в потоковом видео, поступающем с городских камер видеонаблюдения. Результат: задержание 17-ти находящихся в розыске лиц;

3) программа распознавания по фотографиям и потоковому видео людей, осуществивших пластические операции, и выдачи вариантов их первоначальной внешности. Цель: выявление находящихся в розыске лиц, изменивших внешность. Результат: успешное распознавание программой по фотоизображениям фактов пластической операции в 97% случаев, в потоковом видео — в 90%, в более чем 80% случаев успешного распознавания позволяла восстановить первоначальную внешность;

4) платформа контекстного интеллекта “Nigel”. Цель: контекстное распознавание ситуации (например, похищение ребенка). Результат: экспертные советы правоохранителям, привязанные к уникальной конкретной обстановке;

5) система “Mayhem”. Цель: распознавание индивидуального почерка хакеров и хакерских группировок, обнаружение атак, активное тестирование и преследование хакеров вплоть до установления их местонахождения. Результат: на конференции по кибербезопасности система успешно распознала четырех хакеров из пяти» [6, с. 758–759].

Б. Применение ИИ как средства прогнозирования преступности:

1) программа «COMPAS». Используется во многих американских судах, делает рекомендации, какую меру пресечения следует применить к подозреваемому либо обвиняемому, а также при решении вопросов об условно-досрочном освобождении. Рекомендации данной системы часто приносили практическую пользу, однако В.С. Овчинский и Е.С. Ларина указали на серьезную проблему этического характера, связанную с применением программы.

При решении процессуальных вопросов система «дискриминационно» относилась к лицам в зависимости от их принадлежности к той или иной социальной группе, что нарушало основополагающий правовой принцип «равенства всех перед Законом» и способствовало усугублению существующих в обществе форм неравенства. В результате программа была на время приостановлена [3, с. 81; 6, с. 760–761];

2) «система прогнозной психометрики преступного сообщества. Создана в целях моделирования профилей преступников и прогнозирования динамики их психического состояния;

3) аналитический программный комплекс “CEG”. Используется в целях прогнозирования риска увеличения роста преступности в конкретном городе и в пределах определенного квартала. Параметры устанавливаются в зависимости от данных, полученных с камер видеонаблюдения либо социальных сетей;

4) система прогнозирования преступлений “PredPol”. Система оснащает полицейские патрули электронными картами с мигающими красными квадратами, обозначающими места возможной противоправной активности. Результаты применения доказали, что система предугадывает в два раза больше мест преступлений, чем позволяют иные не менее эффективные методики» [6, с. 760];

5) программные продукты “Palantir Technologies”. Помогают накопить данные о передвижениях, телефонных переговорах, записей систем видеонаблюдения, информации в СМИ и социальных сетях, сопровождающих преступления преимущественно террористического характера. Программы доказали свою эффективность в розыске педофилов, раскрытии подготовки терактов и т.д.;

б) система «Искусственный интеллект». Позволяет использовать инфокрасные датчики с целью установления нарушений на государственных границах и создания специальной базы данных для прогнозирования возможных нарушений подобного рода в дальнейшем [6, с. 760];

В. Использование ИИ как средства предупреждения преступности: программа по созданию системы социального кредита. Система предоставляет возможность «отслеживать и оценивать в режиме реального времени каждого жителя Китая. Рейтинг доверия физических лиц привязывается к социальному паспорту. Обладатели высокого рейтинга пользуются различными социальными и экономическими льготами, обладатели низкого рейтинга подпадают под административные санкции и ограничения. Жителям дается стартовый рейтинг в 1 тыс. баллов и в дальнейшем варьируется в зависимости от их поведения. Существует система доносов, позволяющая повысить свой рейтинг» [6, с. 762]. С другой стороны, использование подобной системы может создать социальную напряженность и угрозу для основополагающих конституционных прав.

Анализ применения ИИ в противодействии, прогнозировании и предупреждении преступности вызывает необходимость внедрения

соответствующих практик, их совершенствования и определения дальнейшего вектора развития на территории Республики Беларусь. В этих целях следует:

- признать внедрение и совершенствование использования ИИ в качестве эффективного средства в противодействии, прогнозировании и предупреждении преступности одной из приоритетных задач государства;
- адаптировать законодательную базу в указанной сфере;
- заимствовать опыт по эксплуатации ИИ в области профилактики преступности, созданию баз данных, формированию штата специалистов и повышению квалификации в этой сфере, а также обеспечить постепенное внедрение в деятельность белорусских правоохранительных органов;
- объединять усилия государства и образовательных учреждений в стимулировании создания собственных отечественных разработок в IT-сфере, направленных на прогнозирование и предупреждение преступности;
- совершенствовать профилактику виктимного поведения в информационном пространстве;
- организовывать философским и юридическим факультетам встречи, семинары, конференции, на которых должны обсуждаться морально-этические и правовые аспекты внедрения и использования ИИ в борьбе с преступностью;
- включить дисциплины «Цифровая криминология» и «Цифровая криминалистика» в учебные программы уголовно-правовой специализации.

Таким образом, приведенные примеры успешной реализации потенциала ИИ в правоохранительной и судебной практике демонстрируют данную технологию с положительной стороны и побуждают принимать конкретные меры по ее дальнейшему развитию. Тем не менее описанные возможности ИИ не разрешают в полной мере дискурсы морально-этического и правового характера, касающиеся его эксплуатации.

На основании проведенного исследования нами была выявлена сущность понятия ИИ, прослежена его связь с преступностью, раскрыты как положительные стороны системы, выступающей в качестве эффективного средства борьбы с преступностью, так и отрицательные, описывающие его как технологию, способствующую детерминации и усложнению преступности как негативного явления социума. Философская рефлексия позволила глубже взглянуть на угрозы, возникающие при воздействии ИИ на такие общественные ценности, как мораль, этика, труд, свобода и ответственность.

В научной среде только усиливается актуальность дискурса, касающегося того, чьей силе в действительности служит ИИ: закона либо криминала? Поставленный вопрос будет решен в пользу принятия законодательных актов только в том случае, если мировое сообщество, каждое государство, общество и личность консолидируют все свои усилия для того, чтобы искусственный разум использовался максимально осмысленно и сбалансировано, служа человечеству во благо, а не во вред.

Список использованных источников:

1. Бегишев, И.Р. Криминологические риски применения искусственного интеллекта / И.Р. Бегишев, З.И. Хисамова // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — № 6. — С. 767–775.
2. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / А.А. Васильев, Ш. Дариуш, Я. Стоилов [и др.]; под ред. А.А. Васильева. — Барнаул: Алтайский государственный университет, 2020. — 432 с.
3. Бадмаева, М.Х. К вопросу о необходимости социально-философского анализа проблем искусственного интеллекта / М.Х. Бадмаева, М.В. Золхоева // Вестник Бурятского государственного университета. — 2023. — № 2. — С. 76–85.
4. Спайропулос, Ф. Новые подходы к исследованию ИИ-преступности: конституирование цифровой криминологии / Ф. Спайропулос // Журнал цифровых технологий и права. — 2024. — № 3(2). — С. 636–656.
5. Гишинский, Я.И. Девиантность в цифровом мире / Я.И. Гишинский // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. — 2018. — № 4(34). — С. 182–190.
6. Суходолов, А.П. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции / А.П. Суходолов, А.М. Бычкова // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — № 6. — С. 753–766.
7. Философия: учеб. пособие / И.В. Бусько [и др.]; под ред. О.А. Романова, Ч.С. Кирвеля. — Мн.: РИВШ, 2024. — 644 с.
8. Судакова, Т.М. Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций / Т.М. Судакова, В.А. Номоконов // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — № 4. — С. 531–540.

РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В.А. Барышев

С января 2026 года в Республике Беларусь начал действовать Кодекс гражданского судопроизводства [1], тем самым в белорусской правовой системе закончилось процессуальное «двоевластие», когда гражданские правоотношения регулировались Гражданским процессуальным кодексом, а к экономическим отношениям применялись нормы Хозяйственного процессуального кодекса. Объединение судебных систем в единую систему под главенством Верховного Суда произошло еще в 2014 году, а на объединение кодексов потребовалось двенадцать лет. С началом действия Кодекса гражданского судопроизводства система гражданского права Республики Беларусь приобрела характер единства и логической завершенности.

Цель работы — рассмотреть, как решаются вопросы международного гражданского процесса: определения международной подсудности, оказания правовой помощи и исполнения решений иностранных судов в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь. Материалом

исследования послужил Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З. Методы: сравнительный, аналитический, системный, формально-юридический.

Одной из сфер правового регулирования Кодекса гражданского судопроизводства является международный гражданский процесс. Под международным гражданским процессом в международном частном праве понимается реализация норм международного гражданского процессуального права в практической деятельности правоприменительных органов отдельных государств.

Первый вопрос, который всегда должен быть разрешен в международном гражданском процессе, касается компетенции судебного органа или, как принято называть, подсудности правоотношения. В праве большинства государств в отношении международного гражданского процесса различают три категории подсудности: общую, особую и исключительную.

Общая подсудность основана на правиле “actor sequitur forum rei”: истец обращается в суд по месту жительства ответчика. Особая подсудность базируется на различных привязках: наиболее распространенной является воля самих сторон правоотношения, которые могут избрать место рассмотрения спора по соглашению, т.е. договориться о месте рассмотрения возникшего спора. При отсутствии выбора сторонами места рассмотрения спора по договорным отношениям применяется привязка к месту исполнения обязательства по договору. Выбор истцом суда, помимо суда места нахождения ответчика, также относится к особой подсудности. В семейно-брачных отношениях главной привязкой в определении подсудности является место жительства или гражданство сторон правоотношения.

Исключительная подсудность устанавливается каждым государством в виде перечня специальных случаев подсудности. Отклонение от предписаний исключительной подсудности недопустимо, и результатом такого нарушения будет непризнание решения суда судебными учреждениями других государств.

Подсудность дел с наличием иностранного элемента определяется в Кодексе гражданского судопроизводства 2024 года ст. 508, где в п. 2 установлены общие правила подсудности: «Судам Республики Беларусь подсудны дела по искам иностранных лиц к ответчикам, имеющим место жительства (место пребывания) или место нахождения в Республике Беларусь. Судам Республики Беларусь подсудны также дела по искам к иностранным гражданам и лицам без гражданства, если они имеют место жительства (место пребывания) в Республике Беларусь, и к иностранным организациям, если в Республике Беларусь находятся орган управления, представительство или филиал таких организаций». В данном случае белорусский законодатель в качестве основной подсудности указывает на общую подсудность.

Конкретный перечень рассматриваемых судами Республики Беларусь дел приведен в п. 3 указанной статьи:

1) по делу о взыскании алиментов, об установлении отцовства, если истец имеет место жительства в Республике Беларусь;

2) по делу о расторжении брака, если истец имеет место жительства в Республике Беларусь или хотя бы один из супругов является гражданином Республики Беларусь;

3) по делу о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в связи со смертью кормильца, вред причинен на территории Республики Беларусь или истец имеет место жительства в Республике Беларусь;

4) по делу о возмещении вреда, причиненного имуществу, если действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для предъявления требования о возмещении вреда, имели место на территории Республики Беларусь;

5) спор возник из договора, по которому полное или частичное исполнение должно иметь место или имело место на территории Республики Беларусь;

6) спор возник из неосновательного обогащения, имевшего место на территории Республики Беларусь;

7) по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации истец имеет место нахождения или место жительства в Республике Беларусь;

8) спор возник из отношений, связанных с обращением ценных бумаг, эмиссия (выдача) которых имела место на территории Республики Беларусь;

9) заявитель по делу об установлении факта, имеющего юридическое значение, указывает на наличие этого факта на территории Республики Беларусь;

10) лицо, в отношении которого подается заявление об усыновлении, об ограничении дееспособности гражданина, о признании его недееспособным, об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипированным), является гражданином Республики Беларусь;

11) лицо, в отношении которого подается заявление о признании его безвестно отсутствующим или об объявлении его умершим, является гражданином Республики Беларусь;

12) вещь, в отношении которой подано заявление о признании ее бесхозяйной, находится на территории Республики Беларусь;

13) подано заявление о восстановлении прав по документам на предьявителя (вызывное производство), выданным гражданином или гражданину, которые имеют место жительства в Республике Беларусь, либо организацией или организации, которые находятся в Республике Беларусь;

14) имеется тесная связь спорного правоотношения с территорией Республики Беларусь.

К исключительной подсудности белорусским судам в ст. 509 Кодекса отнесены следующие категории дел:

1) споры в отношении находящегося в государственной собственности имущества, в том числе споры, связанные с приватизацией государственного имущества и принудительным отчуждением имущества для государственных нужд;

2) предметом спора является недвижимое имущество, находящееся на территории Республики Беларусь;

3) дела о признании недействительности записей в государственном реестре (регистра, кадастре), произведенных государственным органом (иной организацией) Республики Беларусь);

4) споры об освобождении имущества от ареста или об исключении имущества из акта описи имущества, если арест имущества проведен государственным органом Республики Беларусь;

5) споры, связанные с учреждением, государственной регистрацией или ликвидацией (прекращением деятельности) юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на территории Республики Беларусь, а также об оспаривании решений органов этих юридических лиц;

6) дела по требованиям, возникающим из административных и иных публичных правоотношений;

7) дела о несостоятельности или банкротстве юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, местом нахождения или местом жительства которых является Республика Беларусь.

Международная правовая помощь по гражданским делам включает совершение отдельных процессуальных действий (вручение извещений и других документов, получение письменных доказательств, объяснений сторон, показаний свидетелей, заключения эксперта, осмотр на месте и др.). Центральным органом Республики Беларусь по вопросам международного сотрудничества в сфере гражданского судопроизводства является Верховный Суд Республики Беларусь, если иное не предусмотрено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь. Следует отметить, что это новое положение, ранее международное сотрудничество с иностранными судами осуществлялось через Министерство юстиции.

Согласно ч. 4 ст. 524 ГКС, «суды Республики Беларусь сносятся с судами и иными компетентными органами иностранных государств, а также с дипломатическими представительствами или консульскими учреждениями Республики Беларусь в иностранных государствах через Верховный Суд Республики Беларусь, если иное не предусмотрено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь».

Суд Республики Беларусь вправе обратиться с соответствующим поручением в суд или иной компетентный орган иностранного государства, а также в дипломатическое представительство или консульское учреждение Республики Беларусь в иностранном государстве.

В свою очередь суды Республики Беларусь обязаны оказывать правовую помощь по поступающим поручениям иностранных судов, передаваемых им Верховным Судом.

В частях 4 и 5 ст. 526 содержатся требования к поручению или просьбе иностранного суда об оказании правовой помощи следующего содержания:

«Поручение (просьба) иностранного суда о совершении отдельных процессуальных действий должно содержать:

1) наименование суда или иного компетентного органа запрашивающего иностранного государства;

2) наименование суда Республики Беларусь, к которому обращено поручение (просьба);

3) при наличии международного договора Республики Беларусь — ссылку на его положения;

4) сведения о сути поручения (просьбы) и гражданском деле, по которому запрашивается правовая помощь;

5) сведения о гражданах, в отношении которых запрашивается помощь, включая фамилию, собственное имя, отчество (если таковое имеется), дату и место их рождения, гражданство (подданство), род занятий, место жительства или место пребывания, для организаций — их наименование и место нахождения, а также процессуальное положение и иные сведения, необходимые для исполнения поручения (просьбы) (ч. 4 ст. 526).

Поручение (просьба) иностранного суда и прилагаемые к нему (ней) документы должны быть представлены в письменной форме, удостоверены подписью судьи или должностного лица, который составил поручение (просьбу), и заверены гербовой печатью суда или компетентного органа иностранного государства. Поручение (просьба) и прилагаемые к нему (ней) документы составляются на языке запрашивающего иностранного государства, сопровождаются заверенным письменным их переводом на один из государственных языков Республики Беларусь» (ч. 5 ст. 526).

В ч. 9 ст. 526 указано, что в случае несоблюдения требований, предусмотренных частью 5 настоящей статьи, а также в случае невозможности исполнения поручения (просьбы) иностранного суда, оно (она) возвращается без исполнения с указанием обстоятельств, препятствующих этому.

Поручения иностранных судов не могут быть исполнены, если:

1) исполнение поручения противоречило бы публичному порядку Республики Беларусь;

2) исполнение поручения не входит в компетенцию суда;

3) не установлена подлинность документа, содержащего поручение (просьбу) о совершении отдельных процессуальных действий;

4) в иных случаях, предусмотренных международными договорами Республики Беларусь (ч. 6 ст. 526).

Исполнение судом Республики Беларусь поручения (просьбы) суда или иного компетентного органа иностранного государства подтверждается

документами, составленными или полученными при его (ее) исполнении (протоколом судебного заседания, извещением о вручении документов и др.), которые удостоверяются подписью судьи, заверяются печатью с изображением Государственного герба Республики Беларусь и направляются запрашивающим суду или органу в том же порядке, в котором поручение (просьба) поступило в суд (ч. 8 ст. 526).

Наиболее важными в международном гражданском процессе являются действия государств по признанию и приведению в исполнение решений иностранных судов, поскольку без этих действий международный гражданский процесс, в принципе, не возможен и лишается своего содержания.

В Республике Беларусь исполнение решений иностранных судов судами общей юрисдикции и экономическими судами основано на системе экзекватуры. Это значит, что решение иностранного суда реализуется посредством принятия определения белорусским судом, санкционирующего его исполнение или отказывающего в исполнении.

Согласно ч. 1 ст. 527 Кодекса гражданского судопроизводства решения иностранных судов признаются и приводятся в исполнение на территории Республики Беларусь судом Республики Беларусь, если их признание и приведение в исполнение предусмотрены законодательством или международными договорами Республики Беларусь, либо на основе взаимности.

В случаях, установленных международными договорами Республики Беларусь, решение иностранного суда не нуждается в специальной процедуре признания и исполняется в таком же порядке, как и судебное постановление суда Республики Беларусь, на основании полученного исполнительного документа иностранного суда, принявшего решение (ч. 2 ст. 527).

Под решением иностранного суда в Кодексе гражданского судопроизводства понимаются:

1) решение суда иностранного государства по гражданскому делу (в том числе по делу, связанному с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности);

2) приговор суда иностранного государства по уголовному делу в части возмещения вреда, причиненного преступлением;

3) акт иного компетентного органа иностранного государства, если это предусмотрено международными договорами Республики Беларусь (ч. 3 ст. 527).

Признание и приведение в исполнение решения иностранного суда рассматривается судом по ходатайству взыскателя (стороны, в пользу которой вынесено решение) по месту жительства или месту нахождения должника, а если должник не имеет места жительства (места пребывания) или места нахождения в Республике Беларусь либо они неизвестны — по месту нахождения его имущества.

Решение иностранного суда может быть предъявлено к принудительному исполнению в течение трех лет с момента его вступления в законную

силу. Пропущенный по уважительной причине срок может быть восстановлен судом в случаях и порядке, предусмотренных КГС Республики Беларусь (ч. 2 ст. 528).

Ходатайство о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда или возражение против признания решения иностранного суда, которое не требует принудительного исполнения, и прилагаемые к ним документы могут быть поданы в суд в письменной форме или в виде электронного документа в случае, если иное не предусмотрено международным договором Республики Беларусь. Следует отметить, что возражение против признания и приведения в исполнение решения иностранного суда представляет новацию в гражданском судопроизводстве.

Ходатайство (возражение) подписывается лицом, его заявляющим, или его представителем, имеющим соответствующие полномочия (ч. 4 ст. 528).

При подаче ходатайства (возражения) в виде электронного документа оно подписывается электронной цифровой подписью заявителя или его представителя (ч. 5 ст. 528).

Ходатайство о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда или возражение против признания решения иностранного суда, которое не требует принудительного исполнения, рассматриваются в судебном заседании в срок не более одного месяца после поступления ходатайства или возражения в суд по правилам, установленным КГС, если иное не установлено международными договорами Республики Беларусь (ч. 1 ст. 531).

О времени и месте рассмотрения ходатайства извещается должник, также о времени и месте рассмотрения возражения извещается лицо, заявившее возражение. Неявка указанных лиц, извещенных надлежащим образом, не препятствует рассмотрению ходатайства (возражения) (ч. 2 ст. 531).

Суд также может по заявлению должника или лица, заявившего возражение, истребовать дополнительные сведения, относящиеся к установлению обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения ходатайства (возражения) (ч. 4 ст. 531).

При рассмотрении ходатайства (возражения) суд не вправе пересматривать решение иностранного суда по существу (ч. 5 ст. 531).

Основания для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда могут быть следующие:

- 1) решение иностранного суда не вступило в законную силу;
- 2) сторона, в отношении которой вынесено решение иностранного суда, была лишена возможности принять участие в процессе вследствие того, что не была своевременно и надлежащим образом извещена о рассмотрении дела;
- 3) рассмотрение дела в соответствии с законодательством или международными договорами Республики Беларусь относится к исключительной компетенции суда или иного органа в Республике Беларусь;

4) имеется вступившее в законную силу решение суда Республики Беларусь, вынесенное по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, или в суде находится дело по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, производство по которому возбуждено до возбуждения дела в иностранном суде;

5) исполнение решения противоречило бы публичному порядку Республики Беларусь;

6) истек срок давности предъявления решения иностранного суда к принудительному исполнению в три года и этот срок не восстановлен судом (ч. 1 ст. 532).

Суд также отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда в иных случаях, предусмотренных международными договорами Республики Беларусь (ч. 2 ст. 532).

По результатам рассмотрения ходатайства о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда суд выносит определение о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, или об отказе в этом (ч. 1 ст. 534).

По результатам рассмотрения возражения против признания решения иностранного суда, которое не требует принудительного исполнения, суд выносит определение об удовлетворении возражения и отказе в признании решения иностранного суда, которое не требует принудительного исполнения, или об оставлении возражения без удовлетворения (ч. 2. ст. 534).

В определении суда по делам о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда указываются:

1) наименование и место нахождения иностранного суда, вынесшего решение;

2) фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) сторон судебного разбирательства;

3) номер (при наличии) решения, в отношении которого заявлено ходатайство (возражение), дата и место его вынесения, предмет спора, содержание резолютивной части решения;

4) основания и мотивы, по которым суд пришел к своим выводам (ч. 3 ст. 534).

Определением по вопросам признания и приведения в исполнение решения иностранного суда суд не может изменить содержание решения иностранного суда (ч. 5 ст. 534).

Копии определения в пятидневный срок после его вынесения направляются судом взыскателю в том же порядке, в котором ходатайство поступило в суд и должнику. Определения суда по делам о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда могут быть обжалованы и (или) опротестованы в апелляционном порядке (ч. 7 ст. 534).

Принудительное исполнение решения иностранного суда производится в порядке, установленном законодательством об исполнительном

производстве, на основании исполнительных листов, выданных судом, вынесшим определение о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда. Исполнительный лист выдается по правилам, установленным ст. 480 Кодекса (ст. 535).

Таким образом, в Кодексе гражданского судопроизводства урегулированы вопросы, относящиеся к международному гражданскому процессу: международной подсудности, исполнению поручений иностранных судов, признанию и исполнению решений иностранных судов. Существенных изменений по сравнению с ранее действовавшими нормами по международному гражданскому процессу в Гражданском процессуальном кодексе и Хозяйственном процессуальном кодексе внесено относительно немного. К важной новации следует отнести переход функции центрального органа Республики Беларусь по вопросам международного сотрудничества в сфере гражданского судопроизводства от Министерства юстиции к Верховному Суду Республики Беларусь.

Список использованных источников:

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь: 11 марта 2024 г. № 359-З: Принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г.: одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 21.01.2026).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П.В. Борботько, И.И. Шматков

Во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) быстро обнаружились пробелы, существовавшие в международном гуманитарном праве. Особые условия (война двух политических блоков) не позволяли воевавшим друг с другом государствам проводить мирные конференции и переговоры напрямую. Договариваться приходилось через нейтральные страны. Благодаря этому в действовавшие уже тогда Женевские и Гаагские конвенции были внесены значительные изменения и дополнения. Среди прочих вопросов в них поднимались и проблемы, связанные с военнопленными всех воевавших государств.

Исследователи вопросов международного гуманитарного права указывают на то, что серьезные изменения и реформирование данной отрасли права были осуществлены после Первой мировой войны на Гаагской (1923 г.), Женевской (1925 г.) и последующих конференциях [1]. Однако ученые недостаточно уделяют внимания попыткам заключения международных соглашений, предпринимавшимся в годы самой войны. Ведь именно эти попытки заложили основы будущих реформ и показали

возможные пути решения неожиданно возникших проблем и затруднений. Поэтому в данной работе рассматривается решение государствами двух сражавшихся военно-политических блоков (Антанты и Четверного союза) круга вопросов, связанных с военнопленными и реформированием международного гуманитарного права в 1914–1918 годах.

Как следует из нашей цели, источниками по теме являются материалы протоколов рейхстага (далее — протоколы), составленные за годы Первой мировой войны. Они сведены в «Стенографические отчеты о дебатах рейхстага» (тома 306–325). Данные книги представляют собой краткие стенографические записи текстов выступлений депутатов, содержат биографические сведения о депутатах, материалы о сессиях рейхстага; приложения, включающие в себя протоколы голосования по законопроектам, запросы и апелляции к правительству и ответы на них, отчеты кабинетов, тексты именных указов императора Вильгельма II, справочную информацию о вопросах, содержащихся в томах той или иной сессии и т.д. Следует подчеркнуть, что с точки зрения критики источников указанные материалы следует воспринимать с наибольшей степенью доверия. Ведь все протоколы тщательно выверялись не только секретарями рейхстага, но и представителями различных политических партий Германии, действовавших в его стенах. Они публиковались в официальном государственном издательстве Юлиуса Зигтенфельда.

Поскольку исследование связано с проблемами гуманитарного права, то вторую группу источников составляют международные конвенции. Данные документы публиковались в официальном издании законодательных актов Германской империи «Рейхсгезецблат» (Reichsgesetzblatt). К тому же они входят в издание «Документы по международному гуманитарному праву», выпущенное в свет немецким Красным Крестом в 2007 году и содержащее тексты международных конвенций на немецком и английском языках [1].

К моменту начала Первой мировой войны воюющие державы ратифицировали все конвенции, подписанные в 1856–1907 гг. Они были выработаны и приняты на конференциях: 1856 года в Париже, 1864 года в Женеве, 1868 года в Санкт-Петербурге, 1899 и 1907 годов в Гааге [1]. Среди указанных международных правовых документов необходимо назвать Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны (18 октября 1907 года) [2], Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (6 июля 1906 года) [1], Конвенцию о морской войне (18 октября 1907 года) [3]. В этой части сборника документов тексты указанных соглашений точно соответствуют содержанию конвенций, опубликованных в иных источниках.

Как уже отмечалось, война показала пробелы в действовавшем праве. Следует оговориться, что рассматриваемые нами соглашения не подлежали ратификации законодательных органов власти. Они являлись соглашениями военных ведомств враждебных друг другу государств, скрепленными авторитетом и посредничеством нейтральных держав (Швейцарии, Швеции, Дании и др.). Например, как подчеркивал Бетманн Голльвег, канцлер

Германии, немцы «... при сложившихся обстоятельствах договаривались не о формальных вопросах, но о более или менее свободных от формальностей соглашениях, которые принимались только после продолжительных переговоров с участием представителей нейтральных стран, а частично также под давлением немецких репрессалий» [4]. Репрессалии, как известно, — принудительные меры, предпринимаемые государством в ответ на незаконные действия другого государства с целью заставить его прекратить эти действия и возместить ущерб. При чтении подобного заявления важно учитывать, что в Первую мировую войну именно немцы практически исключительно воевали на чужой территории. Поэтому они довольно часто нарушали международные соглашения конца XIX — начала XX века, что вызывало возмущение французского, бельгийского, английского и др. правительств. Это, как известно, стало одной из причин попытки проведения международного трибунала над военными преступниками после войны [5]. К тому же мы видим, что в то время еще не был запрещен режим репрессалий и он активно использовался, в данном случае, немецкой дипломатией при заключении международных соглашений.

В 1914–1918 гг. было уточнено применение статьи 14 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны [6]. Она касалась проблемы создания справочного бюро для обмена данными о содержащихся в воюющих государствах военнопленных. Германия, Франция, Великобритания, Италия, Румыния, Россия и Япония договорились о регулярной передаче этих списков (по возможности) раз в неделю, а не после окончания войны (как регламентировала статья) через посредничество своих доверенных представителей из числа нейтральных держав. Однако в отличие от правил, указанных в статье 14, карточка на военнопленного не включала данных о его возрасте, месте происхождения, чине, дне и месте взятия в плен, полученном ранении или смерти. В ней содержались лишь фамилия, имя, номер воинской части, место нахождения в лагере для военнопленных и иные «возможные изменения» [4].

Особого регулирования требовали проблемы, связанные с возвращением санитарного персонала. Женевская конвенция от 22 августа 1864 года предписывала освобождать санитаров, санитарные машины и персонал госпиталей после исполнения ими своих функций (статья 3) [1]. Статья 4 гарантировала, что «скорой помощи, при данных обстоятельствах, должна быть возвращена ее экипировка» [1]. Редакция конвенции 1906 года (ратифицирована Германией в 1907 году) позволяла отступать от этих норм [7]. Воюющие державы стремились задержать врачей и медицинских работников в плену (в силу того, что поступало большое количество раненых пленных). Поэтому по вопросам процедуры возвращения санитарного персонала на родину Германия заключила разные соглашения с различными государствами Антанты. Общим в них было то, что полковые священники признавались членами санитарного персонала, а медицинские работники должны были подлежать обоюдной репатриации.

С Францией было договорено, что к санитарному персоналу будут отнесены не только лица, принадлежность которых к нему точно установлена, но и те пленные, которые утверждают свою принадлежность к санитарам, но не могут этого подтвердить документами. На первом этапе оба государства должны были обмениваться списками передаваемых лиц, а на втором — передать абсолютно всех лиц данной категории без учета их количества. Отдельно оговаривалось, что после освобождения они могут работать только в духовной или санитарно-медицинской службе.

Особенности договора с Россией заключались в том, что значительная территория империи была оккупирована немцами. Население захваченных районов и пленные в лагерях нуждались в медицинской и духовной помощи. Поэтому передаче должны были подлежать не все пленные русские врачи и священники. Предполагалось, что в оккупированных районах останется по 1 врачу и 10 санитаров на 2500 человек, проживающих в нем. Из всего числа священнослужителей, оказавшихся на оккупированной территории, будут освобождаться и передаваться русским властям лишь те, кто болен или находится в преклонном возрасте. При этом большая часть священников останется в лагерях для военнопленных для удовлетворения духовных потребностей содержащихся в них лиц.

Великобритания обязывалась передать весь пленный санитарный персонал (в том числе и содержащийся в протекторатах).

Проблема возвращения домой и расположения в нейтральных странах военнопленных-инвалидов была решена путем заключения двух договоров: «Условия обмена тяжелоранеными между Германией, с одной стороны, и Бельгией, Францией и Великобританией, с другой»; «Условия обмена тяжелоранеными между Германией и Россией» [4]. Оба соглашения перечисляли увечья и болезни, позволявшие относить военнопленных к передаваемым инвалидам: «совершенная или частичная потеря одного или нескольких членов (по меньшей мере, руки или ноги); полная неспособность употребления одного или нескольких членов (вследствие паралича, атрофии мышц, неверного сочленения, опухоли артерии, нарушений позвоночника); длительный паралич; ранения или нарушения в головном мозге с тяжелыми последствиями; ранения или нарушения в спинном мозге; потеря обоих глаз (слепота) или одного глаза со снижением остроты зрения второго на 1/4; значительное повреждение лица или искривление полости рта, что обуславливает значительное затруднение для питания или дыхания; все запущенные случаи туберкулеза; неизлечимые психические заболевания; иные случаи, установленные специальной медицинской комиссией» [4]. Каждая передающая сторона должна была составить медицинскую комиссию с обязательным включением в нее независимых швейцарских врачей. Комиссия занималась вопросом освидетельствования больных и раненых, после чего происходила их передача. Бельгия и Франция производили обмен с Германией через Швейцарию, Великобритания — через Нидерланды, Россия — через

Швецию. К сожалению, в протоколах рейхстага содержатся материалы, касающиеся данного вопроса, только до 31 января 1917 года (документ № 645) [4]. Поэтому о результатах переговоров о подобных соглашениях с другими государствами (например, с Италией) материалов нет. Дело в том, что, как упоминалось выше, переговоры проводили специальные военные комиссии и дипломатические службы. Они не ратифицировались рейхстагом и зачастую отсутствуют в его материалах.

Новые подходы к положению военнопленных требовали решения проблемы посещения концентрационных лагерей комиссиями нейтральных государств. Делалось это для проверки соблюдения условий международных договоров. Статья 15 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны указывала, что уполномоченные этих обществ допускаются «под условием предъявления именного разрешения, выданного военной властью, и дачи письменного обязательства подчиняться всем ее распоряжениям, касающимся порядка и безопасности» [6]. Однако различные ограничения, которые вводили военные власти в силу сохранения секретности, перестраховки, запретов свыше, местных актов законодательства и т.д., привели к необходимости уточнить процедуру данного вопроса. Соглашения были заключены между Германией, Францией, Японией, Великобританией и Россией. Целью посещения могли быть только получение информации о положении пленных и прием от них пожеланий и жалоб [6]. Сами соглашения с каждой из воевавших держав имели свои особенности.

Великобритания дала согласие на посещение представителями благотворительных обществ (*Schutzmächte*) лагерей и госпиталей для военнопленных в любое время без предварительного разрешения со стороны органов власти, а также без предварительного объявления об этом. Для посещения тех пленных, которые находятся на своих рабочих местах или в местах лишения свободы, необходим был предварительный запрос в компетентные военные органы [4].

Франция заключила такое же соглашение, что и Великобритания. Отличие состояло лишь в том, что особо оговаривалось посещение подследственных, которое разрешалось только после предварительной регистрации и в присутствии инспекторов от французских военных властей. Для допуска инспекции в лагерь необходимо было заручиться согласием его коменданта. На основании данного соглашения летом 1916 года два представителя американского посольства в Париже (имена не сообщаются в протоколах) посетили лагерь пленных (не сообщается место его расположения) французских офицеров в Германии [4].

Документы из протоколов свидетельствуют, что подобные посещения проводились крайне редко и касались больше лагерей для офицеров. Большинство же сведений о положении пленных в той или иной стране депутаты получали из сообщений американских газет, ссылавшихся на «осведомленный источник». Поэтому значительная часть запросов в рейхстаге о бедствиях и страданиях немецких пленных опирается лишь на статьи из прессы.

Регулирование проблемы обеспечения пленными продовольствием и денежным жалованьем предусматривала статья 17 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Она указывала, что «военнопленные офицеры получают оклад, на который имеют право офицеры того же ранга страны, где они задержаны, под условием возмещения такового расхода их Правительством» [4]. Здесь опять следует оговориться, что, во-первых, она касалась только офицеров; во-вторых, она ограничивала возможности небогатого государства позволить себе требовать значительного обеспечения для своих офицеров, находящихся в плену; в-третьих, в условиях экономического кризиса, вызванного войной, Германии было трудно выполнять обязательства по данной статье перед странами Антанты. Например, в мае 1916 года Германия и Франция заключили договор «О достаточном снабжении хлебом немецких военнопленных во Франции». Каждый пленный должен был получать по 600 граммов хлеба в день. В свою очередь, немцы должны были обеспечить хлебом французских солдат и офицеров. Поскольку необходимых средств у германского правительства не нашлось, то был объявлен «...запрещенный ранее, сбор хлебных посылок для французских пленнх» [4].

Во время проведения переговоров очень остро стоял вопрос о вычетах, которые должны осуществляться из жалованья пленнх офицеров за различные виды услуг и пищу. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (статья 7) гласила, что «... военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска Правительства, взявшего их в плен» [6]. Соглашения 1914–1918 года, регулировавшие подобные проблемы, не распространялись на рядовой состав. Вероятно, это было вызвано большим количеством пленнх из числа низших чинов армий противника (их содержание обходилось слишком дорого), а также социальным статусом офицеров воевавших держав (они относились к привилегированному слою общества).

По соглашению Германии с Францией и Бельгией «О жалованьи для офицеров» было предусмотрено, что из данных денег можно удерживать до 1/2 за обеспечение человека продовольствием, до 2/3 за врачебный уход, но не могут взиматься деньги за жилье. Величина же жалованья во Франции была установлена следующая (всего 16 категорий): генералу — 600–832 франка, полковнику — 495, подполковнику — 375, капитану третьего ранга — 300–337, капитану — 210–277, старшему лейтенанту — 150–203, лейтенанту — 120–135. В случае если офицера, находившегося в плену, повышали в чине (на Родине), то в лагере для военнопленнх ему также начислялось большее жалованье. Однако для этого требовалось, чтобы о повышении в чине его страна заявила в одном из регулярных официальных изданий в течение двух месяцев после взятия человека в плен. В противном случае пленившая его сторона не признавала повышения в звании [4].

Соглашение с Великобританией предусматривало, что из своего жалованья пленные офицеры должны оплачивать продовольствие, одежду, квартиру, освещение и отопление. Жалованье офицерам (предусмотрено

всего 2 категории) ниже капитана составляло 120 фунтов стерлингов, выше капитана — 135. Повышение в чине признавалось только то, которое было оформлено до пленения [4].

Соглашение с Россией указывало, что из жалования не производятся вычеты за квартиру, а только за питание. В случае, если офицер желал питаться за свой счет, то вычетов вообще не было. Тарифы предусматривали лишь три разряда: генерал получал 125 рублей, офицер штаба или капитан — 75, низший офицер — 50. Повышение в чине признавалось только для солдат (если они получают офицерское звание) [4].

В отличие от Франции, Великобритания и Россия согласились выполнять статью 10 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны: «Военнопленные могут быть освобождены на честное слово, если это разрешается законами их страны, и в таком случае обязаны, с ручательством личною своею честью, добросовестно исполнить принятые ими на себя обязательства...» [6]. В соглашении оговаривалось, что данная статья действует только в отношении офицеров, не применяющихся на работах. Как можно судить из названного документа, его исполнение трактовалось как забота о здоровье пленных — необходимо было позволить им больше двигаться [4]. С лиц, пользовавшихся подобным правом, бралось честное слово и обещание «не убегать и не предпринимать в течение этого времени ничего против безопасности страны содержания» [4]. Однако, как известно, многие русские офицеры использовали представленную возможность для бегства. Наиболее известный пример — М.Н. Тухачевский. При этом они пользовались защитой Статьи 18 Конвенции 1907 года [6]. В случае же их повторного пленения данная статья регламентировала, что «военнопленные, удачно совершившие побег и вновь взятые в плен, не подлежат никакому взысканию за свой прежний побег» [6].

Таким образом, Первая мировая война продемонстрировала недостатки и пробелы, существовавшие в международном гуманитарном праве к 1914 году (в области защиты прав военнопленных). Дальнейшее его развитие пошло по тем направлениям, которые были намечены в рассмотренных соглашениях и конвенциях. В очерченный период (1914–1918 годы) были намечены пути и методы решения следующих проблем: репатриации санитарного персонала, священнослужителей и инвалидов, размещения военнопленных для лечения в нейтральных государствах, посещения лагерей для военнопленных представителями международных благотворительных организаций и Красного Креста, продовольственного и денежного обеспечения пленных, прогулок для лиц, лишенных возможности двигаться, признания страной, содержащей пленных, их повышения в звании и т.д.

Вместе с тем серьезным недостатком стало, что многие из данных договоров не касались рядового состава, оказавшегося во вражеском плену, а это, по всей вероятности, было вызвано экономическими и социальными причинами. Поскольку рассмотренные договоры в большинстве своем

не ратифицировались законодательными органами обеих сторон, нося зачастую характер соглашения военных властей, то они действовали только на период этой войны, а гарантами их соблюдения выступали нейтральные государства. Иногда заключение того или иного акта проходило без соблюдения принципов свободы и равенства сторон договорного процесса под действием репрессалий страны-инициатора.

Список использованных источников:

1. Dokumente zum Humanitären völkerrecht — Documents on international humanitarian law. — Genf: Rote Kreuz, 2007. — 1090 S.
2. Haager Landkriegsordnung vom 18. Oktober 1907 // Reichsgesetzblatt. — 1910. — S. 132.
3. Zehntes Haager Abkommen, betreffend die Anwendung der Grundsätze des Genfer Abkommens auf den Seekrieg, vom 18. Oktober 1907 // Reichsgesetzblatt. — 1910. — S. 283.
4. Verhandlungen des Reichstags. XIII Legislaturperiode. II Session: in 460 Bd. / gedruckt J. Sittenfeld. — Berlin: Norddeutschen Buchdruckerei und Verlag-Anstalt, 1914–1918. — Bd. 320: Anlagen zu den Stenographischen Berichten. — S. 999–1310.
5. Борботько, П.В. Попытка проведения международного военного трибунала над военными преступниками после окончания Первой мировой войны / П.В. Борботько, В.И. Пушкин, А.А. Сухарев // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. — 2005. — № 2(36). — С. 33–37.
6. Действующее международное право: в 3 т. / сост.: Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. — М.: Изд-во Московск. независ. ин-та междунар. права, 1999. — Т. 2: Вооруженные конфликты и международное право. — С. 575–586.
7. Genfer Abkommen zur Verbesserung des Loses der Verwundeten und Kranken bei den im Felde stehenden Heeren, vom 6. Juli 1906 // Reichsgesetzblatt. — 1907. — S. 279.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ю.С. Бутримова

Право интеллектуальной собственности — динамическая отрасль права, постоянно развивающаяся и совершенствующаяся. Многие международные акты, принятые еще в прошлом, остаются актуальными и продолжают действовать по настоящее время. Одним из первых и ключевых международных соглашений в области охраны интеллектуальной собственности является Парижская конвенция 1883 года. Именно с ее принятием связывают начало становления международно-правовой системы защиты интеллектуальной собственности. Не оспаривая данного утверждения, некоторые исследователи все же обращают внимание на ценность Конвенции, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС), Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений.

Таким образом, цель исследования заключается в следующем: проанализировать и обобщить существующие международные нормы и нормативные акты, регулирующие охрану интеллектуальной собственности, включая такие международные организации, как ВОИС, Всемирная торговая организация (ВТО), Международный союз промышленной собственности и другие; изучить правовые основы, механизмы и принципы международного сотрудничества в области защиты авторских прав, патентов, товарных знаков и других объектов интеллектуальной собственности; определить роль и значение международных договоров и соглашений для гармонизации национальных систем защиты интеллектуальной собственности.

Материалом исследования послужили такие международные соглашения и конвенции, как Парижская и Бернская, договоры ВОИС, соглашения ВТО (TRIPS), а также национальное законодательство, гармонизированное с международными стандартами, научные статьи, правовые обзоры и аналитические отчеты, связанные с международной охраной интеллектуальной собственности.

Анализируя процесс принятия международных договоров в сфере охраны интеллектуальной собственности, можно проследить динамику развития объектов правового регулирования. В числе первых были обозначены литературные и художественные произведения, которые нашли свое отражение в положениях Бернской конвенции. Впоследствии авторское право получило более широкое регулирование в рамках Всемирной конвенции об авторском праве, согласно которой государства приняли на себя обязательства по охране прав авторов произведений в том же объеме, в каком охрана предоставляется национальным авторам в соответствии с законодательством каждого государства. Перед глобальным сообществом стояла задача по обеспечению охраны прав авторов и признанию недопустимости их нарушения на территории других государств. С дальнейшим стремительным развитием науки и техники был принят ряд новых международных соглашений, включая Конвенцию о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники. Основой для ее принятия послужила Международная конвенция электросвязи. В последующие годы разрабатываются международно-правовые договоры, направленные на охрану прав авторов, исполнителей, производителей фонограмм. Параллельно в целях унификации подходов в области патентования приняты специализированные международные акты. Это, например, Страсбургское соглашение о Международной патентной классификации, представляющее собой значительный шаг в сторону унификации правового регулирования в узкой и технически сложной области патентования. Страсбургское соглашение стало логическим продолжением и конкретизацией положений Европейской конвенции по Международной классификации патентов на изобретения 1954 года.

Не углубляясь в исследование всех международных договоров, посвященных охране тех или иных результатов интеллектуальной деятельности,

необходимо отметить, что в большинстве своем они не предполагали выработку единых норм, которые доминировали бы по отношению к нормам национального законодательства. Кроме того, важным ограничением любого международного договора, вне зависимости от значимости и приемлемости его положений, является ограниченность сферы действия. Каждый международный договор вступает в силу на территории конкретного государства только в том случае, если государство присоединяется к нему и ратифицирует его. То есть даже при наличии целой совокупности международных соглашений не удастся в полной мере достичь цели унификации права и выработки единых, обязательных для всех государств требований [1]. Тенденции последних лет свидетельствуют о том, что международное сотрудничество в данной сфере чаще достигается через двусторонние или многосторонние соглашения с участием ограниченного круга государств. Вследствие этого для стран, не ратифицировавших соответствующий договор, он не имеет юридической силы и не оказывает практического воздействия.

Унификация законодательства представляется очевидной. Несмотря на то, что каждое государство обладает суверенным правом самостоятельно определять подходы к регулированию правоотношений на своей территории, включая те, что осложнены иностранным элементом, в условиях растущей значимости таких отношений усиливается риск коллизий между национальными правовыми системами. В подобных случаях возникает потребность в достижении правового компромисса, который становится возможным лишь при условии формирования единого, согласованного подхода к международному правовому регулированию. Среди ключевых проблем, препятствующих развитию и унификации международного права в сфере интеллектуальной собственности, особую актуальность приобретает нарастающая конфронтация между государствами и обострение глобальной политической обстановки, что особенно отчетливо проявляется в последние годы. В результате ухудшения международных отношений происходят разрывы союзов, государства выходят из ранее заключенных соглашений или отказываются от участия в новых договорах. Это существенно сужает возможности эффективной правовой защиты интересов правообладателей. Отказ от соблюдения международных договоренностей влечет за собой утрату правового инструментария, необходимого для применения, совершенствования и унификации норм международного права. Ряд исследователей делает акцент на том, что подобная тенденция — отказ от исполнения международных обязательств — не только ослабляет систему охраны интеллектуальной собственности, но и способствует росту нарушений, в том числе пиратства и незаконного использования объектов интеллектуальной собственности. Следует отметить, что недостаточная проработанность действующих международных соглашений, включая те, которые касаются не только вопросов защиты интеллектуальной собственности, но и терминологического аппарата, представляет собой серьезное

препятствие для эффективного развития правовых отношений в данной сфере. Проблема заключается в том, что положения национального законодательства отдельных государств могут существенно расходиться с нормами международного права. При этом сами международно-правовые акты нередко содержат пробелы регулирования, поскольку отдельные аспекты интеллектуальной собственности изначально определены как подлежащие регламентации исключительно на уровне национального законодательства. Такая несогласованность мешает формированию единого подхода и затрудняет правоприменение в трансграничных правоотношениях.

Следующий аспект, наглядно свидетельствующий об определенной отсталости и недостаточной адаптивности международных договоров в сфере интеллектуальной собственности к современным реалиям, — это их неспособность оперативно реагировать на стремительное развитие цифровых технологий и глобализацию информационного пространства. Трансграничный характер сети Интернет делает невозможным эффективное решение вопросов охраны авторских прав в рамках национального права, выводя данную проблему на уровень международно-правового регулирования. В условиях цифровой среды автор, являясь гражданином одного государства, может постоянно проживать в другом, размещать свои произведения на серверах, расположенных в третьей стране, а защищать нарушенные права — в четвертой. Такая многоуровневая структура взаимодействий актуализирует необходимость применения норм международных соглашений и коллизионного права. Бернская конвенция в ст. 5(1) закрепляет принцип национального режима, согласно которому произведения, страной происхождения которых является государство-участник Бернского союза, подлежат охране на территории других стран-участниц на тех же основаниях, что и произведения собственных граждан. В положениях Конвенции можно усмотреть коллизионные нормы, такие как право страны происхождения произведения (применимое, например, при установлении авторства на иностранное произведение) и право страны, в которой испрашивается защита (применимое при определении видов и объема неимущественных прав иностранного автора). Согласно ст. 5(4) Конвенции, страной происхождения признается государство, где впервые было опубликовано произведение. Соответственно, охрана в стране происхождения регулируется исключительно ее национальным законодательством. Например, если произведение было впервые опубликовано белорусским автором в Беларуси, международные нормы здесь не применяются. Но если произведение создано на территории Беларуси, а нарушение авторских прав этого произведения произошло за пределами страны, то имеет место иностранный элемент.

Между тем возникает вопрос: как определить страну происхождения произведения, если оно впервые было опубликовано в сети Интернет? В отношении кинематографических произведений это решается согласно статье 5 Бернской конвенции — таковой признается страна Союза, в которой

изготовитель имеет свою штаб-квартиру или постоянное место жительства. Однако касательно других объектов авторского права ситуация значительно сложнее. В частности, затруднительно определить, какая страна будет считаться страной происхождения: страна, из которой произведение было загружено в сеть; страна, к которой принадлежит национальный домен сайта (например, .ru, .fr, .jp); страна, на территории которой физически располагается сервер, загруженный произведением. Каждый из перечисленных подходов имеет технические и юридические слабости. Так, страну загрузки можно попытаться установить по IP-адресу пользователя, но в условиях переадресации и использования VPN эти данные будут искажены. Национальная принадлежность доменов также не всегда является надежным критерием, поскольку помимо национальных существует множество общих и тематических доменов (.com, .org, .info и др.), не связанных с конкретной территорией. Более того, не всегда получается установить страну-местоположение сервера, поскольку посредством использования технологии «облачного» хранения данные могут одновременно размещаться на серверах, находящихся в разных странах: например, часть контента хранится в Китае, а другая — в США. Таким образом, установить территориальную принадлежность произведения, впервые опубликованного в Интернете, зачастую нелегко. В связи с этим оправданной выглядит позиция ряда отечественных и зарубежных исследователей, которые предлагают рассматривать Интернет как особое международное пространство, не подпадающее под исключительный суверенитет какого-либо отдельного государства. Представленный подход открывает путь к более гибким и универсальным механизмам правового регулирования в цифровой среде.

Отсутствие правового регулирования интеллектуальной собственности в глобальной цифровой среде вовсе не означает, что охрана авторских прав не работает. Бернская конвенция предусматривает обязательный минимум прав автора, который каждая страна-участница должна признавать на своей территории. К числу обязательных прав, подлежащих признанию на территории всех стран-участниц, относятся: право на имя и авторство (т.е. признание авторства за конкретным лицом и возможность требовать указания его имени при использовании произведения); право на неприкосновенность произведения (т.е. защита произведения от искажений, извращений и иных изменений, способных нанести ущерб чести и достоинству автора); исключительные имущественные права, такие как право на воспроизведение, публичное исполнение, право на перевод и адаптацию, право на распространение. Однако несмотря на наличие этих обязательных прав, которые должны учитываться странами-участниками конвенции, на практике специфика их применения может существенно отличаться. Так, если какое-либо правомочие автора не предусмотрено национальными законами страны, где испрашивается правовая защита, автор не может требовать предоставления ему подобного правомочия, даже если в его стране

подобное правомочие законом признается. Или же поскольку срок действия исключительных прав различается в отдельных странах, то может возникнуть ситуация, что произведение охраняется в одной стране и при этом является частью общественного достояния в другой.

Один из реальных споров, который демонстрирует разницу между законодательствами разных стран в сфере защиты авторских прав, связан с делом Google Books — проектом Google, который представляет собой платформу для сканирования и индексирования книг. Суть дела состояла в том, что, когда Google запустил свой проект, он сделал многие книги доступными через сеть Интернет. Однако Google не получал разрешения от правообладателей на сканирование их книг, что вызвало большое количество судебных исков со стороны авторов и издателей, которые ходатайствовали о нарушении их авторских прав. В США суды приняли решение, что действия Google подпадают под добросовестное использование (*fair use*). Это исключение позволяет использовать защищенные авторским правом материалы без разрешения владельцев, если использование материалов осуществляется, например, для образовательных или научных целей, или если это не наносит значительный ущерб владельцам прав. В 2013 году Окружной суд Южного округа Нью-Йорка постановил, что сканирование книг Google и создание базы данных с фрагментами текста не нарушает авторских прав, поскольку это не является коммерческим использованием, а скорее направлено на создание доступности и улучшение поиска. Спустя одиннадцать лет судебные тяжбы о праве Google на сканируемые книги завершились в пользу Google. В этом контексте США более гибки в подходах к авторскому праву, особенно с учетом широкого применения принципа добросовестного использования. В Европейском Союзе судебные разбирательства по делу Google Books в целом шли в пользу более строгого контроля и соблюдения прав авторов. Например, в 2016 году Суд Европейского Союза постановил, что сканирование книг Google без разрешения авторов и издателей является нарушением авторских прав, даже если доступ к ним ограничен.

Несмотря на свою фундаментальность, Бернская конвенция, принятая практически за столетие до возникновения сети Интернет, оказалась не способной детально регулировать авторские правоотношения в цифровой среде. Перед международно-правовым сообществом встала насущная задача разработать соглашение, которое регламентировало бы авторские правоотношения в эпоху Интернета, и тогда были разработаны Договор ВОИС по авторскому праву и Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам. Договор ВОИС по авторскому праву (ДАП), принятый в 1996 году, играет ключевую роль в адаптации международного авторского права к условиям цифровой эпохи. Это не самостоятельный в отрыве от Бернской конвенции, а дополняющий ее международный договор, разработанный в рамках ВОИС. ДАП вводит охрану двух новых категорий: компьютерных программ, независимо от способа и формы их выражения; компиляций данных

или другой информации (баз данных), представленных в любой форме, при условии, что они представляют собой интеллектуальный труд автора по отбору или расположению содержимого. Устанавливается новое имущественное право — разрешать любое сообщение своих произведений для всеобщего сведения, в том числе для интерактивного доступа, с любого места и в любое время (статья 8) [2]. В соответствии с Согласованным заявлением к ст. 1(4) Договора ВОИС по авторскому праву было установлено, что «хранение произведения в цифровой форме в электронном средстве связи представляет собой воспроизведение в смысле ст. 9 Бернской конвенции». Это означает, что без согласия автора помещение в телекоммуникационную сеть объектов их прав недопустимо, поскольку оно рассматривается как воспроизведение. Такое же положение было включено в Согласованное заявление по ст. 7, 11 и 16 Договора ВОИС по исполнению и фонограммам [3]. Договоры вводят новые правовые механизмы защиты прав авторов на их произведения (речь идет о технических средствах защиты — DRM) и разъясняют обязательства в отношении информации об управлении правами. Под информацией об управлении правами понимают информацию, которая идентифицирует произведение автора произведения, обладателя какого-либо права на произведение, исполнителя, производителя фонограммы, фонограмму и т.д. в целях обеспечения охраны авторских прав, прав исполнителей и производителей фонограмм. Информация об управлении правами может содержать цифры или коды, в которых представлена такая информация. Размещение информации об управлении правами производится только по желанию самого автора, исполнителя или производителя фонограмм. Такая информация может содержаться и в скрытой форме, что позволяет предотвратить ее обнаружение и удаление лицом, нарушающим авторские и смежные права.

Между тем, по мере цифровизации экономики и роста значения программных продуктов, международное законодательство продолжает сталкиваться с трудностями из-за возникновения новых объектов интеллектуальной собственности. Сегодня в числе новых объектов ИС называют биологические изобретения, нанотехнологии, технологию блокчейн, зеленые технологии, 3D-печать и аддитивное производство, автономные транспортные средства и решения в области мобильности, квантовые вычисления, робототехнику и автоматизацию и многие другие инновации [4]. Одним из наиболее актуальных вызовов современного этапа развития права интеллектуальной собственности является правовой статус контента, созданного с использованием искусственного интеллекта. Существующие международные договоры в большей степени ориентированы на охрану прав физических лиц (авторов, исполнителей, правообладателей) и не содержат четко сформулированных норм, регулирующих создание произведений ИИ. Вопрос о том, может ли продукт деятельности искусственного интеллекта рассматриваться как объект авторского права и кому в этом

случае принадлежат исключительные права, остается открытым и требует выработки согласованных международных подходов. Отсутствие единых правовых решений в данной сфере уже приводит к правовой неопределенности, что создает риски для коммерциализации ИИ-контента, трансграничного обмена данными и защиты интересов как разработчиков, так и пользователей таких технологий. Проблема, кому принадлежат доходы от произведений, созданных искусственным интеллектом, на практике решается следующим образом — на этом этапе деньги, полученные от продажи подобных произведений, получает тот, кто контролирует процесс и принимает творческие решения. То есть субъекты гражданского права — физические и юридические лица. Лондонский художник турецкого происхождения Мемо Актен стал одним из первых, кто продал созданную искусственным интеллектом картину: в 2016 году его работа была реализована за 8000 долларов на благотворительном аукционе, организованном компанией Google в Сан-Франциско. Спустя два года аукционный дом Christie's объявил о продаже своего первого произведения, созданного ИИ, — «Портрета Эдмонда Белами», созданного парижским коллективом Obvious. Ожидаемая выручка от продажи оценивалась в сумму от 8000 до 11500 долларов [5].

Значимым судебным прецедентом в области создания ИИ-контента стало дело, рассмотренное в Китае в 2019 году. Истцом выступила компания Shenzhen Tencent Computer System Co., Ltd., а ответчиком — Shanghai Yingxun Technology Co., Ltd. Спор касался статьи, автоматически сгенерированной в августе 2018 года программным обеспечением Dreamwriter, разработанным истцом. Материал был посвящен обзору Шанхайского фондового рынка. Dreamwriter, используя алгоритмы сбора и анализа, сформировал структуру и содержание текста в соответствии с заданными параметрами и предпочтениями разработчиков. Ответчик разместил в сети аналогичную по заголовку, содержанию и структуре статью. Народный суд округа Наньшань, опираясь на ст. 2 и 3 Имплементирующего регламента к Закону КНР об авторском праве, установил, что материал обладает признаками оригинальности и является результатом интеллектуального вклада, пусть и с применением ИИ. Суд подчеркнул, что финальный результат зависел от выбора команд и параметров, заданных человеком. В результате статья была признана охраняемым объектом авторского права как письменное произведение. Таким образом, суд встал на сторону признания авторских прав за искусственным интеллектом [6]. В Великобритании существует совершенно иной подход к регулированию прав искусственного интеллекта. Законодательство Великобритании учитывает возможность создания произведений с участием ИИ, однако не признает ИИ автором. Согласно Закону об авторском праве, дизайне и патентах 1988 года, автором произведения признается лицо, которое предприняло необходимые меры для его

создания. В случаях, если произведение было сгенерировано машиной или программным обеспечением без прямого участия человека в каждом этапе творческого процесса, срок охраны авторских прав на такое произведение составляет 50 лет с момента создания произведения, а не 70 лет со дня смерти автора, как это принято в отношении традиционных произведений. Несмотря на возможность охраны произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, в британской практике по-прежнему применяется традиционный критерий авторства, согласно которому произведение должно быть «собственным интеллектуальным творением автора». Это означает, что оно выступает как результат свободного и творческого выбора, отражающий индивидуальность и оригинальность подхода.

Стоит отметить, что не все страны готовы предоставить защиту прав авторства на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта. Например, в ФРГ такие произведения не признаются объектами авторских прав и не считаются идентичными произведениям искусства, литературы или науки. В Австралии решение австралийского суда по делу *IceTV Pty Limited v Nine Network Australia Pty Limited* HCA 14 (22 April 2009) завершилось отказом в защите авторских прав ИИ [7].

На вопрос о том, кому присваивать права на произведения, созданные искусственным интеллектом, исследователи отвечают неоднозначно. Как утверждает Андраэ Мориग्ги, одной из ключевых задач права интеллектуальной собственности является предоставление создателю произведения или изобретения возможности получать экономическую выгоду от его использования другими лицами. Искусственный интеллект не имеет и не может иметь подобной потребности. Исследователь также считает, что переход работ, создаваемых искусственным интеллектом, в общественное достояние может лишить инвесторов экономических стимулов [8]. Еще в 1982 году Тимоти Батлер писал, что суд обладает четырьмя возможными путями признания авторских прав: полностью отказаться от наделения ИИ авторскими правами; наделить авторскими правами систему искусственного интеллекта либо распределить эти права между системой и человеком; распределить авторские права между правообладателем базового программного обеспечения и владельцем компьютера; создать вымышленного автора — человека и передать его авторские права правообладателю базового программного обеспечения или владельцу компании [9]. И.С. Лазаревич резюмирует, что «современное развитие технологий указывает на отсутствие у ИИ правосубъектности ввиду его зависимости от волеизъявления человека при генерировании текста, изображений, музыки, что позволяет сделать вывод о том, что право авторства и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с применением технологий ИИ, целесообразно закрепить за титульным владельцем (пользователем либо создателем)» [10]. На наш взгляд, в силу того, что человек все же

принимает участие в создании произведений с помощью искусственного интеллекта, право авторства следует закрепить за пользователем — физическим лицом, который инициировал создание результата интеллектуальной деятельности, разработал концепцию, дал ИИ конкретные инструкции и осуществлял контроль над результатом этой деятельности.

Список использованных источников:

1. Джаниев, В.Б. Тенденции международно-правового регулирования сферы охраны объектов интеллектуальной собственности / В.Б. Джаниев // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сб. материалов XXV Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург. — СПб., 2023. — С. 296–300. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59936889> (дата обращения: 01.03.2026).
2. Договор ВОИС по авторскому праву, 20 декабря 1996 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.03.2026).
3. Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам, 20 декабря 1996 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 01.03.2026).
4. Мехмонов, К.М. Новые объекты промышленной собственности / К.М. Мехмонов // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 26 мая 2023 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр; редкол.: В.А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. — Новополюцк: Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2023. — С. 83–99. — URL: <https://elib.psu.by/handle/123456789/41611> (дата обращения: 03.03.2026).
5. Кто должен получать деньги при продаже произведения искусства, сотворенного ИИ? // Хабр. — URL: <https://habr.com/ru/articles/425551> (дата обращения: 03.03.2026).
6. Погорелова, В.М. Авторские и смежные права на произведения, созданные искусственным интеллектом: кого признавать автором / В.М. Погорелова, А.А. Акулян, В.С. Раменская // Весенние дни науки: сб. докл. Международной конференции студентов и молодых ученых. — Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2023. — С. 1333–1335. — URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/125675> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Васильева, А.С. К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта / А.С. Васильева // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2022. — № 4(38). — С. 107–116. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729119/#2> (дата обращения: 03.03.2026).
8. The Role of Intellectual Property in the Intelligence Explosion // 4iP Council. — URL: https://www.4ipcouncil.com/application/files/9615/1638/1031/The_Role_of_Intellectual_Property_in_the_Intelligence_Explosion.pdf (date of access: 03.03.2026).
9. Морхат, П.М. Особенности развития права интеллектуальной собственности в контексте искусственного интеллекта / П.М. Морхат // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. — 2018. — № 1. — С. 65–69. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-prava-intellektualnoy-sobstvennosti-v-kontekste-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-statya> (дата обращения: 05.03.2026).
10. Лазаревич, И.С. К вопросу об охране творческого труда человека и развитии искусственного интеллекта / И.С. Лазаревич; науч. рук. Д.Н. Николичев // XVIII Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 25 окт. 2024 г. / Вит. гос.ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.] — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. — С. 380–381. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/44837?locale=ru> (дата обращения: 05.03.2026).

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

П.В. Гурщенков

Цифровое право как институт информационного права появляется вместе с новыми правовыми образованиями: «кибернетическим правом новой реальности», «правом виртуальной реальности», «правом цифровых технологий», «правом искусственного интеллекта», «квантовым, нейронным, когнитивным правом», «роботоправом» и др. [1, с. 96].

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь подчеркивается, что все ее составляющие — политическая, экономическая, научно-техническая, социальная, демографическая, биологическая, информационная, военная, экологическая безопасность, электоральный суверенитет — возможны только с использованием цифровизации. Это — объективная реальность, условие, принцип, процесс и результат. В экономической сфере важное место среди основных государственных интересов занимает развитие именно цифровой экономики и ее технологий [2]. Добиться благоприятного социального результата можно лишь с помощью эффективной инновационной системы правового регулирования, сочетающей традиционные средства и новейшие информационно-коммуникативные технологии (ИКТ).

Проблема цифровизации права — одна из самых востребованных в теории и практике юриспруденции. В научной литературе существуют три основных точки зрения по данному вопросу: 1) процесс объективный, неотвратимый, непрерывный, вытесняющий человека из правовой сферы более чем на 90%; 2) право и цифровизация никогда не соединятся ввиду качественно различных характеристик и целеполагания. Человеческая ментальность, чувства, идеи, нравы, мораль, оценочные понятия не поддаются программированию; 3) право, особенно гражданское, трудовое, административное, уголовное и др. отрасли, нормативные комплексы, нуждаются в «цифровой прививке» и перенастройке [3, с. 89].

Определенность здесь пока отсутствует, как в методологии, так и в теории и практике. Главная задача — не цифровой, электронный, технологический, инновационный рост (его не остановить!), а сохранение человеческой жизни и наполнение ее цивилизованно-духовным содержанием.

По мнению академика РАН Российской Федерации Т.Я. Хабриевой, «тезис о цифровизации права в определенной мере “провокационный”; оно не подвержено существенным трансформациям под воздействием “оцифровки” общественной жизни» [4, с. 173]. Автор считает, что право — это средство, а не объект цифровизации.

Цифровое право всё активнее вторгается в основные сферы общественной жизни: власти, собственности, национальной и экономической безопасности, распределения, юридической ответственности, прав и свобод

граждан. Тот, кто выигрывает это технологическое соревнование, может претендовать на лидерство и процветание. Цифровизация социума требует пересмотра концептуальных подходов к национальной безопасности, ее охране, регулированию, использованию. Значительно возрастает степень личной ответственности (прежде всего руководителя) за принятие решений, осуществление действий, особенно в сфере стратегической безопасности.

С одной стороны, расширяются технологические возможности обеспечения национальной и экономической безопасности государства как социального целого — электронные системы наблюдения, контроля, охраны, обнаружения, оценки поведения людей, видеофиксации, распознавание лиц, определение геолокации, с другой — увеличение опасности и рисков киберпреступлений, рост телефонного мошенничества, направленного на похищение материальных средств, информации, ресурсов, взломы аккаунтов, паролей, создание фейков, вредоносных кодов, вирусов, электронный шпионаж, ведение гибридных войн и т.п. Прогресс активизирует регресс и наоборот. «Экономические пузыри», связанные со спекулятивными финансово-банковскими операциями, вытесняют реальное экономическое производство натуральной продукции, фальсифицируют качество товаров и услуг, создают видимость благополучия и роста, подрывают экономические устои, здоровье, долголетие, деторождение.

Новое цифровое общество нуждается в создании глобального, вселенского метаправа в новой доктрине, юридической меметике, законодательно закрепленной и эффективно реализуемой с помощью электронного правоприменительного механизма.

Дискутируется обоснованность и целесообразность появления новых субъектов права — электронных, квазюридических лиц, виртуальных личностей, юнит AI, автономного робота, беспилотного автомобиля и самолета, юридической ответственности различных технологических средств, создания специальных страховых фондов для компенсации цифрового экономического ущерба и др. Появляются новые дорогостоящие цифровые объекты собственности. Нематериальное имущество — цифровые активы, интеллектуальная собственность, виртуальная недвижимость, токены, криптовалюты, смарт-контракты, электронные платформы, программное обеспечение, технологии блокчейн, цифровые персональные данные и др. — наращивает свои объемы и значение.

Происходит массовая кибергизация человека, замена, надстраивание его тела, расширение, технизация умственных способностей. Цифровая революция не оставляет шансов на экономическое процветание творчески мыслящих людей. Для того, чтобы эффективно встроиться в новую социальную структуру, необходимо быть мобильным, динамичным, самодостаточным, что предполагает непрерывное совершенствование, развитие, повышение квалификации. Цифровизация «размывает» традиционные понятия экономической стабильности, выгоды, равных возможностей,

либеральной демократии, социальной справедливости, трудовой занятости. Правоведение, как квинтэссенция государства и права, выступает как синергия науки, образования и практики. Правовые проблемы чаще всего порождаются не правовыми, а социальными противоречиями. Поэтому экономический анализ права с точки зрения его прибыльности должен также считаться с нравственными, гуманитарными, демографическими и иными факторами, не противоречащими естественным законам.

Возрастает скорость и вариативность правового воздействия. В зависимости от общественных интересов используется «жесткое» или «мягкое» право. «Жесткое» необходимо в чрезвычайных условиях, «мягкое» — при диспозитивных, демократических, равноправных отношениях. Последнее основывается на инновационной гибкости, дополняющей правовые методы мононорматикой, квазиюрисдикционными регуляторами: направлениями, методиками, директивами, концепциями. Оно требует активнее задействовать правовые принципы (как концентрированные идеи и нормы), общие средства правового влияния (цели, стандарты, ценности, традиции, конструкции, конституционные понятия, аксиомы права), стратегические программы, межотраслевые комплексные образования, программные законы, интегративные кодексы, нормативы договорного саморегулирования и т.д.

Активизируются вопросы шестого технологического уклада, связанные с био-, нанотехнологиями, когнитивными и информационными программами, разработками дополненной реальности, определения ДНК, использования полиграфа, виртуальной и онлайн-связи, робото-руки, экзоскелета, электронного браслета-контролера, беспилотных механизмов. Массовое использование высокотехнологичных средств, БПЛА за четыре года в значительной степени изменило стратегию и тактику ведения современной войны.

Информационные технологии через электронное голосование, электронное обсуждение, электронную демократию, электронное государство оптимизируют процесс управления, однако полностью не защищают от фальсификации. Практически направленный технизированный разум в условиях капитализации и коммерциализации общественных отношений создает благоприятную среду для роста материального благосостояния, комфорта, но одновременно несет опасности духовно-нравственной деградации человека и социума в целом, его моделирования в интересах олигархо- и цифрократии.

Происходящая десоциализация общества атомизирует, «разрывает» на клипы целостное человеческое сознание, замыкает его на корыстных интересах и эгоистических потребностях аморальной личности.

Создаваемые нормативные правовые массивы, к примеру, регулирующие экономическую безопасность, борьбу с экономическими преступлениями, коррупцией, нуждаются не только в автоматической унификации с помощью программ AI, но и доктринальной разработке проблем, включающих экономическую выгоду, создание механизма реализации,

организационное, правоохранительное, психологическое, моральное обеспечение и т.д.

Происходящие глобальные изменения в цифровом правовом пространстве связаны с сужением сферы действия права на бумажном носителе и расширением на электронном. Просматривается тенденция замены правовых норм алгоритмами, искусственно создаваемыми нормами для отдельного случая, которые в случае их гибкости, дифференцированности и диспозитивности, могут быть более эффективными. Для этого код необходимо приравнять к закону. Рост правовой культуры населения, соблюдение принципов законности, справедливости, добросовестности, порядочности, ответственности субъектами права не только в сфере частноправовых, но и публично-правовых отношений будет способствовать формированию саморегулируемой среды, основанной на самоисполнении и технологических решениях.

Создание единой системы правообразования ставит вопрос построения четкой пирамиды форм (источников) права, связывающих на цифровом уровне их содержание, предмет, метод правового регулирования с юридической востребованностью и иерархией. Нуждается в законодательном закреплении электронный вариант нормативного правового акта, наряду с бумажным, как официальный источник права. С целью унификации, единообразия, эффективности применения требуется разработать унифицированную процедуру принятия, исполнения региональных, локальных, ведомственных нормативных правовых актов.

При отправлении правосудия успешно используются цифровые технологии для определения, сбора, фиксации доказательств, обработки информации, поиска нормативных правовых актов, правоприменительной практики, статистики, разъяснений Пленумов Верховного Суда Республики Беларусь. Цифровые технологии «спешат» на помощь «бегущему, вечно опаздывающему» человеку, но заменить его полностью не смогут. Без последнего нельзя обойтись при фактической и правовой квалификации преступлений, назначении наказания, профилактике правонарушений, обучении, воспитании. Необходимо разработать на доктринальном уровне и принять на законодательном нормативный документ использования цифровых технологий в правоохранительной, законодательной, правоприменительной деятельности, при отправлении правосудия. Одновременно с технологиями должен быть воспитан и обучен человеческий капитал, их воспринимающий.

Нужно совершенствовать электронную систему назначения наказания (административно-правовую и гражданско-правовую) за автоматически фиксируемые правонарушения, поддающиеся цифровой обработке. В Республике Беларусь разработана программа определения оптимальной меры уголовного наказания, модель «электронные весы правосудия», в которую заложено 400 алгоритмов [5, с. 21].

Мультидисциплинарный подход способен объединить усилия политиков, экономистов, социологов, математиков, психологов, айтишников,

юристов в рамках консорциумов, кластеров, ядром которых выступают научно-образовательные центры, платформы с целью изучения и перевода социально-экономических законов в юридические.

Существует опасность превращения государства в замкнутую властно-финансовую корпорацию, руководствующуюся целесообразностью, собственными материально-управленческими амбициями, формальным отношением к решению социальных проблем. Это может вызвать массовый кризис, разобщение общества, подрыв национальной безопасности, экономики, распад государственно-правовой системы.

Высокий инновационный уровень развития социальной рыночной экономики, легальность, легитимность, органическое единство народа и власти, правового государства и гражданского общества, развитая духовная культура — условия рентабельности, жизнеспособности государства и права.

Юридизация и цифровизация общественных отношений предполагают и дополняют друг друга. Однако форма не должна подменять содержание. Если структуру, форму можно «одеть» в цифровую, электронную оболочку с использованием AI, то содержание требует максимального включения человека, его рациональных и духовных качеств.

Информационные технологии в состоянии рассчитать прогнозные показатели эффективности принятия нормативных правовых актов, степень их позитивного психологического восприятия населением и предостеречь от необдуманных социальных, политических, экономических и правовых решений. Технологии оптимизируют работу государственного аппарата, делают ее более прозрачной и подконтрольной гражданскому обществу, позволяют активнее бороться с бюрократией и коррупцией, способствуют разработке, внедрению и коммерциализации инноваций, однако одновременно порождают риски, угрозы, проблемы. «Умные» технологии необходимо внедрять через «цифровое» государство и право, «электронное» правительство, законодательство, исполнительную систему, «автоматизированный» город, предприятие, дом, квартиру. «Ум» нуждается в экономических стимулах, инновационном наполнении, дополнении духовностью, нравственностью, красотой, ответственностью, честностью, достоинством, гуманизмом.

Следовательно, тенденции развития права XXI века:

1. Дегуманизация, алгоритмизация, персонализация, натурализация права, усиление цифрового контроля за политикой, экономикой, социальной сферами.

2. Инфляция национального и международного права при потере духовно-нравственных качеств.

3. Переход от права стабильного, надежного, экономически и властно детерминированного, рационального, автономного, предсказуемого к праву субъективированному, нелинейному, вероятностному, нетипичному (по источникам, результатам), рискованному, гибкому, способному к самонастройке, адаптации, самоорганизации.

4. Использование мульти-, трансдисциплинарной методологии познания и моделирования проектов, которое опирается на объективную реальность, социально-экономические закономерности, интересы и потребности народа.

5. Усиление управленческих возможностей юриспруденции не только за счет роста научных, аподектических (достоверных, объективных) знаний, но и ненаучных подходов, основанных на мифологическом, образном сознании, интуиции, инсайте, искусстве, риторике, традициях, церемонии, обрядах, усиливающих восприятие, веру, авторитет, работающих на стабильность, прочность государственно-политической действительности [6].

6. Необходимость предварительной экономической, социальной, психологической, криминологической экспертизы нормативных правовых актов, регулирующих прежде всего властно-экономические отношения на предмет эффективности, результативности, полезности, правомерности.

7. Создание технически совершенных форм (источников) права, связывающих содержание с целостным интегративным, компрекендным правопониманием.

8. Социализация, гуманизация, демократизация права, усиление взаимодействия правового государства и гражданского общества, где цифровой, производящий, инновационный, ответственный человеческий капитал играет ведущую роль.

9. Интеллектуализация, автоматизация права как условие повышения его правосубъектности за счет роста прав и обязанностей, гибкости, многофункциональности, рационально-технической оснащенности.

10. Совершенствование юридического образования (практиконаправленность, технологии, профессиональные умения и навыки, мировоззренчески гражданско-патриотическая позиция).

11. Использование цифровых сервисов, основанных на ИКТ, компьютерных (виртуальных) симуляторов; объединение юристов и айтишников в хакатоны для эффективного технологического решения социальных проблем (чатботы, мобильные приложения, калькуляторы, роботы), производства инновационного Legal Tech-продукта.

12. Создание макро- и микротеории права цифрового общества, включающей юридические доктрины, законодательное, правоприменительное обеспечение общественной проблематики.

Жизнеспособность государства зависит от технологически развитого экономического ресурса, политической воли консолидированного общества с возрожденными национальными ценностями, прозрачной системой выборов, сильным гражданским потенциалом. Правомерное поведение граждан, их социальная и экономическая активность, политическая стабильность и экономическая безопасность составляют фундамент белорусского социума [7].

Новая цифровая реальность требует реформирования права наиболее значимых сфер государственно-организованного социума, создания

концепции национальной безопасности в электронных условиях. Это не только кардинально измененные средства охраны, обеспечения, слежения, задержания, но и доктринально-психологического обоснования, совершенствования борьбы, профилактики киберпреступности в данном сегменте.

Цифровая революция, с одной стороны, укрепляет, совершенствует национальную безопасность за счет AI, инновационных технологий, синергии науки, образования и практики в рамках единой правовой политики, с другой стороны, увеличивает опасности и риски киберпреступлений, телефонного мошенничества. Средством противодействия выступает эффективный механизм защиты (включая электронный) на республиканском, региональном, местном уровнях, крупных предприятиях и в организациях.

Перспективами применения AI [8, с. 79] являются: юридический анализ (экспертиза документов); нормотворческая деятельность; подготовка договорных контрактов, оценка рисков при заключении договоров и иных юридически значимых действий; судебная практика (претензии, иски, жалобы), составление, анализ исковых заявлений и принятых решений; запросы от государственных органов и ответы; автоматический тип юридических услуг; юридическое сопровождение сделок и др.

Право под влиянием цифровизации меняет свои формы, содержание, механизм формирования и реализации. Но пока отсутствует четкое понимание правовых трансформаций, связанных с использованием цифровых технологий. Одна из насущных задач — их применение в интересах социальных нужд, защиты персональных данных, достоинства человека, пересмотр ценностных ориентаций, обогащение нормативистско-позитивистского подхода духовными, нравственными, культурными критериями оценки действующего, современного права [9, с. 5].

Список использованных источников:

1. Полякова, Т.А. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, Н.В. Кроткова // Государство и право. — 2022. — № 9. — С. 94–104.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Решение Всебеларусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26.04.2024, 1/21360. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005/> (дата обращения: 02.01.2026).
3. Хабриева, Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–102.
4. Хабриева, Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Избранные труды: в 10 т. — М., 2018. — Т. 10: Содержание: Право и экономика. Право и антикоррупционная политика. — 464 с.
5. Савенок, А.Л. Технологии искусственного интеллекта как средство создания уголовного закона / А.Л. Савенок // Право. by. — 2023. — № 5(85). — С. 20–24.
6. Бочков, А.А. Концептуально-методологические основы холистического понимания права в рамках единой юриспруденции // Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект: монография / Э.Г. Аниськина [и др.]; под науч. ред. В.С. Елисеева, А.А. Бочкова. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. — С. 7–20.

7. Bochkov, A.A. Conceptual and Methodological Foundations of the Development of Modern Law in Belarus and Russia in the Context of Digitalization / A.A. Bochkov, P.V. Gurshchenkov, G.Sh. Bochkova // Право. Экономика. Психология. — 2022. — № 4(28). — С. 3–10.

8. Голенков, В.В. Перспективные направления применения искусственного интеллекта в юридической деятельности: технологические аспекты / В.В. Голенков, Н.А. Гулякина, Д.В. Шункевич // Право.by. — 2023. — № 5(85). — С. 75–83.

9. Хабриева, Т.Я. Технологические императивы современного мира и право / Т.Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2023. — Т. 19, № 1. — С. 5–12.

СООТНОШЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАСТЕНИЕВОДСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.С. Елисеев

Растениеводство считается главной отраслью сельского хозяйства, включающей в себя возделывание культур, которые удовлетворяют потребности человека в пище, а также производство кормов для животных и сырье для перерабатывающей промышленности. В Доктрине продовольственной безопасности [1], как основном программном документе для аграрной экономики России, 7 основных показателей (из 11) относятся к сельскохозяйственному растениеводству, что подчеркивает важность правового регулирования для данной отрасли.

Один из основоположников российского аграрного права М.И. Козырь, говоря об аграрном (сельскохозяйственном) законодательстве, справедливо отмечал, что «работа по совершенствованию сельскохозяйственного законодательства ведется не столь эффективно, как это требуется. Ощущается необходимость в дальнейшей теоретической разработке актуальных правовых проблем сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в целом, в научных рекомендациях и совершенствованию управления и хозяйственного механизма в АПК, в более глубоких исследованиях эффективности сложившейся системы правового регулирования многообразия общественных отношений» [2, с. 13]. Данному вопросу в той или иной степени посвятили свои работы представители аграрно-правовых наук: А.П. Анисимов, С.А. Боголюбов, Г.Е. Быстров, Г.Л. Веденин, Н.О. Ведышева, Н.П. Воронина, Е.А. Галиновская, О.В. Глеба, Н.Г. Жаворонкова, И.О. Краснова, В.Н. Кульнев, Е.Л. Минина, М.И. Палладина, В.В. Устюкова, Г.Г. Файзуллин и др.

Сельскохозяйственное законодательство, двигаясь по принципу «от общего к частному», вместе с тем недостаточно последовательно, имея общий Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» [3], который

претендует на комплексность, но таковым не является, поскольку регулирует только отдельные направления сельскохозяйственной деятельности, обходит общие вопросы комплексного правового обеспечения отраслей сельского хозяйства, включая растениеводство, регулируя их фрагментарно, тем самым игнорируя последовательность построения законодательства о сельскохозяйственном растениеводстве, в отдельных случаях сосредотачиваясь на некоторых направлениях сельскохозяйственного растениеводства, в частности, на комплексных законах, регулирующих виноградарство [4] и семеноводство [5], а также зерноводство [6] — в последнем случае правовому обеспечению подлежит только экономическая сторона данных отношений.

С указанных позиций значительно лучше обстоит дело в земельном законодательстве, как основном пространственном и производственном базисе растениеводства, — здесь имеет место как единый комплексный кодифицированный документ — Земельный кодекс Российской Федерации, так и законы, регулирующие отдельные направления земельной деятельности, непосредственно влияющие на сельское хозяйство в целом, например, Федеральный закон «О мелиорации земель» [7], регулирующий виды мелиоративных мероприятий; Федеральный закон «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» [8], регламентирующий проблемы плодородия земель и др.

Недостаточностью правового регулирования отношений в области растениеводства и объясняется актуальность настоящего исследования. Растениеводство включает различные направления сельскохозяйственного производства (полеводство, луговоеводство, овощеводство, плодоводство, виноградарство, цветоводство и лесоводство), наибольшее значение имеет полеводство, которое предполагает разработку пашни, — с этих позиций весьма важна классификация сельскохозяйственных земель, представленная в п. 2 ст. 77 Земельного кодекса Российской Федерации [9], фактически выделяющая наиболее их значимую часть — угодья, выступающие средствами производства для продукции сельскохозяйственного растениеводства.

Представленная же в п. 1 ст. 79 Земельного кодекса Российской Федерации, который выделяет такие виды угодий, как пашни, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями (садами, виноградниками и другими), эта классификация обусловлена, в первую очередь, целями растениеводства.

Центральным движущим звеном растениеводства выступают субъекты растениеводства, образующие растениеводческие хозяйства, — подобная категория была введена в оборот Федеральным законом «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации» применительно к виноградарству. Представляется, что она является полезной и для растениеводства в целом. Такая полезность заключается, прежде всего, в том, что позволяет очертить круг лиц, которые непосредственно занимаются сельскохозяйственным растениеводством.

Соответственно, «растениеводческими хозяйствами» следует признавать коммерческие организации любой организационно-правовой формы, индивидуальных предпринимателей, осуществляющие производство продукции растениеводства, ее использование, первичную и последующую (промышленную) переработку (в том числе на арендованных основных средствах).

Растениеводческую деятельность также совершают:

1) крестьянские (фермерские) хозяйства без образования юридического лица в соответствии с Федеральным законом от 11 июня 2003 года № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [10];

2) сельскохозяйственные потребительские кооперативы (перерабатывающие, сбытовые (торговые), обслуживающие (в том числе кредитные), снабженческие, заготовительные), созданные в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 1995 года № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» [11], а также в соответствии с Законом Российской Федерации от 19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» [12];

3) опытно-производственные, учебные, учебно-опытные и учебно-производственные подразделения научных организаций, образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров в области сельского хозяйства, и общеобразовательных организаций;

4) казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, определенные ст. 123.15 ГК РФ [13];

5) общины коренных малочисленных народов Российской Федерации, определенные ст. 123.16 ГК Российской Федерации и включенные в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации [14], а также закрепленные региональным законодательством;

6) религиозные организации, соответствующие требованиям ст. 123.26 ГК Российской Федерации;

7) граждане, ведущие личное подсобное хозяйство, в соответствии с Федеральным законом от 7 июля 2003 года № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» [15];

8) члены садовых и огородных некоммерческих товариществ (СНТ и ОНТ), садоводство или огородничество для собственных нужд, которые функционируют на основании Федерального закона от 22.07.2024 № 211-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд» [16];

9) граждане, включая «самозанятых» [17], осуществляющих соответствующую деятельность на подворьях и приусадебных хозяйствах.

Растениеводческие хозяйства нуждаются в использовании термина «растениеводческое предприятие», под которым следует понимать имущественный комплекс независимо от формы собственности, применяемый для закладки, выращивания, использования и сбора сельскохозяйственных растений, выращивания посадочного материала, переработки и хранения

продукции растениеводства, включающий в себя в том числе земли, используемые в растениеводстве, сельскохозяйственные растения, машины, оборудование и инвентарь, применяемые для закладки и эксплуатации растений, переработки и хранения продукции растениеводства, здания и сооружения, предназначенные для размещения машин и оборудования, здания и сооружения, выступающие в качестве места пребывания (или содержащие помещения, являющиеся местом пребывания) физических лиц, осуществляющих деятельность на основании трудовых договоров и (или) договоров гражданско-правового характера, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги. При этом для отдельных видов растениеводства перед термином «предприятие» целесообразно использовать наименования, обозначающие соответствующие направления растениеводства (садовое предприятие; овощное предприятие, луговое предприятие и т.п.).

В сельском хозяйстве опираются на аграрные закономерности (т.н. законы) земледелия [18, с. 84–88], к которым относятся «закон равнозначности и незаменимости факторов жизни растений»; «закон минимума» — при оптимальности прочих условий, уровень урожая определяется тем фактором, который находится в минимуме; «закон минимума, оптимума и максимума», — наибольший урожай осуществим при оптимальном наличии факторов. При минимальном и максимальном наличии фактора урожай невозможен; «закон совокупного действия факторов жизни растений» — для получения высоких урожаев сельскохозяйственных растений необходимо одновременное наличие всех факторов жизни в оптимальном соотношении; «закон возврата» — для сохранения плодородия почвы следует возвращать все вещества, которые взяты из почвы с урожаем с определенной степенью превышения; «закон убывающего плодородия почвы» — согласно этому закону каждая последующая прибавка урожая достигается с большими затратами, чем предыдущая; «закон плодосмена» — более высокие урожаи получают при чередовании культур.

Законы земледелия могут учитываться в процессе правового регулирования в области растениеводства: в частности, согласно п. 12 Земельного кодекса Российской Федерации «целями охраны земель являются предотвращение и ликвидация загрязнения, истощения, деградации, порчи, уничтожения земель и почв и иного негативного воздействия на земли и почвы, а также обеспечение рационального использования земель, в том числе для восстановления плодородия почв на землях сельскохозяйственного назначения и улучшения земель. Другой пример: п. 9.4 Кодекса Московской области об административных правонарушениях [19] устанавливает ответственность за «невыполнение плана мероприятий по восстановлению и повышению плодородия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения» и т.д.

Рассмотрим степень правового участия субъектов растениеводства и государства для каждого из указанных факторов (условий).

Природно-климатические условия регулировать искусственно в своей основе не представляется возможным. В сельскохозяйственных науках их также именуют космические факторы жизни, к которым относятся свет и тепло [18, с. 81]. Соответственно, под определенную местность подбираются только те сельскохозяйственные растения, которые могут в ней произрастать и дать необходимый урожай. Вместе с тем существуют отдельные приемы, позволяющие решать вопрос в отношении т.н. земных факторов жизни (вода, воздух, питательные вещества). В частности, недостатка влаги: например, в степной части Заволжья используются приемы снегозадержания; практически повсеместно (в зависимости от вида сельскохозяйственной культуры) осуществляется орошение растений — проведение поливных мероприятий, способствующих решению проблем недостатка или отсутствия воды.

Но существуют и кардинальные меры, влияющие на температурно-влажностный режим, в том числе космические факторы (свет и тепло) — создание *тепличных хозяйств*, ведь теплица (парник) позволяет существенно удлинять оптимальные температурные условия, необходимые для тех или иных культурных растений, а в также создавать круглогодичные условия их выращивания, если речь идет о «капитальных» теплицах промышленных тепличных хозяйств. Очевидно, что решить вопрос подобным образом возможно только для выращивания такой продукции, которая требует относительно небольших площадей, прежде всего, для выращивания овощей, а также для функционирования домашних хозяйств. На строительство тепличного хозяйства (для капитальных строений) распространяет действия Градостроительный кодекс Российской Федерации [20]. При этом следует учесть, что по общему правилу в большинстве сельскохозяйственных земель имеют *вид разрешенного использования (ВРИ)* «для создания сельскохозяйственной продукции», что подразумевает возведение различных вспомогательных построек, включая теплицы и парники.

Вместе с тем, если земельный участок находится в территориальной зоне «сельскохозяйственные угодья», то размещать теплицы (в отличие от парников) на таком участке нельзя, ее как минимум необходимо изменить на ВРИ «сельскохозяйственное производство». Нельзя строить теплицы и на землях с ВРИ «для животноводства», которые используются под пастбища, сенокос или выгула скота. Те же запреты распространяются на земли, выделенные под организацию пасек и иных форм хозяйствования, не связанных с выращиванием культурных растений. Если земля имеет ВРИ «под огородное или садовое строительство», то исходя из смысла Федерального закона «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд» возведение теплиц как капитального строения допустимо только для садовых участков, в отличие от огородных участков некоммерческих товариществ. На последних запрещено возведение недвижимости, соответственно можно использовать теплицы только в форме сезонных сооружений (парников).

Второй важнейший природный компонент растениеводства — *почвы*, которые для сельского хозяйства являются средством производства. С позиции законодательства почвам уделяется значительное место: базовым выступает Федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» (далее: Закон о плодородии), согласно ст. 1 которого под «плодородием земель сельскохозяйственного назначения» понимается «способность почвы удовлетворять потребность сельскохозяйственных культурных растений в питательных веществах, воздухе, воде, тепле, биологической и физико-химической среде и обеспечивать урожай сельскохозяйственных культурных растений».

Мероприятия по подготовке почвы к использованию в целях выращивания культурных растений условно следует разделить на два основных этапа: во-первых, этап *общей подготовки и окультуривания почвы*; во-вторых, *почвенные мероприятия, используемые применительно к планируемым севооборотам* (конкретным сельскохозяйственным культурам). Важно отметить, что в соответствии со ст. 3.1 Закона о плодородии мероприятия в области обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения являются расходным полномочием субъектов Российской Федерации, а наиболее важные вопросы относятся к компетенции Российской Федерации. Соответствующие мероприятия планируются и осуществляются на основании государственных программ. В связи с тем, что основное звено правового регулирования данных отношений передано на региональный уровень, ряд субъектов Российской Федерации приняли свои законы в данной области: в частности, соответствующие Закон Краснодарского края «Об обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения на территории Краснодарского края» [21], Закон Ставропольского края «Об обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения в Ставропольском крае» [22] и т.п. Первостепенное значение для подготовки почв имеет *государственная регистрация земель сельскохозяйственного назначения* и сельскохозяйственного использования, осуществляемая Росреестром (Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии [23]), которая закрепляет за сельскохозяйственными участками владельцев прав, непосредственно их использующих под выращивание сельскохозяйственной продукции.

Под «плодородием земель сельскохозяйственного назначения» (почв) согласно ст. 1 Федерального закона «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» понимается «способность почвы удовлетворять потребность сельскохозяйственных культурных растений в питательных веществах, воздухе, воде, тепле, биологической и физико-химической среде и обеспечивать урожай сельскохозяйственных культурных растений». Собственно, плодородие, как отмечается в сельскохозяйственных науках [18, с. 46–47], может быть: (1) естественным плодородием — им обладает почва в природном состоянии

без вмешательства человека и образуется в результате природных процессов. Это, прежде всего, целинные земли, ранее под пашни не используемые. К ним же в своей основе относятся пастбища и сенокосы; (2) естественно-антропогенным плодородием — образуется в процессе обработки почвы, внесения удобрений, возделывания культурных растений, что позволяет почвам приобретать необходимые свойства для выращивания определенных культурных растений; (3) искусственным плодородием — формируется самостоятельно и полностью: например, в теплицах, оранжереях, парниках и т.п., — все три вида почв подлежат правовой охране в соответствии с Федеральным законом «Об охране окружающей среды» [24].

Непосредственно контроль за поддержанием плодородия почв, земельных отношений в части, касающейся земель сельскохозяйственного назначения, осуществляют территориальные органы Россельхознадзора (Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору) [25]. Необходимо также отметить, что все сельскохозяйственные поля подлежат периодическому обследованию не реже, чем один раз в пять лет. Данная работа осуществляется на региональном уровне: например, в Московском регионе этим занимается Московский центр агрохимической службы (ФГБУ ГЦАС «Московский») [26]; в Ставропольском крае — Ставропольский центр агрохимической службы (ФГБУ ГЦАС «Ставропольский») [27]. После обследования на каждое поле вносятся данные в *паспорта полей*, ведение которых регулируется Приказом Министра сельского хозяйства Российской Федерации [28]. Исследование почв служит основанием для *бонитировки* — оценки качественного состояния почв по их плодородию, основной целью которой является учет и группировка почв по природным свойствам, плодородию, оценка их продуктивности для возделывания различных культур, совершенствования сельскохозяйственных культур, специализации. Бонитировка имеет значение с позиции охранного законодательства: в регионе нормативно могут устанавливаться баллы почвы, которые не позволяют ее использовать по иному назначению, кроме сельскохозяйственного.

Важную роль в формировании режима почв и условий для выращивания растений играет мелиорация, мероприятия которой регулируются Федеральным законом «О мелиорации земель» [29] (далее — Закон о мелиорации земель), прежде всего «сельскохозяйственная мелиорация», под которой понимается «система организационно-хозяйственных и технических мероприятий, направленных на коренное улучшение неблагоприятных природных условий с целью наиболее эффективного использования земельных ресурсов в соответствии с потребностями сельского хозяйства». Статья 5 Закона о мелиорации земель различает такие виды мелиорации, как гидро-, агролесо-, культуртехническая и химическая мелиорация, — каждая из них имеет свое место в улучшении почв для растениеводства. Вместе с тем в *гидромелиорации* на первом месте стоит орошение почв (искусственная подача воды на поля), наиболее распространенная мелиорация, поскольку

около 80% всей пашни России расположены в зонах недостаточного или неустойчивого увлажнения. Не менее важна *химическая мелиорация* земель, которая заключается в проведении комплекса мелиоративных мероприятий по улучшению химических и физических свойств почв. При этом химическая мелиорация земель включает в себя известкование почв, фосфоритование почв и гипсование почв (ст. 9 Закона о мелиорации земель).

Мелиорация земель проводится на основе проектов, разработанных в соответствии с технико-экономическими обоснованиями и учитывающих строительные, экологические, санитарные и иные нормы и правила. При этом Порядок разработки, согласования и утверждения проектов мелиорации земель устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере агропромышленного комплекса, включая мелиорацию (ст. 25 Закона о мелиорации земель). Лица, владеющие мелиоративными системами, в соответствии со ст. 29 Закона о мелиорации земель обязаны содержать мелиоративные системы в исправном (надлежащем) состоянии и принимать меры по предупреждению их повреждения.

Важнейшими частями системы земледелия выступают: система севооборота (выбора сельскохозяйственных культур), система обработки почвы; система удобрения; борьба с сорными растениями (сорняками); борьба с вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур; семеноводство; система мероприятий по охране почв от вредного действия воды и ветра. Последняя проводится в рамках мероприятий по мелиорации, о которых указывалось выше. Первостепенным в растениеводстве является выбор сельскохозяйственных культур (системы севооборота), размещение и специализация которых связаны как с административно-территориальным делением страны, так и с потребностями рынка. Регионы России характеризуются основными специализациями растениеводства: в частности, Северо-Западный регион — зерновая, кормовая, льняная, картофельная специализации; Центральный регион — зерновая, льняная, картофельная [30] и т.д.

После выбора субъектами сельского хозяйства сельскохозяйственных культур большое значение придается выбору системы земледелия (в широком понимании), под которой в сельскохозяйственных науках понимают «комплекс взаимосвязанных агротехнических мероприятий, направленный на эффективное использование земли, сохранение и повышение плодородия почвы, получение высоких и устойчивых урожаев с/х культур». С позиции правового регулирования к системе обработки почв применимы только отмеченные ранее нормы о рациональном использовании земель. В соответствии с пп. 3 п. 2 ст. 13 Земельного кодекса РФ владельцы сельскохозяйственных угодий должны проводить мероприятия по их защите от зарастания деревьями, кустарниками и сорными растениями. Невыполнение указанных мероприятий согласно ч. 2 ст. 8.7 КоАП РФ влечет административную ответственность в виде штрафа.

Субъекты сельского хозяйства в соответствии со ст. 42 Земельного кодекса обязаны использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами. Поэтому основной механизм борьбы с сорняками законодатель избрал через «Признаки неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению», согласно которым таковыми являются:

– наличие на 50 и более процентах площади земельного участка зарастания сорными растениями (по приведенному в приложении к постановлению перечню) и (или) древесно-кустарниковой растительностью (за исключением поле- и лесозащитных насаждений, плодовых и ягодных насаждений), и (или) наличие дерна, характеризующегося переплетением корней, побегов, корневищ многолетних сорных растений, глубина которого достигает 15 и более сантиметров (за исключением наличия дерна на земельных участках, предназначенных и используемых для выпаса сельскохозяйственных животных), и (или) распространение деградации земель;

– наличие таких же признаков на 20 и более процентах площади земельного участка, отнесенного в установленном порядке к особо ценным продуктивным сельскохозяйственным угодьям.

При этом признаки, приведенные в настоящем пункте, считаются признаками неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению, если одновременно с ними отсутствует ведение сельскохозяйственной деятельности на оставшейся площади земельного участка либо ведение такой деятельности менее чем на 25 процентах площади земельного участка.

Соответственно, зарастание сельскохозяйственного земельного участка сорной растительностью может повлечь административную ответственность по ч. 1–3 ст. 8.8 КоАП РФ «Использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению», если имеет место неиспользование сельскохозяйственного земельного участка для ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности. Более строгая ответственность предусмотрена за зарастание земель карантинными сорными растениями: данные отношения регулирует Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ «О карантине растений» [31] — невыполнение мероприятий Закона влечет ответственность по ст. 10.1 КоАП РФ «Нарушение правил борьбы с карантинными, особо опасными и опасными вредителями растений, возбудителями болезней растений, растениями-сорняками».

Указанные выше сельскохозяйственные мероприятия позволяют установить систему права и обязанностей растениеводческих хозяйств. Так, за растениеводческими хозяйствами целесообразно закрепить следующие права: (1) на выбор системы земледелия, а для промышленного растениеводства — на выбор современной системы земледелия; (2) на выбор

сельскохозяйственных растений в соответствии с потребностями растениеводческого хозяйства и (или) потребностями рынка; (3) на выбор системы севооборота исходя из рекомендаций специалистов и ученых в области сельскохозяйственных наук; (4) на выбор системы органических и минеральных удобрений в целях поддержания и улучшения плодородия почв, а также получения необходимого урожая сельскохозяйственных культур, увеличения его объема и улучшения качества; (5) на проведение мероприятий по борьбе с сорными и карантинными растениями, вредителями и болезнями сельскохозяйственных культур, в том числе с использованием агрохимикатов и пестицидов; (6) на проведение мероприятий по охране почв от вредного действия воды и ветра; (7) по привлечению специализированных служб, а также иных юридических лиц и граждан с их согласия для борьбы с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений, для тушения пожаров, ликвидации иных чрезвычайных ситуаций и их последствий; (8) на государственную поддержку в области растениеводства.

Соответственно, за растениеводческими хозяйствами целесообразно закрепить такие обязанности: (1) соблюдать требования законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды и об охране и использовании сельскохозяйственных растений и иных объектов растениеводства; (2) осуществлять охрану сельскохозяйственных растений и иного растительного мира от пожаров, загрязнения и иного вредного воздействия, а также обеспечивать их карантин и защиту; (3) охранять среду произрастания сельскохозяйственных растений и иных объектов растительного мира, в том числе проводить противопожарное и санитарное благоустройство территорий, включая оборудование мест (площадок) или специальных объектов для сбора и хранения отходов; (4) в промышленном растениеводстве использовать передовые (современные) системы земледелия; (5) при необходимости осуществлять мелиорацию земель, используемых для выращивания и использования сельскохозяйственных растений; (6) поддерживать плодородный слой используемых земель в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и рекомендациями специалистов и ученых в области сельскохозяйственных наук; (7) применять удобрения, агрохимикаты и пестициды в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и рекомендациями специалистов и ученых в области сельскохозяйственных наук; (8) бороться с сорными растениями и засорителями и не допускать их распространения в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и рекомендациями специалистов и ученых в области сельскохозяйственных наук.

Следовательно, права и обязанности субъектов растениеводства рекомендуются к закреплению на уровне законодательства, например, путем разработки специального Закона о сельскохозяйственном растениеводстве, в который целесообразно включить также положения о растениеводческих

хозяйствах и растениеводческих предприятиях, о государственной поддержке отрасли и некоторые другие вопросы.

Само же законодательство о растениеводстве предполагает «несколько слоев» нормативных актов: во-первых, общее законодательство о сельском хозяйстве, регулирующее сельскохозяйственные отношения в целом, включая наиболее общие положения о растениеводстве; во-вторых, специальное законодательство о растениеводстве — «слои» данного законодательства направлены на регулирование общих вопросов о растениеводстве; в-третьих, специальное законодательство об отдельных отраслях растениеводства. В то же время на региональном уровне могут регулироваться специфичные отрасли растениеводства, характерные для субъекта Российской Федерации, а также иные вопросы, поскольку основное звено государственного регулирования сельским хозяйством осуществляется на этом уровне. Вместе с тем региональный массив законодательства должен опираться на федеральное законодательство в области сельского хозяйства, в данном направлении и предполагается развивать законодательство о растениеводстве.

Список использованных источников:

1. Доктрина продовольственной безопасности, утв. Указом Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // СЗРФ. — 2020. — № 4. — Ст. 345.
2. Козырь, М.И. Аграрное право России: состояние, проблемы и тенденции развития / М.И. Козырь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2008. — 336 с.
3. Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // СЗРФ. — 2007. — № 1 (1 ч.). — Ст. 27; 2024. — № 33 (Часть II). — Ст. 5016.
4. Федеральный закон от 27.12.2019 № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации» // СЗРФ. — 2019. — № 52 (Часть I). — Ст. 7786; 2023. — № 25. — Ст. 4435.
5. Федеральный закон от 30.12.2021 № 454-ФЗ «О семеноводстве» // СЗРФ. — 2022. — № 1 (Часть I). — Ст. 23; 2024. — № 33 (Часть I). — Ст. 4928.
6. Закон РФ от 14.05.1993 № 4973-1 «О зерне» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 03.06.1993. — N 22. — Ст. 799; СЗРФ. — 2023. — № 32 (Часть II). — Ст. 6217.
7. Федеральный закон от 10.01.1996 № 4-ФЗ «О мелиорации земель» // СЗРФ. — 1996. — № 3. — Ст. 142; 2023. — № 25. — Ст. 4433.
8. Федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // СЗРФ. — 1998. — № 29. — Ст. 3399; 2023. — № 25. — Ст. 4433.
9. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // СЗРФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147; 2024. — № 31. — Ст. 4454.
10. Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗРФ. — 2003. — № 24. — Ст. 2249; 2024. — № 26. — Ст. 3562.
11. Федеральный закон от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // СЗРФ. — 1995. — № 50. — Ст. 4870; 2023. — № 32 (Часть I). — Ст. 6174.
12. Закон РФ от 19.06.1992 № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1992. — № 30. — Ст. 1788; Российская газета. — № 182. — 16.08.2024.

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗРФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
14. Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗРФ. — 2000. — № 14. — Ст. 1493; 2021. — № 52 (Часть I). — Ст. 9185.
15. Федеральный закон от 07.07.2003 № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» // 2003. — № 28. — Ст. 2881; 2023. — № 32 (Часть I). — Ст. 6186.
16. Федеральный закон от 22.07.2024 № 211-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗРФ. — 2017. — № 31 (Часть I). — Ст. 4766; 2024. — № 31. — Ст. 4471.
17. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗРФ. — 2016. — № 24. — Ст. 3549.
18. Курбанов, С.А. Земледелие: учеб. пособие для СПО / С.А. Курбанов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство «Юрайт», 2019. — 252 с.
19. Закон Московской области от 04.05.2016 № 37/2016-ОЗ «Кодекс Московской области об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс», 2021.
20. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗРФ. — 2005. — № 1 (Часть I). — Ст. 16; 2021. — № 1 (Часть I). — Ст. 7.
21. Закон Краснодарского края от 7 июня 2004 года № 725-КЗ «Об обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения на территории Краснодарского края» // СПС «КонсультантПлюс», 2025.
22. Закон Ставропольского края от 15 мая 2006 года № 31-КЗ «Об обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения в Ставропольском крае» // СПС «КонсультантПлюс», 2025.
23. Положение о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии, утв. постановлением Правительства РФ от 01.06.2009 № 457 // СЗРФ. — 2009. — № 25. — Ст. 3052; 2021. — № 1 (Часть II). — Ст. 152.
24. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗРФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133; Российская газета. — № 152–153. — 09.07.2021.
25. Типовое положение о территориальном органе Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору, утв. Приказом Минсельхоза России от 04.10.2012 № 527 // СПС «КонсультантПлюс», 2025.
26. Официальный сайт Агрохимцентра «Московский». — URL: <http://mosagrohim.ru/ob-organizatsii> (дата обращения: 09.01.2026).
27. Официальный сайт Агрохимцентра «Ставропольский»: сохранение плодородия земель — наша главная задача (stavagroland.ru). — URL: <https://www.stavagroland.ru> (дата обращения: 09.01.2026).
28. Типовые нормы выработки и расценки на работы, выполняемые проектно-изыскательскими центрами и станциями агрохимической службы, утв. Минсельхозпродом РФ // СПС «КонсультантПлюс», 2025.
29. Федеральный закон от 10.01.1996 № 4-ФЗ «О мелиорации земель» // СЗРФ. — 1996. — № 3. — Ст. 142; 2020. — № 50 (Часть III). — Ст. 8074.
30. Хашагульгов, У.А. Лекции по растениеводству / У.А. Хашагульгов. — Магас: Ингушский гос. университет, 2021. — С. 11–12.
31. Федеральный закон от 21.07.2014 № 206-ФЗ «О карантине растений» // СЗРФ. — 2014. — № 30 (Часть I). — Ст. 4207; 2021. — № 24 (Часть I). — Ст. 4188.

КОНКЛЮДЕНТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В МАРКЕТИНГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

О.Г. Кирсанова

В процессе маркетинговой деятельности, направленной на укрепление рыночных позиций и обеспечение продаж продукции хозяйствующего субъекта, происходит формирование отношений между различными участниками рынка, которые в процессе цифровой трансформации претерпели некоторые изменения, связанные с их правовым регулированием. Отношения, возникающие между субъектами маркетинговой деятельности, далеко не всегда оформляются в устной или письменной форме (ч. 1 ст. 158 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)).

Правовые конструкции маркетинговых отношений достаточно гибкие и выходят за рамки традиционного оформления, основываясь в ряде случаев на волеизъявлении сторон к совершению сделки, что не противоречит ч. 2 ст. 158 ГК РФ. Возникновение отношений в маркетинговой деятельности может произойти посредством намерения субъекта стать их участником, которое проявляется не в виде прямого согласия, данного в устной или письменной форме, а при помощи действий, поступков или молчания (ч. 3 ст. 158 ГК РФ).

Такие сделки получают название «конклюдентные» и признаются судами действительными при соблюдении границ их применения, установленных гражданским законодательством.

Вместе с тем конклюдентные сделки как самостоятельная форма сделок, несмотря на широкое применение, в гражданском законодательстве в настоящее время не выделены, что приводит к сложностям доказывания намерения сторон к их реализации и выработки эффективных форм защиты интересов участников.

Цифровая трансформация общества затронула все сферы деятельности, в т.ч. отношения, возникающие при заключении и исполнении сделок [1, с. 1060], регулирование которых вследствие влияния цифровизации представляет собой на данном этапе малоизученную область гражданско-правовых отношений, требующую обеспечения правовой определенности [2, с. 172] и устранения имеющихся пробелов в законодательстве, создающих трудности для субъектов маркетинговой деятельности при необходимости защиты нарушенных прав в результате недобросовестных действий партнеров, в т.ч. заключивших сделку в конклюдентной форме.

Современные цифровые технологии способствуют расширению географии заключения сделок, сокращают время на переговорный процесс, позволяют в дистанционной форме доводить волеизъявление до другой стороны, что порождает принципиально новые формы взаимодействия

субъектов в процессе маркетинговой деятельности на стадии заключения соглашения (сделки), в т.ч. в конклюдентной форме, и требует соответствующего правового регулирования, определяет актуальность выработки эффективных механизмов защиты их прав и интересов.

Целью данного исследования является изучение особенностей правового регулирования сделок, заключаемых посредством конклюдентных действий в условиях цифровой трансформации общества. Для этого были изучены научные труды авторов по выбранной теме, материалы правоприменительной практики, нормативные акты, регулирующие порядок заключения сделок при помощи конклюдентных действий. Использованы общенаучные (исторический и функциональный) и частнонаучные (сравнительно-правовой, анализ, индукция) методы, что позволило обобщить результаты и сформулировать основные выводы по теме исследования.

Конклюдентные действия, несмотря на отсутствие прямого закрепления данной дефиниции в гражданском законодательстве, выступают в качестве одной из форм заключения сделки в процессе маркетинговой деятельности. Такая возможность предоставлена сторонам ч. 2 ст. 158 ГК РФ, согласно которой «сделка, которая может быть совершена устно, считается совершенной и в том случае, когда из поведения лица явствует его воля совершить сделку», т.е. в данном случае одна из сторон выражает свою волю косвенным образом, совершая подтверждающее действие (например, принимает товар от поставщика без заключения договора, вносит оплату за очередной период без продления договора аренды т.п.), что влечет за собой правовые последствия для всех сторон сделки.

Право на заключение и реализацию сделки при помощи конклюдентных действий подтверждено Верховным Судом Российской Федерации (ВС РФ), в определении которого от 06.02.2025 № 310-ЭС24-20342 № А14-22953/2022 указано, что «...совершение конклюдентных действий является юридическим фактом, по своим последствиям равнозначным письменному волеизъявлению — согласию заключить, изменить или расторгнуть договор при определенных условиях. Действия состоят в полном или частичном выполнении условий, которые предложил контрагент. При этом заключение договора посредством совершения конклюдентных действий также может признаваться соблюдением письменной формы, что прямо указано в п. 3 ст. 434 ГК РФ» [3].

В переводе с латыни слово «concludere» означает «заключать, делать выводы» [4, с. 62], это определяет саму суть поведения стороны сделки, которая своими действиями выражает согласие на выполнение определенных операций или обязательств. Однако правовая опасность в правовом регулировании сделок, заключаемых на основе конклюдентных действий, может состоять как раз в неоднозначном толковании волеизъявления одной стороны ее потенциальным партнером, что можно увидеть при анализе материалов судебной практики.

Особенностью таких сделок является их «безмолвное» заключение, т.е. на основе поведения одной из сторон, из которого можно сделать вывод о ее воле, изъявляющей желание вступить в правоотношения, связанные с конкретной хозяйственной операцией, или исполнить свои обязательства без необходимости заключения договора в письменной или устной форме [5; 6].

Особенность сделок, заключаемых при помощи конклюдентных действий, проявляется в том, что они освобождают стороны от формальных процедур (например, подписание договора) и служат своего рода «языком поступков», когда стороны не заявляют прямо друг другу о своем согласии в письменной или устной форме, а подтверждают их своим поведением.

В современных условиях выстраивания отношений между субъектами маркетинговой деятельности конклюдентные действия выступают не в роли абстрактной правовой конструкции, а представляют собой реальный инструмент, которому закон придает юридическую силу, приравнивая к слову или подписи на договоре [7]. Исключения будут составлять случаи, когда законодателем установлены особые требования к форме заключения сделки (например, ее нотариальное удостоверение).

Конклюдентные действия, влекущие за собой заключение сделки между сторонами маркетинговой деятельности, встречаются часто и затрагивают большую часть отношений, начиная от банковских переводов и заканчивая отгрузкой товаров, согласованием брендбука, сценария рекламного ролика и т.п. В данном случае стороны, не заключая договор, ведут себя так, как будто между ними существуют договорные обязательства, либо при наличии письменного или устного соглашения, обоюдно отступают от его условий, как будто такого договора не существует. Вследствие этого в судебной практике появляется понятие *фактически сложившиеся договорные отношения*, к которым должны применяться правила, регулирующие соответствующий тип договора (п. 35 Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности» [8]).

Для признания отношений между сторонами, возникающих в процессе маркетинговой деятельности на основе конклюдентных действий, «фактически сложившимися договорными» они должны иметь ряд признаков, определяющих границы их применения:

- такие действия нельзя трактовать по своему усмотрению или свободно (что является одной из проблем регулирования конклюдентных сделок), иначе будет потеряна их правовая определенность;
- характер сделки должен допускать возможность ее заключения на основе конклюдентных действий, т.е. если направляемая оферта содержит прямое указание на необходимость письменного акцепта, то никакие действия не смогут заменить подпись. В противном случае сделка будет признана ничтожной;

– конклюдентные действия должны быть совершены в пределах срока, как правило, устанавливаемого для принятия оферты (по общему правилу — если в оферте не установлен срок для ее акцептования, то конклюдентные действия могут быть совершены в пределах нормально необходимого для этого времени (ст. 441 ГК РФ), что на практике приводит к спорам, вызванным разногласиями сторон в отношении критерия «нормально необходимое время»).

В рассмотрении споров, возникающих в отношении сделок, совершенных на основе конклюдентных действий, суды, как правило, вынуждены определять, была ли действительно воля сторон, в результате которой возникают фактически сложившиеся договорные отношения [8]:

– например, в рассмотрении спора по кредитному договору суд обратил внимание на то, что заемщик регулярно вносил платежи для погашения задолженности, в то время как ответчик утверждал, что он не заключал договор кредитования (Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 24.01.2020 по делу № 33-2949/2020). Факт внесения платежей был расценен как молчаливое согласие с условиями договора и стал доказательством того, что договор между сторонами был заключен;

– в процессе рассмотрения спора между заемщиком и банком суд признал конклюдентными действия банка, который на основе запроса заемщика на получение кредита (оферты) открыл ему кредитный счет, выпустил карту и перечислил на нее деньги без фактического заключения договора (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2019 по делу № 8Г-2072/2019);

– при рассмотрении спора, касающегося поставки продукции, суд признал конклюдентными действиями факт оплаты покупателем счета, выставленного поставщиком, при отсутствии формально заключенного договора. Оплата счета была расценена судом как акцепт направленной покупателю оферты (постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20.02.2019 № 10АП-897/19);

– при рассмотрении спора о цене товара, стороны которого не заключили дополнительное соглашение о цене, суд признал конклюдентными действия покупателя, который принял поставленную ему продукцию и оплатил ее на основании выставленного счета, что было расценено как согласие с условиями, предложенными поставщиком (постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.07.2020 № Ф04-1171/20 по делу № А03-10794/2019).

Таким образом, отличительными чертами сделок, которые заключаются на основе конклюдентных действий, можно считать следующие:

– отсутствие прямого волеизъявления сторон (в устной или письменной форме);

- наличие фактических действий, подтверждающих желание одной из сторон или всех участников сделки принять на себя обязательства по ее совершению;
- добровольный и осознанный характер действий сторон;
- направленность действий сторон на возникновение, совершение или прекращение обязательств по сделке.

Влияние цифровизации на характер взаимоотношений между субъектами маркетинговой деятельности отражается на осуществлении конклюдентных действий, приводящих к заключению сделок в дистанционном формате, когда стороны могут фактически никогда не встречаться друг с другом, находясь в разных уголках земного шара.

С одной стороны, цифровизация позволяет расширять границы торговых операций, взаимодействовать с различными партнерами в рамках рекламных кампаний, политики продвижения и т.п., однако отсутствие закрепленных в нормах национального и международного права конструкций правоотношений, возникающих на основе конклюдентных действий в цифровом пространстве, создает сложности для защиты прав и интересов их субъектов.

Дистанционное (в цифровом формате) соглашение сторон возможно на основе встречных конклюдентных действий, когда имеют место отношения, породившие взаимные обязательства [9, с. 433]. Однако следует помнить, что в случае возникновения разногласий дистанционный договор, заключенный на основе встречных конклюдентных действий, имеет больше рисков и трудностей в процессе доказывания правоты позиций сторон, что особенно проявляется при рассмотрении споров, касающихся международных сделок. В таких ситуациях заключение дистанционного договора на основе встречных конклюдентных действий может быть доказано подтверждающими документами (товарно-транспортные накладные, инвойсы, таможенные декларации, претензии сторон и ответы на них, переписка по электронной почте или в мессенджерах и т.п.).

Нарушение условий дистанционного договора, связанного с поставкой продукции, предполагающей специфические условия перемещения и хранения (например, хрупкое стекло, бытовая техника и т.п.), может быть подтверждено наличием знаков маркировки на упаковке, которые имеют универсальный характер и понятны всем участникам цепи товародвижения, вне зависимости от того, на каком языке они разговаривают. Начало погрузочно-разгрузочных работ в данном случае будет квалифицировано как конклюдентные действия одной из сторон, выражающие принятие обязательств по доставке и хранению товара.

Современное российское законодательство пытается учесть изменения, связанные с заключением дистанционных договоров между сторонами сделки, в т.ч. посредством конклюдентных действий.

Еще в 2019 г. ГК РФ был дополнен нормами, допускающими возможность заключения дистанционного договора посредством обмена

электронными сообщениями, заключения одного электронного документа, о чем сказано в Федеральном законе от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Однако сами дистанционные сделки по-прежнему не выделены в качестве самостоятельной правовой категории, что не отражает современные практические потребности гражданского оборота [1, с. 1060].

Правовые пробелы сохраняются в отношении регулирования электронных сделок, заключаемых на основе конклюдентных действий. Например, допуская возможность заключения сделки посредством переписки по электронной почте, законодатель, тем не менее, так и не закрепил само понятие «электронная почта», что приводит к отсутствию ключевых аспектов, позволяющих регулировать рассмотрение споров и защищать интересы сторон.

Так, решением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 03.06.2019 по делу № А56-117763/2018 истцу было отказано в удовлетворении его требований о взыскании задолженности по договору поставки в силу отсутствия письменного договора, заключенного сторонами (его оригинального текста). Суд счел недостаточным доказательством сделки наличие переписки между истцом и ответчиком, посчитав, что последняя не может служить доказательством, поскольку адрес электронной почты не был указан в соглашении сторон, а следовательно, определить ее принадлежность одной из них не представляется возможным.

Несмотря на отсутствие специального законодательного регулирования, к сделкам, заключенным дистанционным способом на основе конклюдентных действий, могут быть отнесены все сделки, в которых стороны вместо прямого присутствия на переговорах взаимодействуют при помощи средств связи: смс-сообщения, электронная почта, мессенджеры, социальные сети и т.п.

Переписка участников сделки в социальных сетях или мессенджерах может быть признана доказательством заключения договора между ними, даже если стандартный письменный договор отсутствует. Анализ судебной практики зарубежных стран позволяет сделать вывод, что в целом подобная переписка признается допустимыми доказательствами, однако не является безусловным положением [10].

Переписка в социальных сетях, мессенджерах или по электронной почте может быть признана конклюдентным действием, подтверждающим намерение сторон осуществить или прекратить сделку, если в ней будут четко согласованы существенные условия сделки, представлены письменные отчеты о проделанной работе (например, отчет о маркетинговом исследовании или отчет торгового агента) и т.п.

В условиях правовых пробелов в этой области регулирования судам или законодателю целесообразно дать четкие ориентиры субъектам хозяйственной деятельности в отношении возможности или недопустимости

использования средств дистанционного общения без электронной подписи применительно к сделкам, совершаемым в устной или письменной форме, дать разъяснения, что может быть признано в качестве конклюдентных действий, подтверждающих факт совершения сделки.

Достаточно часто в процессе деловой переписки в целях экономии времени стороны используют эмодзи, которые могут быть истолкованы как изъявление желания совершить сделку и заключить соглашение, т.е. восприниматься как конклюдентное действие.

К настоящему времени сложилась положительная практика, в которой эмодзи и материалы переписки суды принимают как факт изъявления воли стороны заключить соглашение о сделке, т.е. квалифицируют как акцепт устной оферты. Взаимодействие сторон рассматривается судами при отсутствии четко зафиксированных правовых норм как обычай делового оборота (ст. 5 ГК РФ), который может быть применен, если он не вступает в противоречие с природой сделки или заключенным сторонами договором.

В марте 2022 г. в г. Ростове-на-Дону вместо заключения дополнительного соглашения заказчик и исполнитель обсудили цвет товара в мессенджере. На предложение исполнителя заказчик отправил эмодзи «👍», которое суд первой инстанции и Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд сочли равносильными подписи под дополнительным соглашением, достаточным для закрепления договоренностей [11].

Аналогичное решение было принято в 2021 г. судом канадской провинции Саскачеван. Оптовый покупатель обговорил по телефону с поставщиком условия поставки партии льна и переслал ему фотографию контракта на поставку, попросил подтвердить контракт. В ответ поставщик поставил эмодзи «👍». Не получив товар в установленный срок, покупатель обратился в суд. Позиция ответчика основывалась на том, что эмодзи было поставлено только в качестве подтверждения получения контракта, в то время как истец настаивал на том, что эмодзи было воспринято им как согласие на осуществление сделки. Суд занял позицию истца, отметив, что несмотря на нестандартность, эмодзи может быть истолковано как подписание документа и является «законным способом выражения тех целей, которые имеет обычная подпись» [11].

В 2019 г. Арбитражный суд Тамбовской области отклонил довод ответчика, что фразу в переписке по электронной почте «Принято. В течение нескольких дней платите (как в договоре)» нельзя рассматривать в качестве согласия, и счел оферту акцептованной подобным образом (Решение Арбитражного суда Тамбовской области от 17.02.2020 по делу № А64-7909/2019).

Конклюдентными действиями, доказывающими заключение сделки, суды могут признать переписку в мессенджерах:

– при рассмотрении спора, касающегося нарушения условий договора по организации анимированного праздника для детей сотрудников организации, суд признал конклюдентными действиями договор,

заключенный в упрощенном порядке посредством переписки в мессенджере, в которой были согласованы все существенные условия: предмет, цена и сроки проведения мероприятия (Решение Перовского районного суда города Москвы от 26.07.2024 по делу № 2-4004/2024);

– при рассмотрении спора суды признали конклюдентными действиями и доказательствами по делу оплату счета, направленного стороне сделки в виде сообщения в мессенджере (постановления Арбитражного суда Московского округа от 23.09.2024 № Ф05-20162/2024 по делу № А40-285692/2023, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29.10.2025 № Ф03-3341/2025 по делу № А24-5745/2024).

Как видим, формируется положительная практика, которая признает конклюдентными действиями переписку в уже ставших привычными каналах взаимодействия — мессенджерах, социальных сетях и т.п. Вместе с тем следует учитывать, что не всякая переписка может признаваться судами доказательством сделки. Если сообщения между партнерами не содержат указание на существенные условия сделки (например, порядок и сроки оплаты, цена, объем работ, подтверждение информации при помощи утвердительного сообщения (эмодзи) и т.п.), а представляют размытые формулировки или личное общение, суд может отказать в признании договора.

Если договор, заключенный между сторонами, определяет конкретный способ коммуникации, например, обмен документами только в бумажной форме, то переписка в мессенджере или иной цифровой платформе может быть признана судом недопустимым доказательством (постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.02.2025 № Ф05-30816/24 по делу № А40-297748/2023).

Таким образом, при заключении сделок, в т.ч. дистанционных, на основе конклюдентных действий, если в качестве доказательств стороны представляют переписку в мессенджерах или социальных сетях, сложившаяся к настоящему времени судебная практика позволяет сформулировать следующие выводы о признании такой переписки доказательствами заключенного договора:

– наличие в переписке существенных условий договора (цена, объем, сроки и т.п.);

– если договор заключается в письменной форме, целесообразно включить в него условие, допускающее возможность ведения переписки в социальных сетях и мессенджерах и направления документов с использованием мобильных сетей (мессенджеров);

– в случае риска судебных разбирательств электронную переписку следует зафиксировать в виде скриншота, нотариально или протокола осмотра с помощью онлайн-сервиса, что повысит ее доказательную ценность.

Конклюдентные действия как форма заключения сделки, в т.ч. в дистанционной форме, нашли широкое применение в маркетинговой деятельности, что обусловило необходимость разработки механизмов защиты интересов и

прав субъектов, которая в настоящее время в силу сохраняющихся правовых пробелов осуществляется на основе применения аналогии в судебных решениях и требует дальнейшей законодательной проработки.

Для устранения имеющихся правовых пробелов и проблем регулирования сделок, заключаемых на основе конклюдентных действий, представляется целесообразным:

- дополнение ч. 1 ст. 158 ГК РФ понятием «конклюдентная сделка», предполагающая фактически сложившиеся договорные отношения;
- формирование четкой конструкции правоотношений, основанных на конклюдентных действиях, во избежание их неоднозначного толкования потенциальными субъектами;
- систематизация накопленной судебной практики и дополнение статей Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации в части нарушения прав субъектов маркетинговых правоотношений и заведомый ввод их в заблуждение при помощи конклюдентных действий, повлекший за собой убытки и вред деловой репутации;
- формирование перечня доказательств, подтверждающих заключение договора на основе конклюдентных действий, для субъектов, осуществляющих взаимодействие в цифровой среде (посредством переписки по электронной почте, в мессенджерах или социальных сетях), основанного на материалах судебной практики, что позволит отличить осознанное согласие от двусмысленных поступков.

Список использованных источников:

1. Савельева, Т.А. Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий / Т.А. Савельева // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2023. — № 1(4). — С. 1058–1086.
2. Кузнецов, В.В. Цифровизация и ее влияние на формы сделок / В.В. Кузнецов // *Вопросы российской юстиции*. — 2025. — № 35. — С. 171–181.
3. Что такое конклюдентные действия и когда они подтверждают сделку. — URL: <https://www.arbitr-praktika.ru/article/2404-chto-takoe-konklyudentnye-deystviya> (дата обращения: 10.03.2026).
4. Кряжевских, Е.В. Конклюдентные действия в дистанционных договорах: аналогия в интересах потребителя или предпринимателя? / Е.В. Кряжевских, Е.П. Татарина // *Скиф*. — 2023. — № 10(86). — С. 61–65.
5. Любич, О.Л. На словах, на бумаге и «в цифре»: как совершаются сделки / О.Л. Любич. — URL: <https://www.advokat.by/content/public/na-slovakh-na-bumage-i-v-tsifre-kak-sovershayutsya-sdelki/> (дата обращения: 10.03.2026).
6. Конклюдентные действия: что это такое, примеры, судебная практика. — URL: <https://www.zakonrf.info/articles/konklyudentnye-dejstviya/> (дата обращения: 11.03.2026).
7. Конклюдентные действия. — URL: <https://assistentus.ru/terminy/konklyudentnye-dejstviya/> (дата обращения: 11.03.2026).
8. Полуэктов, М. Конклюдентные действия в судебных спорах / М. Полуэктов. — URL: <https://advokat-poluektov.ru/publish/konklyudentnye-dejstviya-v-sudebnyx-sporax/> (дата обращения: 11.03.2026).

9. Татьянакина, Д.А. Click-wrap соглашения: к вопросу о нормативно-правовом регулировании / Д.А. Татьянакина // Скиф. — 2022. — № 12(76). — С. 431–435.

10. Козлова, М.Ю. Влияние цифровизации на форму договора / М.Ю. Козлова, О.А. Сергачева // Цивилист. — 2022. — № 1. — URL: <https://www.elibrary.ru/edwlwo> (дата обращения: 12.03.2026).

11. Суд в России признал эквивалентом подписи под документом. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/09/2023/64fae70b9a794739f66dd067> (дата обращения: 12.03.2026).

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОСТАВЩИКОВ ИНТЕРНЕТ-УСЛУГ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ)

В.В. Козловская

Актуальность темы обусловлена множественностью участников гражданских правоотношений, связанных с использованием объектов промышленной собственности в сети Интернет (далее — Интернет, Сеть). В ряде случаев этот факт вызывает сложности правоприменительного характера. В частности, в цифровой среде помимо правообладателя объекта промышленной собственности и лиц, использующих такой объект, в эти правоотношения вовлечены поставщики интернет-услуг, которые обеспечивают пользователям Интернета техническую возможность размещать, хранить, передавать, получать информацию в Сети.

Цель исследования — изучить особенности гражданско-правовой ответственности интернет-услуг в случае использования объектов промышленной собственности в Интернете. Материалами выступили правовые нормы Республики Беларусь и Российской Федерации, регулирующие общественные отношения с участием поставщиков интернет-услуг, положения доктрины и правоприменительная практика. Методы: анализ, синтез, сравнительно-правовой и формально-юридический, а также метод толкования правовых норм.

В случаях, когда объекты промышленной собственности используются или права на них нарушаются в доменных зонах, принадлежащих Беларуси или России (например, при продаже товаров через маркетплейсы или обычные интернет-магазины), это оказывает значительное влияние на рынки Союзного государства, затрагивает интересы потребителей и права конкурирующих между собой субъектов предпринимательства [1].

Как отмечает А.В. Михайлов, в современных условиях всеобщей цифровизации территориальные границы многих товарных рынков будут размываться [2, с. 562]. Это заметно уже сейчас на примере экономического и интернет-пространства Союзного государства. Многие продавцы

и потребители на территории наших стран совершают сделки, не выходя из дома, даже не задумываясь, у какого именно продавца (происходящего из какой страны) они купили товар. Правовое регулирование общественных отношений не может оперативно адаптироваться к меняющимся реалиям. Однако стремиться к этому следует.

Обращая внимание на указанные тенденции в свете развития законодательства стран, входящих в ЕАЭС (к которым относятся Беларусь и Россия), И.А. Близнец и М.В. Тюнин настаивают на необходимости формирования согласованных подходов к регулированию отношений в области интеллектуальной собственности и создания «единой среды доверия в сфере охраны прав на объекты интеллектуальной собственности» [3, с. 4]. Это точное и емкое высказывание иллюстрирует ситуацию, когда в рамках даже не ЕАЭС, а более тесного альянса, союза между двумя странами — России и Беларуси, не выработаны единые подходы к регулированию общественных отношений в сфере использования промышленной собственности с участием информационных посредников. Это обстоятельство делает процесс развития рассматриваемых общественных отношений малопредсказуемым, что, в свою очередь, негативно сказывается на условиях экономического оборота.

В научных публикациях для обозначения указанных субъектов употребляются различные термины. Например, А.А. Карцхия упоминает «оператора интернет-сервиса», «информационного посредника», «хостинг-провайдера», «владельца (оператора) онлайн технологической платформы (агрегатора)» [4, с. 18]. Автор проводит разграничение между функциями этих лиц в деле размещения и использования информации в Интернете. В свою очередь, Н.А. Непомнящая называет поставщиков интернет-услуг информационными посредниками и интернет-провайдерами и выделяет следующие категории таких лиц: «провайдер доступа», «контент-провайдер», «хостинг-провайдер» [5, с. 9]. Эти лица отличаются типом (видом) услуг, которые они оказывают пользователям Сети.

Сравнительный анализ законодательства Беларуси и России, образующих Союзное государство, позволил выявить существенные расхождения в вопросах правовой регламентации рассматриваемых отношений. Различия видятся в терминологии, используемой для наименования таких субъектов (в Российской Федерации — *информационные посредники* (ст. 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)), в Республике Беларусь — *поставщики интернет-услуг* (согласно п. 3 Указа Президента Республики Беларусь № 60 от 1 февраля 2010 г. «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» (далее — Указ Президента Республики Беларусь № 60)). Различны также и подходы к ответственности поставщиков интернет-услуг в случае нарушения исключительных прав на объекты промышленной собственности, используемые в Интернете.

Когда в результате размещения информации в Интернете осуществляется нарушение прав на объекты промышленной собственности,

то возникает вопрос: следует ли привлекать к ответственности информационного посредника? Как отмечается в научных публикациях, в законодательстве и доктрине зарубежных стран присутствуют различные подходы к решению проблемы ответственности таких лиц за действия пользователей Сети. В частности, поставщики интернет-услуг: 1) несут ответственность за действия пользователей вне зависимости от наличия у них знаний о совершаемых действиях, т.е. независимо от вины (Китай, страны Ближнего Востока); 2) не несут ответственность за действия пользователей в том случае, если выполняют определенные условия, связанные с характером предоставления услуг и взаимодействием с субъектами информационного обмена и лицами, чьи права нарушаются действиями пользователей (Российская Федерация); 3) не отвечают за действия пользователей [6, с. 19]. Законодательством Республики Беларусь воспринят последний подход.

Как известно, основанием гражданско-правовой ответственности является гражданское правонарушение, а условиями, необходимыми для привлечения к такой ответственности, как правило, — противоправное поведение и вина должника. Для наступления ответственности в форме убытков дополнительно необходимо наличие убытков и причинно-следственной связи между противоправным поведением и причиненными убытками. В Республике Беларусь ответственными за такое правонарушение признаются пользователи Сети, чьими действиями было осуществлено размещение (передача) в Интернете информации, нарушившей исключительные права на объекты промышленной собственности. Так, согласно п. 12 Указа Президента Республики Беларусь № 60 ответственность за содержание информации, размещаемой (передаваемой) в национальном сегменте сети Интернет, несут лица, разместившие (передавшие) эту информацию.

Согласно примечанию к п. 3 Указа Президента Республики Беларусь № 60 поставщиками интернет-услуг признаются юридические лица или индивидуальные предприниматели, оказывающие интернет-услуги, а именно услуги по обеспечению доступа юридических и физических лиц к сети Интернет и (или) размещению в данной сети информации, ее передаче, хранению, модификации. Исходя из содержания указанных норм, невозможно дать однозначный ответ, относятся ли поставщики интернет-услуг к категории лиц, размещающих (передающих) информацию в Сети, в том числе ту, которая может нарушить права на объекты промышленной собственности. Но судебная практика рассмотрения в Республике Беларусь споров, связанных с привлечением поставщиков интернет-услуг к ответственности за подобные действия, отсутствует.

Однако если обратиться к научным публикациям, анализирующим, например, роль поставщиков интернет-услуг в обеспечении работы платежных систем, то Е.Ю. Баракина отмечает следующее: «Провайдеры организуют и обеспечивают работу каналов связи, предоставляют серверное оборудование и места его размещения, а также процессинговые услуги

по осуществлению обмена и обработки информации. Они являются источниками рисков независимо от архитектуры, функционала и используемой технологии» [7, с. 19]. Они же имеют «организационно-техническую возможность в любой момент времени воздействовать на информационные общественные отношения своих пользователей» [8, с. 579]. Например, способны технически прекратить размещение или доступ к информации, затрагивающей права третьих лиц, вправе информировать правообладателей объектов исключительных прав о содержании передаваемой информации, нарушающей права на эти объекты.

Очевидно, что у информационных посредников есть возможность предотвратить (прекратить) правонарушение, реализуя которую они могут способствовать эффективной защите прав, нарушенных путем использования промышленной собственности в сети Интернет. Исходя из вышеизложенного полагаем, что закрепленный в белорусском законодательстве подход нуждается в пересмотре с учетом указанных положений. Примером могут послужить нормы российского законодательства, в которых были учтены ситуации возможных рисков, связанных с деятельностью поставщиков интернет-услуг.

Так, ст. 1253.1 ГК РФ предусматривает возможность привлечения информационного посредника к ответственности при наличии вины в нарушении интеллектуальных прав, произошедшем в результате передачи, размещения в Интернете информации, а также условия освобождения от данной ответственности. Информационный посредник несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети на общих основаниях, предусмотренных ГК РФ, при наличии вины с учетом особенностей, установленных пунктами 2 и 3 1253.1 ГК РФ.

В практике российских судов есть подобного рода споры [9]. В случаях, когда информационный посредник не являлся инициатором обмена информацией, не определял ее получателя, не изменял информацию при оказании услуг связи, не имел сведений о характере и основаниях деятельности потребителя услуг, значит, он не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующих результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации лицом, инициировавшим передачу информации, содержащей соответствующий результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, является неправомерным [9].

В исследованиях неоднократно подчеркивалось, что нормы ст. 1253.1 ГК РФ не лишены недостатков [10; 11]. В частности, существенной видится проблема выработки критериев отнесения того или иного лица к категории информационных посредников. Сами же посредники в свою очередь могут быть разделены на категории, и особенности освобождения от ответственности каждого из них будут различаться в зависимости от того, к какой именно категории относится лицо. Однако сам факт того, что российский законодатель озадачился вопросом участия информационных посредников

в отношении по размещении в Интернете информации, которая способна нарушить интеллектуальные права, заслуживает внимания.

Следовательно, специфика сети Интернет создает необходимость учитывать многосубъектность отношений, складывающихся по поводу использования промышленной собственности в виртуальной среде: в эти отношения вовлечены информационные посредники, которые обеспечивают пользователям Интернета техническую возможность размещать, хранить, передавать, получать информацию в Сети. Очевидно, что у таких лиц есть возможность предотвратить (прекратить) правонарушение, реализуя которую они могут способствовать эффективной защите прав, нарушенных путем использования промышленной собственности в сети Интернет. Учитывая вышеизложенное, полагаем, что закрепленный в белорусском законодательстве подход, согласно которому поставщики интернет-услуг освобождаются от ответственности, нуждается в пересмотре. Примером могут послужить нормы российского законодательства, которые учли ситуации возможных рисков, связанных с деятельностью информационных посредников.

В рамках Союзного государства Беларусь и Россия стремятся к интеграции и гармонизации в различных сферах, включая гражданско-правовое регулирование. Однако правовые системы наших стран продолжают сохранять значительную национальную специфику, причем даже в тех сферах правового регулирования, в которых унификация могла бы давно состояться: например, в среде цифрового взаимодействия при использовании объектов промышленной собственности. В связи с этим видится особо необходимым формирование общих подходов к правовой регламентации отношений в сфере использования промышленной собственности в Интернете. Это позволит стимулировать создание новых рынков и коммерциализацию прав на объекты промышленной собственности в рамках Союзного государства.

Список использованных источников:

1. Шахназаров, Б.А. Правовая охрана объектов интеллектуальной собственности в условиях развития международного сотрудничества и информационных технологий / Б.А. Шахназаров // Право интеллектуальной собственности в условиях развития новых технологий: монография / Е.А. Моргунова, Б.А. Шахназаров. — М.: НОРМА-ИНФРА, 2023. — Глава 2. — 152 с. // КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СМВ&n=19110#Mnv3NiU2Kiu7HFcr> (дата обращения: 08.03.2026).
2. Михайлов, А.В. Методы предпринимательского права: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3 / Михайлов Андрей Валерьевич; ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». — Казань, 2025. — 696 л. — URL: https://shelly.kpfu.ru/eksu/docs/DISSERTATION/F_2106580673/issertaciya__Metody_PP__Mikhajlov.pdf. (дата обращения: 10.03.2026).
3. Близнец, И.А. Единая среда доверия в сфере охраны прав на ОИС в ЕАЭС / И.А. Близнец, М.В. Тюнин // Интеллектуальная собственность. Авторские и смежные права. — 2024. — № 3. — С. 4–8.
4. Карцхия, А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Карцхия Александр Амиранович;

ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности». — М., 2019. — 44 с.

5. Непомнящая, Н.А. Гражданско-правовое регулирование деятельности информационных посредников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Непомнящая Наталья Анатольевна; Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности. — М., 2019. — 26 с.

6. Наумов, В.Б. Право и Интернет. Очерки теории и практики / В.Б. Наумов. — М.: Книжный дом Университет, 2002. — 432 с.

7. Баракина, Е.Ю. Финансово-правовое регулирование внедрения систем распределенного реестра в национальную платежную систему: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04 / Баракина Елена Юрьевна; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. — М., 2020. — 24 с.

8. Афанасьева, А.И. Ограничение ответственности провайдера за нарушение в сети Интернет авторских и смежных прав / А.И. Афанасьева // Молодой ученый. — 2015. — № 12(92). — С. 579–581.

9. Решение Арбитражного суда города Москвы от 14 января 2022 г. по делу № А40-111869/2021В // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. — URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/xgMWscNtvq1Q/> (дата обращения: 08.03.2026).

10. Макаров, Т.Г. Особенности ответственности информационного посредника / Т.Г. Макаров // Тенденции модернизации российского гражданского законодательства: сб. науч. тр., Саратов, 25 апр. 2014 г. — Саратов, 2014. — С. 56–59.

11. Грязева, М.А. Ответственность информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав в сети Интернет / М.А. Грязева // Вопросы российской юстиции. — 2023. — Вып. № 26. — С. 64–70.

СИМВОЛИКА РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

О.Н. Куликова

Символика государственности отражается в официальных знаках любой современной страны. Основные символы, такие как государственный флаг и герб, гимн государства, подтверждают национальный суверенитет, самобытность, уникальность. Ряд стран допускают в качестве государственных символов определенные цветовые вариации, девизы и эмблемы, которые свидетельствуют об особенностях национального к ним подхода. Поэтому основной целью нашего исследования выступает изучение символики российского и белорусского государства в контексте государственной общественно-социальной значимости, устанавливающей ответственность, вплоть до уголовной, при посягательствах на их целостность, сущность и значение.

Структурно научный материал представляет собой изложение ключевых блоков, позволяющих рассмотреть понятие и значение символики России и Беларуси, их содержание, историческую изменчивость, современные подходы к трансформации национальных атрибутов, правовое закрепление ответственности за посягательства и причинение им вреда. Особенностью

нашего исследования выступает изложение сущности цифровой трансформации символики Российской Федерации и Республики Беларусь.

Актуальность работы несомненна, так как комплексное изучение сущности символики государств России и Беларуси, ее изменение, включая визуальную, смысловую и цифровую трансформацию, относится к глобальным направлениям в защите интересов государственности, независимости, державности. Нормы права обеспечивают правовую защиту от посягательств на такие символы, как флаг, герб и гимн государства. В белорусском и российском законодательстве установлены уголовно-правовые и административно-правовые санкции за противозаконное воздействие на них.

Исследуемым материалом выступают информация о зарождении символов государств, формировании их содержания и государственно-социального и политического значения, правовые акты, закрепляющие их государственную состоятельность и фиксирующие санкции за негативное воздействие на них. Методологическую основу составляют комплексно примененные методы, система которых позволила автору определить предмет анализа и изучения, выполнить формально-организационную научно-исследовательскую деятельность. Методологическая позиция ориентирована на теоретико-прикладной аспект, так как он отражает сущность познаваемого объекта и совокупность приемов по постижению символики дружественных стран с позиций государственно-правового подхода к ее защите и охране. Основу исследовательской работы составили такие науки, как логика, история, психология, системология, эстетика, а технология представленного труда включила методы, средства, приемы и способы изучения. Содержательная часть используемой нами методологии базируется на постижении законов и соответствующих критериев научности, формальная часть обусловлена теоретическим знанием, подкрепляемым аргументами в достижении научных целей материала.

Итак, сущность и значение символики государства отражают специфические знаки, которые олицетворяют страну посредством установления законодательным способом государственного герба, флага и гимна. Законодательное закрепление символов происходит в Основном законе России и Беларуси, что свидетельствует об особом порядке их использования. Нарушение установленных требований обращения, надругательства над ними влекут юридическую ответственность, включая уголовную, обусловленную повышенной опасностью посягательств на объекты государственности, национальных интересов и суверенитета.

Символика государства представляет собой совокупность символов, отличительных знаков, означающих принадлежность к какой-либо стране. Государственные символы закладывают в свое назначение определенный идеологический посыл, смысл, социальную сущность [1, с. 70]. Правовая охрана государственного герба, государственного флага и государственного гимна связана с необходимостью регулирования и охраны отличительных

атрибутов стран, которые исторически формировались в качестве олицетворения национального суверенитета и самобытности, духовного состояния нации. Государственная символика — это исторически сложившиеся отличительные атрибуты и символы, олицетворяющие какой-либо народ, его уникальность, традиции и быт. Каждая страна с особым трепетом относится к своей символике, поэтому законы большинства государств регулируют использование государственных символов, нарушение которых может привести к уголовной ответственности [2].

Значение символики России и Беларуси прослеживается через их содержание. Поэтому важно рассмотреть ключевые подходы к их сущности и структуре.

Российский флаг представляет собой прямоугольное полотнище из трех равновеликих горизонтальных полос. Верхняя полоса белого цвета, символизирующая чистоту и благородство, средняя полоса синего цвета, подразумевающего честность и верность, безупречность и целомудрие. В ретроспективной позиции отмечается синий цвет в олицетворении верности Отечеству и готовности защищать Родину. Нижний цвет полосы красного цвета, отождествляющего энергию, мужество, героизм, отвагу, любовь к России и кровь, пролитую при ее защите.

Государственный флаг Беларуси представлен преобладающим красным и зеленым цветом, орнаменты которого в 1995 г. инвертированы: он отображается красным на белом фоне, раскрывает национальные традиции, историю и культурное наследие белорусского народа [3]. Интересный подход в отношении Государственного флага продемонстрировала Республика Беларусь в 2013 году, когда закрепила местом площади данного атрибута государства Проспект Победителей, 14 г. Минска. Открытие площади состоялось второго июля путем принесения Государственному флагу Беларуси клятвы верности достойными представителями науки, культуры, промышленности, спорта страны [4].

Герб изначально не являлся наследственным атрибутом княжеств Руси. На воинских полотнищах помещались образы Иисуса Христа, Богородицы, православных святых, а также православные кресты, а на печатях князей покровительствующие им святые. Самое первое из сохранившихся достоверных свидетельств использования двуглавого орла в качестве символа Московского государства — великокняжеская печать Ивана III Васильевича, скрепившая жалованную грамоту 1497 года. На оборотной стороне этой печати изображен двуглавый орел, увенчанный коронами [5].

Современный государственный герб России — это красный геральдический щит четырехугольной формы, у которого нижние углы закруглены, а край заострен по центру. На щите изображен золотой двуглавый орел, в центре которого на красном щите расположен всадник на коне, поражающий дракона [6]. Государственный герб Республики Беларусь представлен размещенным в серебряном поле золотым контуром, наложенным

на золотые лучи восходящего над земным шаром солнца, герб обрамлен венком с золотыми колосьями, цветками клевера и льна. В верхней части размещена пятиконечная красная звезда, а в средней части — в две золотые строки слова «Рэспубліка Беларусь» [7].

Первый гимн стал исполняться на встречах императора Александра I по его указу в 1816 г. Текст исполняемой в качестве гимна «Молитвы русских», написанный В.А. Жуковским, содержал такие слова, которые воспевали Перводержавную Русь и желали ей в молитвах православных Благословеніе, къ благу стремленіе, въ счастьѣ смиреніе, въ скорби терпѣніе [8]. Данный гимн просуществовал до 1833 г., после чего его сменил «Боже, царя храни!». Современные гимны России и Беларуси поддерживают государственность и отражают гражданственность (о чем мы скажем ниже).

Немаловажным символом является гимн отдельно взятой территории, региона, края государства. Так, можно привести слова Гимна города Смоленска, основу содержания которых составляет мужество и величие крепостной стены города, а сила его — это Родины сила, которую множит народ [9]. Текст гимна города Витебска [10] называет его древним и всегда молодым строителем художественных и поэтических талантов народа, городом над Двиной, в строках содержится пожелание благословения жизни и света, а также многая лета! Витебский городской Совет депутатов 27 марта 2013 г. утвердил текст гимна автора Т.И. Красновой-Гусаченко и музыку местного композитора А.В. Раузо («Песня аб Віцебску») [11].

Государственные символы любой страны — это воплощение суверенитета, отражение богатой истории, культурного наследия, национальной идентичности народа [12]. Символика Республики Беларусь включает государственный флаг, герб и гимн, которые отражают исторические, духовные и нравственные черты белорусского народа, особенности его культуры и мировоззрения [13].

Значение символики белорусского государства: 1) выступает воплощением независимости страны; 2) свидетельствует о важнейшей функции сохранения и передачи историко-культурного наследия нации; 3) является инструментом объединения белорусов в стремлении к справедливости, добрососедству и миру; 4) отражает духовно-нравственное состояние народа; 5) демонстрирует духовные ценности общества; 6) выражает культурную самобытность и исторический путь республики. Каждый знак, цвет или изображение рассказывают о важных этапах развития страны, ее историческом пути, символы формировались на протяжении веков, объединяя народ и подчеркивая его уникальность [14].

Вопросы гражданственности, гражданской идентичности выступают крайне актуальными направлениями на современном этапе развития общества. Поэтому в работе основным направлением исследования является определение общественных отношений в области символики государства, содержащих элементы гражданственности. Гражданственность —

это нравственная позиция человека, его духовное отношение к обществу и государству [15]. Гражданственность в Беларуси — это моральное и социально-психологическое качество, проявляющееся в чувстве долга и ответственности человека перед обществом, в его готовности и способности защищать свои права и свободы, законные интересы других граждан. Согласно результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в июле — августе 2023 года, в восприятии белорусов гражданственность выражается через осознание правовой принадлежности к стране, гражданских прав и свобод, закрепленных в законодательстве, ответственности за страну и гражданские установки. При этом гражданственность также неотъемлемо включает в себя чувства патриотизма и уважения к белорусской государственности, истории и национальным символам [16, с. 91]. В российском государственном гимне о гражданственности говорят такие строки: «Россия — любимая наша страна, ее достоянье на все времена, одна ты такая — Хранимая Богом родная земля, нам силу дает наша верность Отчизне, славься, страна, мы гордимся тобой!» В белорусском гимне чувство гражданственности выражается в словах: «Сэрцам адданыя роднай зямлі, мы баранілі родны парог, слаўся, зямлі нашай светлае імя, наша любімая маці-Радзіма, вечно жыві і квітней, Беларусь!»

История появления национальной символики (как идеи национального возрождения) в качестве белорусской идентичности берет начало в XIX веке. Хотя еще во времена Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой многие символы использовались в государственных печатях, гербах и архитектуре, что способствовало закреплению представлений о национальной идентичности. А в эпоху национальных движений польско-литовского и белорусского масскульта XIX в. формировались национальные образы и культурное самоопределение, укреплялось социальное единство [17].

Трансформация символики государства выступает неотъемлемым последствием изменения ее структуры и содержания. Исторический контекст служит ярким тому подтверждением. Современное общество немислимо без использования новых технологий, в которых используются электронные носители, цифровые платформы, социально-информационные сайты. Так как, например, изображение герба можно легко масштабировать в цифровом формате, следовало на уровне государства принять соответствующие меры. Поэтому внедрение цифровых процессов в описание символов государства является крайне благоприятным направлением России и Беларуси для своих граждан.

Рассмотрим ключевые направления указанного процесса. Так, в России в 2017 году по инициативе Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций на официальных цифровых площадках (сайт Президента РФ, сайт Совета Федерации, сайт Правительства РФ) использовали адаптированную версию герба Российской Федерации (aic.rudigitalstateranepa.ruesj.pnzgu.ruiz.ru).

В настоящее время изображение выглядит следующим образом:

Цифровая трансформация символики государства — это процесс перехода органов власти на цифровые технологии в сфере государственной символики (гербов, флагов, эмблем). Данный процесс обусловлен необходимостью адаптации печатных бумажных документов для электронной среды и веб-форматов для экранов малых размеров и привел к созданию единой системы гербов для всех министерств и ведомств. Тем самым изображение российского герба выполнено в едином стиле и новом дизайне государственных систем.

Основными правовыми актами Российской Федерации в области цифровой трансформации символики государства являются: 1) Федеральный конституционный закон от 31.07.2025 № 2-ФКЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 6 Федерального конституционного закона “О Государственном флаге Российской Федерации” и статью 3 Федерального конституционного закона “О Государственном гимне Российской Федерации”»; 2) Распоряжение Правительства РФ от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления»; 3) Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», утвержденный протоколом Президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 20 декабря 2024 г. № 12пр. (период реализации — 2025–2030 годы, исполнитель — Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России).

В целом направление цифровизации выступает крайне актуальным для современной России. Так, можно отметить, что в 2025 году по решению Президента РФ В. Путина для ускорения цифрового развития страны, повышения качества государственных услуг и формирования технологической независимости стартовал национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [18].

Для белорусского государства вопросы трансформации, исторического изменения символики страны также весьма актуальны.

Так, 27 сентября 2024 года в Институте государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь состоялась лекция депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь VI созыва. Председатель комиссии Палаты представителей по образованию, культуре и науке И. Марзалюк уделил существенное внимание истории и сущности государственных символов Беларуси в докладе на тему «Дзяржаўная сімволіка Беларусі. Ад вытокаў да сучаснасці» [19]. Акцентировалось внимание на создании первого проекта национального флага и формировании чувства национальной общности.

Важную роль сыграли события 2021 года, связанные с цифровой трансформацией государственной символики Беларуси, когда стал создаваться первый электронный эталон государственного герба страны [20]. Это было обусловлено необходимостью разработки единого электронного эталона с точным соответствием единому стандарту изображения герба вне зависимости от его размера. Представленный электронный эталон герба может использоваться и во внешнем оформлении, и при создании государственных наград, денежных знаков, ценных бумаг, в новых электронных паспортах.

Для наилучшего прослеживания атрибутики белорусского государства в правовом регулировании цифрового подхода следует указать государственную программу «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 гг. по вопросам формирования экосистемы цифровых решений для населения, бизнеса и государства, включающую подпрограммы «Экономика данных», «Цифровое государство», «Цифровой суверенитет» (утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь 30 декабря 2025 г. № 793).

Теперь о вопросах ответственности за посягательства на символику Российской Федерации и Республики Беларусь. К слову, ряд событий в России в 2025 г. подчеркивает актуальность исследуемой тематики. Тогда в апреле социальные сети освещали комментарии лидера ЛДПР Л. Слуцкого, который привел в пример эмблему Министерства спорта России, где религиозный символ заменен «на какие-то ромбы». Политик также вспомнил, что в Оренбургском президентском кадетском училище с ограждения «вообще спилили кресты». Парламентарий обозначил это термином «крестопад». 19 мая оперный певец В. Москальков обратил внимание на отсутствие крестов на гербе в цифровых ресурсах Кремля. Его замечание поддержало движение «Сорок Сороков» и другие прогосударственные блогеры. К вечеру 22 мая герб на сайте Кремля и в соцсетях был обновлен — кресты на коронах орла и державе стали отчетливо видны [21]. Всё это привело к законодательной инициативе 412 депутатов во главе с председателем Государственной Думы РФ в декабре уходящего года. В. Володин обозначил: «... мы должны сделать всё, чтобы не допустить искажения символов нашей государственности» [22]. В настоящее время Законопроект № 1075535-8 подписан Президентом России.

Уголовный кодекс России строго охраняет символы государства и устанавливает в ст. 329 ответственность за любое надругательство над Государственным гербом или Государственным флагом Российской Федерации. Нарушение порядка официального использования текста гимна государства административно наказуемо по ст. 17.10 Кодекса об административном правонарушении — нарушение порядка официального использования государственных символов Российской Федерации.

Согласно ст. 15 Закона Республики Беларусь «О государственных символах Республики Беларусь» от 05 июля 2004 г. № 301-З любые надругательства над государственными символами Республики Беларусь влекут за собой ответственность в соответствии с законодательством [23].

Таким образом, каждое государство имеет государственные символы, демонстрирующие его идентификацию на международной арене. При этом воззрение государства включает в себя основные жизненные позиции людей, их установки, убеждения, идеалы, ценностные ориентиры общества. Данные элементы мировоззрения отражаются на праве и, соответственно, на законодательстве конкретного государства [24]. Порядок использования государственных символов устанавливается конституцией или специальными законами страны, какие-либо нарушения влекут юридическую ответственность.

Стабильное развитие любого государства обеспечивается не только за счет эффективной экономической модели, устойчивой политической системы, благоприятной экологии и технологических достижений. Одним из важнейших условий сохранения и развития государственности является состояние социокультурной сферы, в рамках которой общество выступает в единстве культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека. Социокультурная сфера представляет собой человеческое измерение всех процессов, происходящих в государстве, и включает в себя социальные отношения и культурно-духовное производство, связанные с сохранением и развитием человеческого капитала страны [25, с. 487]. Существенное количество таких отношений поставлено под охрану уголовным законом.

Исторический анализ изменения содержания и структуры символики государств свидетельствует об их трансформации, то есть процессе преобразования, обусловленного государственной и общественно-социальной необходимостью. Ведь речь идет не только о формальном использовании символов государства на мероприятиях государства и фиксации в официальных документах, но и о значительном месте в повседневной жизни людей, так как символика формирует культуру и представление людей о стране, воспитывает патриотический настрой и национальное самосознание, укрепляет единство общества и гражданскую идентичность, поддерживает традиции и народные праздники.

Цифровая трансформация является неотъемлемым процессом современного периода жизни россиян и белорусов, деятельность которых по большей части осуществляется в телекоммуникационной плоскости,

общение через интернет-коммуникативные средства связи. Символика государства трансформируется при помощи цифровых платформ, отсутствие которых уже неприемлемо в жизни людей XXI в. Данный процесс, тем самым, является положительной функцией государства, развивающего сегодня все основные назначения символики России и Беларуси.

Российская Федерация и Республика Беларусь предусматривают ответственность за посягательства на символы государства: нарушение порядка официального использования государственных символов РФ влечет административную ответственность, а надругательство над гербом и флагом государства устанавливает меры уголовно-правового характера; надругательство над любыми символами Беларуси влечет уголовную ответственность. Тем самым белорусское государство возводит посягательства на герб, гимн и флаг в категорию преступных деяний, а российское законодательство признает правонарушением деяния, посягающие на текст гимна, а преступным актом выступает надругательство в отношении герба и флага.

Список использованных источников:

1. Масыгина, Ю.Б. Гражданственность как направление правовой политики государства / Ю.Б. Масыгина, О.Н. Куликова // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 8 дек. 2023 г. / под ред. Н.В. Пантелеевой. — Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2024. — 348 с.
2. Роль символики для государства, и каково ее значение. Образовательная социальная сеть. — URL: <https://nsportal.ru/shkola/obshchestvoznaniye/library/2025/03/06/rol-simvoliki-dlya-gosudarstva-i-kakovo-eyo-znachenie> (дата обращения: 10.01.2026).
3. Флаг Беларуси: история, значение и описание государственного символа. — URL: <https://evroflag.by/categories/news/flag-belarusi-istoriya-znachenie-i-opisanie-gosudarstvennogo-simvola.html> (дата обращения: 08.01.2026).
4. Традиции суверенной Беларуси: материал Академии управления при Президенте Республики Беларусь. — URL: <https://yupkr-vitamin.by/informatsiya/edinye-dni-informirovaniya/traditsii-suverennoy-belarusi/> (дата обращения: 16.01.2026).
5. Государственный герб России: история и значение. РИА новости. — URL: <https://ria.ru/20081130/156156194.html> (дата обращения: 20.01.2026).
6. Описание герба России. История, фото и значение. — URL: <https://www.rbc.ru/life/news/68cbf9bb9a794722141a9f97#1a9f97-contents-p4> (дата обращения: 12.01.2026).
7. Государственный герб Республики Беларусь. — URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/simvolika/gerb> (дата обращения: 12.01.2026).
8. Молитва русских (Боже, Царя храни). — URL: <https://www.culture.ru/poems/17806/molitva-russkikh-bozhe-carya-khrani> (дата обращения: 17.02.2026).
9. Решение Смоленского городского совета от 22 сентября 2003 г. (в ред. от 18.01.2011) № 689 «Об утверждении гимна города Смоленска и положения о гимне города Смоленска». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/441713621> (дата обращения: 10.03.2026).
10. Гимн города Витебска. — URL: <https://stihi.ru/2016/11/14/9222> (дата обращения: 10.03.2026).
11. Гимн города Витебска. Витебский городской портал. — URL: https://gorodvitebsk.by/news/29-03-2013/Gimn_goroda_Vitebska (дата обращения: 10.03.2026).

12. Астраханцева, А. Государственные символы России: воплощение истории и патриотизма / А. Астраханцева. — URL: <https://platkinina.ru/blogs/journal/gosudarstvennye-simvol-y-rossii-voploschenie-istorii-i-patriotizma> (дата обращения: 06.02.2026).
13. Государственная символика Республики Беларусь. — URL: <https://gomel.hockey.by/news/klub/news278881.html> (дата обращения: 10.02.2026).
14. Символика Беларуси: история, значение и основные символы страны. — URL: <https://evroflag.by/categories/news/simvolika-belarusi-istoriya-znachenie-i-osnovnye-simvol-y-strany.html> (дата обращения: 14.02.2026).
15. Гражданственность. — URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/> (дата обращения: 11.03.2026).
16. Хамутовская, С. Гражданственность как социально-политическая ценность: специфика восприятия населением Беларуси / С. Хамутовская // Беларуская думка. — 2023. — № 12. — С. 88–94. — URL: https://beldumka.belta.by/ru/issues%3Fart_id=3079.html (дата обращения: 16.02.2026).
17. Символика Беларуси: история, значение и основные символы страны. — URL: <https://evroflag.by/categories/news/simvolika-belarusi-istoriya-znachenie-i-osnovnye-simvol-y-strany.html> (дата обращения: 18.02.2026).
18. Цифровая трансформация государства: итоги нацпроекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». — URL: <https://xn--80aarpmpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva-itogi-natsproekta-ekonomika-dannykh/> (дата обращения: 10.01.2026).
19. Государственную символику Беларуси от истоков до современности обсудили в Академии управления. — URL: <https://www.pac.by/press-center/news/gosudarstvennuiu-simvoliku-belarusi-ot-istokov-do-sovremennosti/> (дата обращения: 10.02.2026).
20. Как создавался первый электронный эталон государственного герба нашей страны // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2021/june/65056/> (дата обращения: 15.02.2026).
21. Сайт Кремля изменил дизайн герба на странице. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/05/21/25844558.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 17.02.2026).
22. Госдума 9 декабря рассмотрит проект о недопущении искажения символов государства. — URL: <https://rg.ru/2025/12/08/gosduma-9-dekabria-rassmotrit-proekt-o-nedopushchenii-iskazheniia-simvolov-gosudarstva.html> (дата обращения: 20.02.2026).
23. О государственных символах Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p2=2/1050> (дата обращения: 21.01.2026).
24. Кузьмянкова, Д.В. Право, мировоззрение и традиционные ценности / Д.В. Кузьмянкова, Т.Н. Кузьменкова // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 8 дек. 2023 г. / под ред. Н.В. Пантелеевой. — Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2024. — С. 58–61.
25. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т.В. Евгеньева, И.И. Кузнецов, С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, О.Е. Сорокопудова, А.Б. Страхов, А.Р. Боронин; под ред. С.В. Перевезенцева. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 550 с.

ИСТОЧНИКИ ОБУЧЕНИЯ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СУВЕРЕННОСТИ В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В.А. Майборода, Э.Т. Майборода

Развитие больших языковых моделей (LLM) представляет собой одно из наиболее значительных достижений в области искусственного интеллекта за последнее десятилетие. Эти системы, обученные на огромных объемах текстовых данных, демонстрируют способность решать широкий спектр задач обработки естественного языка с качеством, приближающимся к уровню человеческих возможностей. Однако по мере интеграции LLM в критичные сферы деятельности общества и государства всё более острой становится проблема источников этих данных и их соответствия национальным интересам разных стран.

Вопрос об источниках обучающих данных для LLM выходит далеко за рамки чисто технического вопроса. Это фундаментальная проблема цифровой суверенности, связанная с национальной безопасностью, культурным самоопределением, экономической независимостью и социальным доверием к информационным системам. В условиях усиливающейся геополитической конкуренции в области технологий искусственного интеллекта различные страны и региональные объединения пытаются найти собственный путь в регулировании разработки и применения LLM, при этом каждый подход отражает уникальное видение баланса между инновационностью, безопасностью и суверенностью.

Настоящее исследование сосредоточено на анализе того, как различные подходы к отбору и использованию источников обучения LLM влияют на возможности государств достичь технологической суверенности в контексте цифровой трансформации. В фокусе анализа находятся три модели регулирования, представляющие различные геополитические и идеологические позиции: американская модель децентрализованного регулирования, европейская модель горизонтального законодательного контроля и российская модель институционально-государственного подхода к суверенности обучающих данных.

Цель данной работы состоит в критическом анализе взаимосвязи между источниками обучения больших языковых моделей ИИ и возможностью государств достичь технологической и цифровой суверенности, а также выявлении парадоксов и трехмерного компромисса между качеством моделей, суверенностью данных и конкурентоспособностью на мировом рынке.

Актуальность этого исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, в 2024–2025 годах произошла явная глобализация рынка LLM, где лидирующие позиции заняли американские компании OpenAI,

Anthropic и Google, европейский консорциум, представленный инициативами Европейского Союза, и китайские разработчики Baidu и ByteDance. Каждый из них использует принципиально различные подходы к отбору источников обучающих данных, отражающие местные приоритеты и регулятивные требования.

Во-вторых, в Российской Федерации находится на завершающей стадии обсуждения Федеральный закон об основах государственного регулирования технологий искусственного интеллекта, в котором вопрос суверенности источников обучения моделей занимает центральное место. Закон предусматривает развитие так называемых суверенных больших фундаментальных моделей, обучение которых должно осуществляться исключительно на территории Российской Федерации с использованием данных, собранных гражданами и юридическими лицами Российской Федерации [1].

В-третьих, существует объективное противоречие между стремлением государств к суверенности в области ИИ и техническими реалиями разработки LLM, которые требуют доступа к огромным объемам разнообразных данных. Русскоязычный интернет, по различным оценкам, составляет примерно 50–100 миллиардов токенов текста, в то время как современные LLM требуют для оптимального обучения примерно 1,4 триллиона токенов по принципу Chinchilla scaling law.

Таким образом, академический анализ трех моделей подхода к источникам обучения LLM необходим для понимания того, может ли обособление процесса обучения моделей действительно обеспечить суверенность, или же оно неизбежно приводит к снижению конкурентоспособности и, как следствие, к зависимости от иностранных решений, которые якобы должны быть преодолены.

Данное исследование опирается на качественный анализ нормативной базы, технической документации и научных публикаций, посвященных регулированию и разработке больших языковых моделей в трех регионах: Соединенных Штатах Америки, Европейском Союзе и Российской Федерации.

Во-первых, проведена критическая ревизия опубликованной технической информации о способах, которыми ведущие разработчики LLM (OpenAI для модели ChatGPT/GPT-4, Anthropic для Claude, Baidu для ERNIE) получают и структурируют данные для обучения своих моделей.

Во-вторых, проанализирована нормативная база каждой юрисдикции, включая EU AI Act (Акт об искусственном интеллекте Европейского Союза), фрагментированное американское регулирование на уровне Executive Orders и ведомственных рекомендаций, китайскую систему требований к локализации данных в соответствии с PIPL и CSL, а также обсуждаемую в России модель обучения, закрепленную в проекте Федерального закона об ИИ.

В-третьих, применен сравнительно-правовой метод для выявления общих черт и существенных различий между подходами к регулированию источников обучения LLM в различных юрисдикциях.

В-четвертых, использованы элементы системно-теоретического анализа для выявления циклических зависимостей и парадоксов, возникающих при попытке одновременно достичь суверенности, качества и конкурентоспособности моделей.

Американская модель: децентрализованное регулирование и доступность глобальных данных

Соединенные Штаты Америки исторически приняли подход к регулированию искусственного интеллекта, который можно охарактеризовать как децентрализованный, секторальный и ориентированный на минимальное вмешательство государства в инновационную деятельность частного сектора. На федеральном уровне отсутствует единый всеобъемлющий закон, регулирующий разработку и применение LLM. Вместо этого используется модель, основанная на принципе ведомственного надзора, где различные агентства (FDA для медицины, SEC для финансов, NHTSA для автономных транспортных средств) применяют существующее законодательство к ИИ-системам, функционирующим в соответствующих их компетенции сферах.

Ключевой особенностью американского подхода является отсутствие жестких требований относительно происхождения и природы данных, используемых для обучения коммерческих LLM. Открытая информация о методах обучения ChatGPT и других моделей OpenAI показывает, что эти системы обучаются на данных, полученных из множественных источников, включая общедоступный интернет, высококачественные текстовые корпуса, книги и специализированные датасеты [2]. Согласно официальной информации, OpenAI использует данные из Common Crawl, крупнейшего открытого архива веб-контента, над которыми работают как американские, так и международные разработчики. Over 80% of GPT-3's 300+ billion training tokens came from the Common Crawl dataset, что свидетельствует об ориентации на использование максимально доступных глобальных источников информации [3].

Это стратегическое решение имеет несколько важных следствий. Во-первых, модели OpenAI, обученные на разнообразных, глобальных источниках, достигают высокого уровня качества во многих языках и предметных областях, включая специализированные домены (медицина, юриспруденция, инженерия), где большинство высокозначимого контента опубликовано на английском языке. Во-вторых, такой подход к сбору данных позволяет американским компаниям быстро масштабировать свои модели и адаптировать их к новым задачам. В-третьих, использование общедоступного интернета в качестве основного источника данных создает объективные трудности для любого геополитического конкурента, пытающегося создать модель более высокого качества, используя исключительно локальные источники данных.

Однако американская модель имеет и существенные недостатки с точки зрения защиты интересов государства. По сути, ведущие американские компании, разрабатывающие LLM, не подлежат жесткому контролю

относительно того, на каких данных они обучают свои модели. Это означает, что коммерчески успешные модели могут быть обучены на данных, полученных из иностранных источников, включая потенциально чувствительную информацию. Кроме того, отсутствие единого федерального стандарта создает фрагментированный ландшафт, где различные штаты могут принимать собственные требования к ИИ, что ведет к дополнительным трудностям.

Интересно отметить, что администрация США в 2025–2026 годах попыталась прояснить позицию федерального правительства относительно ИИ. Администрация Трампа, по различным источникам, приняла курс на дерегулирование, отмену требований к AI safety и попыталась централизованно предотвратить введение избыточно строгих требований к ИИ на уровне отдельных штатов. Однако это не означает, что Соединенные Штаты полностью отказались от контроля над критическими аспектами разработки ИИ. Вместо явного законодательного регулирования используются механизмы контроля на уровне государственных контрактов, инвестиций в области обороны и национальной безопасности, а также давление на частные компании через регулирующие органы [4, с. 58–75].

Таким образом, американская модель может быть охарактеризована как позволяющая разработчикам LLM полностью использовать глобальные источники данных без жестких ограничений на их происхождение, при условии соблюдения общих норм права о защите данных и конфиденциальности. Это обеспечивает высокое качество и конкурентоспособность американских моделей, но снижает уровень контроля государства над процессом обучения и потенциально создает уязвимости в области информационной безопасности.

Европейская модель: горизонтальное регулирование и требования к управлению данными. Европейский Союз, напротив, принял принципиально иной подход к регулированию ИИ и, в частности, к вопросам об источниках обучения LLM [5]. EU AI Act, являющийся первым в мире комплексным законодательным актом, специально посвященным регулированию искусственного интеллекта, устанавливает вертикальные (т.е. выстроенные по уровню риска) требования к разработчикам моделей, включая детальные положения об управлении данными.

Статья 10 EU AI Act, озаглавленная «Data and Data Governance», содержит явное требование о том, что данные, используемые для обучения, валидации и тестирования моделей ИИ высокого риска, должны подлежать надлежащей практике управления данными [6]. Кроме того, статья 53 EU AI Act требует от разработчиков моделей ИИ (General-Purpose AI Models) общего назначения публикации детального краткого описания содержания, используемого для обучения. Это описание должно быть «достаточно подробным», чтобы позволить независимым экспертам и регулятивным органам оценить потенциальные риски модели.

Европейский подход принципиально отличается от американского тем, что он явно переводит требование к управлению данными из сферы добровольной практики в сферу обязательного нормативного требования. Европейские разработчики LLM должны документировать, откуда они получили свои данные, как они обеспечили качество данных, какие процедуры используются для идентификации и минимизации предубеждений, присутствующих в обучающих данных.

Однако, в отличие от подхода, который предполагается в российском проекте закона, EU AI Act не требует, чтобы данные для обучения европейских моделей были исключительно европейского происхождения или обрабатывались только на территории ЕС (хотя требования GDPR о локализации персональных данных остаются в силе). Вместо этого Европа пытается сбалансировать между, с одной стороны, открытостью к глобальным данным и сотрудничеству, и, с другой стороны, защитой своих граждан от потенциальных рисков, связанных с моделями, обученными на некачественных или предвзятых данных.

Научное исследование, проведенное в Европе, выявило потенциальную проблему: по мере того, как разработчики ИИ в Европе стремятся соответствовать требованиям EU AI Act, они часто оказываются зависимыми от услуг облачных провайдеров, контролируемых американскими компаниями (Amazon, Microsoft, Google). Это создает ситуацию, при которой техническая суверенность данных снижается, несмотря на формальное соответствие европейскому регулированию [7].

Таким образом, европейская модель может быть охарактеризована как стремящаяся к информационной прозрачности и управлению качеством данных при сохранении доступа к глобальным источникам информации. Это позволяет европейским разработчикам создавать конкурентоспособные модели, но не решает фундаментальную проблему технологической зависимости от американской облачной инфраструктуры и глобальных сетей передачи данных.

Китайская модель: локализация данных и государственный контроль. КНР развивает модель, которая в отношении источников обучения LLM занимает позицию, существенно отличающуюся как от американской, так и от европейской. Регулятивная система, основанная на законах о защите персональных данных (Personal Information Protection Law, PIPL) и Cybersecurity Law (CSL), формирует требование к локализации данных на территории Китая. Эти требования наиболее явно применяются к персональным данным, но их логика распространяется и на требования к суверенности данных, используемых для обучения моделей ИИ.

В рамках китайской системы функционирует концепция «контролируемого доступа» к интернету («Great Firewall»), которая ограничивает возможность китайских компаний использовать иностранные источники данных для обучения моделей. Вместо этого предполагается использование

данных, собранных внутри Китая или из китайского сегмента интернета. Это означает, что китайские разработчики LLM (такие как Baidu) вынуждены работать с существенно более ограниченным объемом исходных данных в сравнении с их американскими конкурентами.

Компания Baidu, один из крупнейших разработчиков LLM в Китае, представила серию моделей под названием ERNIE (Enhanced Representation through Knowledge Integration). Эти модели обучаются на данных, собранных в основном из китайского сегмента интернета, китайских социальных сетей, китайских онлайн-платформ и специализированных датасетов, созданных в соответствии с требованиями китайского регулирования. Несмотря на то, что Baidu инвестирует значительные ресурсы в разработку этих моделей, они остаются менее конкурентоспособными на глобальном рынке в сравнении с ChatGPT и Claude, отчасти именно потому, что они обучены на более ограниченном наборе данных.

Однако китайский подход имеет четкую логику с точки зрения государственного контроля и информационной безопасности. Ограничивая доступ китайских разработчиков к глобальным источникам данных, государство обеспечивает уровень контроля над контентом, используемым для обучения моделей, что соответствует китайской политике информационного суверенитета. Это означает, что модели, разработанные в Китае, с меньшей вероятностью «знают» о контактах, которые государство считает чувствительными или потенциально дестабилизирующими.

Кроме того, китайский подход создает стимулы для развития национальной экосистемы компаний, занимающихся обработкой и структурированием данных. В то время как в США основной объем работы с данными сосредоточен в руках нескольких крупных компаний (OpenAI, Google, Meta), в Китае развивается более распределенная система, включающая государственные учреждения, университеты и частные компании, которые все работают в рамках единого нормативного пространства.

Однако не следует переоценивать успехи китайского подхода. В 2023–2024 годах выявилось, что китайские LLM, несмотря на значительные инвестиции, отстают от западных аналогов по многим параметрам качества, что отчасти объясняется именно ограничениями на доступ к глобальным источникам данных и на использование иностранных облачных сервисов.

Российская модель: суверенное институциональное обучение. Находящийся на стадии завершения обсуждения проект Федерального закона об основах государственного регулирования технологий искусственного интеллекта Российской Федерации предлагает подход, который можно охарактеризовать как «суверенное институциональное обучение». Этот подход в ряде аспектов напоминает китайский, но имеет и существенные особенности.

Ключевое положение закона содержится в статье 7 законопроекта, которая определяет понятие суверенных и национальных больших фундаментальных моделей. Согласно этой статье, суверенная модель должна соответствовать следующим требованиям: во-первых, все стадии разработки и обучения моделей должны осуществляться на территории Российской Федерации; во-вторых, все стадии разработки, обучения и эксплуатации моделей должны осуществляться гражданами Российской Федерации и российскими юридическими лицами; в-третьих, обучение моделей должно происходить с использованием наборов данных, формирование которых осуществляется на территории Российской Федерации гражданами Российской Федерации и российскими юридическими лицами.

Обсуждаемая в России модель обучения предусматривает создание реестра «доверенных моделей», которые соответствуют установленным требованиям безопасности и качества. Эти модели будут обязательны к использованию в государственных информационных системах и на значимых объектах критической информационной инфраструктуры. Таким образом, государство явно переходит к стратегии разработки собственных фундаментальных моделей ИИ, которые не будут зависеть от глобальных сервисов.

Одним из ключевых принципов обсуждаемой в России модели обучения является «учет и уважение традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В законопроекте предусмотрено, что разработка, внедрение и применение технологий ИИ должны осуществляться на основе таких ценностей, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений.

Это положение, если его понимать буквально, означает, что наборы данных, используемые для обучения суверенных моделей, должны быть не только локализованы на российской территории и собраны российскими субъектами, но и отвечать определенным критериям духовно-нравственной приемлемости. Таким образом, Россия предлагает подход, который не только локализует данные географически и институционально, но и пытается обеспечить их нормативную приемлемость с точки зрения государственных ценностей.

Статья 8 обсуждаемого проекта закона предусматривает обязательное использование доверенных моделей в государственных информационных системах. Процедура включения моделей в реестр доверенных моделей предполагает подтверждение их соответствия требованиям безопасности (осуществляемое органами противодействия техническим разведкам

и органами, уполномоченными в области обеспечения безопасности) и требованиям качества (осуществляемое отраслевыми федеральными органами исполнительной власти).

Следовательно, очевидно, в России будет реализована модель, при которой государство явно контролирует каждый этап разработки и применения LLM, начиная с отбора и структурирования исходных данных и заканчивая проверкой соответствия готовых моделей установленным стандартам.

Сравнительный анализ четырех подходов (американского, европейского, китайского и российского) к регулированию источников обучения LLM выявляет фундаментальный парадокс, который можно сформулировать так: максимальная суверенность в отборе и использовании источников обучения данных неизбежно ведет к снижению качества и конкурентоспособности создаваемых моделей, а стремление к конкурентоспособности предполагает использование глобальных источников данных, что ограничивает суверенность.

Этот парадокс коренится в технических реалиях разработки современных LLM. Согласно исследованиям, опубликованным в работе «Training Compute-Optimal Large Language Models», ставшей известной как «Chinchilla scaling law», оптимальное соотношение между размером модели и количеством токенов для обучения составляет примерно 20 текстовых токенов на один параметр модели. Это означает, что модель с 70 миллиардами параметров требует для оптимального обучения примерно 1,4 триллиона токенов [8].

Объем русскоязычного текста в интернете, по различным оценкам, составляет примерно 50–100 миллиардов токенов. Это означает, что при обучении суверенной российской модели исключительно на русскоязычных данных, полученных и обработанных в России, разработчики смогут получить примерно 1/15 или 1/30 от минимально необходимого объема данных для оптимального обучения. Такое радикальное сокращение объема обучающих данных неизбежно приведет к снижению качества модели, ее менее высокой способности к обобщению и меньшей адаптивности к различным задачам.

Попытка компенсировать этот дефицит через использование синтетических данных, созданных другими моделями, создает дополнительные проблемы. Во-первых, это может привести к накоплению ошибок при многократном использовании синтетических данных. Во-вторых, модель, обученная на синтетических данных, созданных менее качественной моделью, не может превзойти качество своего «учителя», что вызывает застой в развитии.

К тому же ограничение набора данных исключительно русскоязычным контентом и контентом, собранным и обработанным в России,

означает, что модель будет иметь систематически более слабые знания в ряде областей, где большинство высокозначимого контента опубликовано на других языках. Это в первую очередь касается естественных и технических наук, где большинство научных публикаций выпускается на английском языке, а также ряда гуманитарных дисциплин, где существует богатая традиция англоязычной литературы.

Второй уровень парадокса связан с инструментальной приемлемостью моделей. Даже если российским разработчикам удастся создать модель, обученную исключительно на российских данных, которая будет более-менее приемлема по качеству благодаря использованию передовых архитектур и значительных инвестиций в вычислительные мощности, подобная модель останется менее универсальной, чем ее глобальные аналоги. Это означает, что при прочих равных условиях, компании и организации, имеющие доступ как к российской, так и к глобальным моделям, выберут последнее для критичных приложений.

Третий уровень парадокса касается образования и научных кадров. Разработчики LLM, обученные в российской системе образования и работающие в России, находятся в ситуации, при которой большинство передовых идей и методов в области разработки LLM публикуется и обсуждается в англоязычной научной коммуникации. Попытка развивать суверенные модели, используя исключительно русскоязычные научные источники, означает систематическое отставание от мировых тенденций развития указанного направления.

Американская модель в этом отношении оптимальна с точки зрения достижения конкурентоспособности, но представляет риски с точки зрения государственного контроля. Европейская модель пытается найти компромисс через требования к прозрачности и управлению данными, но не решает проблему технологической зависимости от американской облачной инфраструктуры. Китайская модель достигает относительного соответствия между суверенностью и контролем, но ценой отставания в конкурентоспособности. Российская модель сделает ставку на максимальную суверенность, сознательно принимая риски в отношении конкурентоспособности.

Однако следует отметить, что этот парадокс может быть частично смягчен или иначе переосмыслен при анализе долгосрочных стратегических целей. Американская система хотя и обеспечивает текущее лидерство в области LLM, но создает асимметричную зависимость: государства и компании других стран вынуждены полагаться на американские решения и американскую облачную инфраструктуру. Это означает потенциальную уязвимость в случае введения санкций, геополитических конфликтов или попыток «отключить» иностранных конкурентов от критичных сервисов. Более того, данные, используемые для обучения американских моделей, содержат информацию из всех регионов мира, что потенциально может привести

к проблемам в области конфиденциальности и управления персональной информацией граждан других стран.

Проведенный анализ четырех моделей подхода к источникам обучения LLM выявил следующие ключевые результаты:

во-первых, существует явный компромисс между суверенностью, качеством и конкурентоспособностью. Каждая из четырех моделей делает различный выбор в этом трехмерном пространстве:

– американская модель: приоритет отдается качеству и конкурентоспособности, минимизация суверенности (в смысле государственного контроля над источниками данных);

– европейская модель: попытка баланса между качеством и управлением данными, частичное сохранение суверенности через требования к прозрачности;

– китайская модель: выбор между суверенностью и контролем, принятие снижения качества как цены за независимость;

– российская модель: максимальный приоритет суверенности и контролю, осознанное принятие снижения качества как неизбежного следствия;

во-вторых, географическая локализация данных сама по себе не гарантирует суверенность моделей. Даже если все данные происходят из русскоязычного интернета и собраны российскими субъектами, это не означает, что модель будет иммунна к влиянию мировых тенденций в области информационных технологий. Более того, если модель будет менее конкурентоспособна, это может привести к де-факто зависимости от импортных моделей, что снижает практическую суверенность;

в-третьих, экосистемный фактор является критичным. Американское лидерство в области LLM объясняется не только доступом к лучшим данным, но и наличием сильной экосистемы: венчурный капитал, исследовательские учреждения, талантливые специалисты, облачная инфраструктура, университеты. Попытка разработать суверенные модели без соответствующей экосистемы поддержки вероятнее всего приведет к менее конкурентоспособным решениям;

в-четвертых, вопрос о нормативности данных — о том, какие ценности должны быть встроены в модель — остается нерешенным. EU AI Act обходит эту проблему, фокусируясь на управлении рисками, а не на содержании данных. Американский подход вообще не рассматривает эту проблему на уровне закона. Китайский подход решает ее через систему контроля интернета и цензуры. Российский подход пытается решить ее через явные критерии «духовно-нравственной приемлемости», но определение таких критериев остается неясным и потенциально проблематичным;

в-пятых, долгосрочные сценарии развития различны. Американские модели, вероятно, будут продолжать совершенствоваться благодаря доступу к глобальным данным и постоянной конкуренции. Европейские модели будут стремиться к специализированному, высокого качества

развитию в рамках жестких нормативных требований. Китайские модели будут развиваться в направлении локализованных и специализированных применений. Российские модели, если будут разработаны в соответствии с проектом закона, будут представлять собой специализированные, ориентированные на внутренний рынок системы, которые не будут конкурентоспособны на глобальном рынке, но могут быть приемлемы для внутреннего применения в государственном секторе и критичной инфраструктуре.

Вопрос об источниках обучения LLM является не только технической, но и правовой проблемой. Неодинаковые подходы, которые выбирают различные страны, отражают их уникальное видение баланса между инновацией, безопасностью и суверенностью. Опыт американской, европейской и китайской моделей может быть полезен при реализации российского подхода, не столько для того, чтобы копировать указанные модели, сколько для того, чтобы предусмотреть потенциальные последствия и попытаться найти решения, которые бы минимизировали отрицательные эффекты при максимизации положительных.

Список использованных источников:

1. Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: проект Федер. закона № 166424 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. — URL: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/> (дата обращения: 19.03.2026).

2. Language Models are Few-Shot Learners / Т.В. Brown, В. Mann, N. Ryder [et al.] // *Advances in Neural Information Processing Systems 33 (NeurIPS 2020): [proceedings of the 34th Conference, 2020, December 6–12]*. — 2020. — Vol. 33. — P. 1877–1901. — URL: proceedings.neurips.cc (date of access: 19.03.2026).

3. Common Crawl Foundation: [официальный сайт]. — Сан-Франциско. — URL: commoncrawl.org (дата обращения: 19.03.2026).

4. Radford, A. Language Models are Unsupervised Multitask Learners / A. Radford, J. Wu, R. Child [et al.] // OpenAI: [official website]. — 2019. — URL: cdn.openai.com (дата обращения: 19.03.2026).

5. Предложение по Регламенту Европейского парламента и Совета, устанавливающему гармонизированные правила в области искусственного интеллекта (Закон об искусственном интеллекте) и вносящему изменения в некоторые законодательные акты Союза: COM(2021) 206 final // EUR-Lex: [офиц. сайт]. — Брюссель, 2021. — URL: eur-lex.europa.eu (дата обращения: 19.03.2026).

6. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта (Закон об искусственном интеллекте): [принят 13 июня 2024 г.] // Официальный журнал Европейского Союза. — 2024. — Т. 67. — URL: eur-lex.europa.eu (дата обращения: 19.03.2026).

7. Devlin, J. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding / J. Devlin, M.-W. Chang, K. Lee, K. Toutanova. — arXiv:1810.04805 [cs.CL]. — 2019. — 16 p. — URL: arxiv.org (date of access: 19.03.2026).

8. Training Compute-Optimal Large Language Models / J. Hoffmann, S. Borgeaud, A. Mensch [et al.] // arXiv:2203.15556 [cs.CL]. — 2022. — 29 p. — URL: arxiv.org (date of access: 19.03.2026).

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» И ЗАКОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
«О СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РЕГУЛИРОВАНИИ
ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

С.Л. Мельник

Судебно-экспертная деятельность является неотъемлемым элементом современного правосудия, обеспечивающим внедрение специальных знаний в процесс доказывания. Эффективность и достоверность экспертных исследований напрямую зависят от четкости и полноты их правового регулирования. Российская Федерация и Республика Беларусь, обладающие общностью исторического развития правовых институтов, демонстрируют как схожие, так и различные подходы к построению законодательной основы судебной экспертизы.

Объектом настоящего исследования выступают Федеральный закон Российской Федерации № 73-ФЗ и Закон Республики Беларусь № 281-З. Предметом — сходства и различия в закрепленных ими концептуальных подходах, принципах, организационных моделях и процедурных нормах. Цель статьи — провести детальный сравнительно-правовой анализ указанных нормативных актов для выявления общих тенденций и национальных особенностей правового регулирования судебно-экспертной деятельности. Задачи включают: сравнение предмета регулирования и принципов; анализ моделей организации экспертной службы и статуса эксперта; исследование процедур производства экспертиз; оценку механизмов контроля качества и обеспечения деятельности.

Методологическую основу составили методы сравнительно-правового, формально-юридического и системного анализа.

Предмет регулирования, цели и принципы: концептуальные основы указанных нормативных актов.

Оба закона закрепляют общий предмет регулирования — общественные отношения, возникающие в связи с организацией и производством судебных экспертиз в рамках судопроизводства. Однако уже на этом уровне видны терминологические и концептуальные различия.

ФЗ Российской Федерации в названии и тексте акцентирует внимание на «государственной» судебно-экспертной деятельности (ст. 1). Его центральным предметом является деятельность именно государственных судебно-экспертных учреждений (ГСЭУ) и государственных судебных экспертов. Регулирование негосударственной экспертной деятельности вынесено в краткую ст. 41, отсылающую к процессуальному законодательству.

Таким образом, ФЗ Российской Федерации *de facto* является законом о государственной экспертной службе.

Закон Республики Беларусь использует более широкое понятие — «судебно-экспертная деятельность» (ст. 2), которое включает не только проведение экспертиз, но и деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций. Закон изначально ориентирован на регулирование деятельности как государственных, так и негосударственных субъектов (лицензиатов), что отражено в структуре и содержании норм. В Российской Федерации существует ведомственный нормативный правовой акт, который регламентирует ведение учетов органами внутренних дел, а именно — приказ МВД Российской Федерации от 10 февраля 2006 года № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации».

Задачи и принципы экспертной деятельности в целом совпадают, отражая универсальные требования к правосудию: содействие органам судопроизводства, законность, независимость эксперта, объективность, всесторонность и полнота исследований (ст. 2, 4, 5, 7, 8 ФЗ Российской Федерации; ст. 4, 5, 6, 8, 9 Закона Республики Беларусь). Однако Закон Республики Беларусь дополнительно включает принцип «допустимости и достоверности методов» (ст. 5), прямо связывая его с необходимостью применения методических материалов, одобренных Межведомственным научно-методическим советом (ст. 9). Этот принцип представляет собой качественно новую и детализированную гарантию научной обоснованности и, как следствие, доказательственной ценности судебной экспертизы. Данный принцип не существует изолированно, а получает конкретное нормативное наполнение и механизмы реализации в других статьях закона, формируя целостную систему обеспечения качества экспертного исследования. Статья 9 Закона Республики Беларусь раскрывает содержание этого принципа через следующие ключевые положения:

– обязанность эксперта применять допустимые и достоверные методы. Часть 1 ст. 9 прямо предписывает судебному эксперту проводить экспертизу «с применением допустимых и достоверных методов», что трансформирует общее требование научной обоснованности из этической категории в прямую правовую обязанность;

– приоритет одобренных методических материалов. Часть 2 ст. 9 устанавливает императивное правило: при проведении экспертиз должны использоваться методические материалы, которые одобрены и рекомендованы Межведомственным научно-методическим советом (МНМС) при Государственном комитете судебных экспертиз; включены в Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности.

В ФЗ Российской Федерации требование использовать современные достижения науки и техники (ст. 4) и проверяемость выводов (ст. 8) сформулировано более общим образом. Закон Республики Беларусь также

выделяет принцип «соблюдения интересов государства» наряду с правами личности (ст. 5, 7), что может рассматриваться как отражение специфики правовой системы.

В условиях интеграционных процессов в рамках Союзного государства особый интерес представляют нормы, регламентирующие международное сотрудничество. Статья 42 ФЗ Российской Федерации и статья 51 Закона Республики Беларусь содержат схожие положения о возможности проведения экспертиз для иностранных органов правосудия. Однако унификация экспертных методик и стандартов, к которой стремится белорусское законодательство через институт Межведомственного научно-методического совета, создает более благоприятную почву для взаимного признания результатов экспертиз. Отсутствие единого методического регулятора в Российской Федерации осложняет процесс гармонизации экспертной практики на межгосударственном уровне.

Организационные модели и субъекты судебно-экспертной деятельности. Наиболее существенные различия заключаются в подходах к организации системы экспертных учреждений и определению статуса эксперта. В частности, ФЗ Российской Федерации № 73 детально регулирует статус государственных судебно-экспертных учреждений (ГСЭУ). Под таковыми понимаются специализированные учреждения федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (ст. 11). Закон устанавливает их обязанность производить экспертизы для органов, расположенных на закрепленной территории, принцип единого научно-методического подхода и т.д. Экспертные подразделения силовых ведомств (МВД, СК) приравниваются к ГСЭУ. Создается классическая ведомственная модель.

Закон Республики Беларусь вводит родовое понятие «судебно-экспертная организация», которое делится на: государственные (органы Госкомитета судебных экспертиз, органы госбезопасности, таможни и др.) и негосударственные, действующие на основе лицензии (ст. 14). При этом ключевую координирующую и регуляторную роль играет Государственный комитет судебных экспертиз (ст. 10, 12). Это свидетельствует о более централизованной и унифицированной модели с четким выделением головного органа. Ведомственные экспертные службы других госорганов включены в единое правовое поле наряду с ГКСЭ. С нашей точки зрения, это более правильный подход, объединяющий всех экспертов в единую правовую систему. В Российской Федерации даже государственные экспертные службы имеют разное ведомственное правовое и финансовое сопровождение их деятельности.

Статус и требование к судебному эксперту также имеют свои особенности. Так, ФЗ № 73 Российской Федерации оперирует понятием «государственный судебный эксперт» — аттестованный работник ГСЭУ (ст. 12). К нему предъявляются следующие требования: наличие гражданства

Российской Федерации, высшего образования, дополнительное профессиональное образование по экспертной специальности (для экспертов МВД допускается среднее профессиональное образование в области судебной экспертизы) (ст. 13). Аттестация и периодический пересмотр квалификации (раз в 5 лет) проводятся экспертно-квалификационными комиссиями соответствующих ведомств. Статус негосударственного эксперта данным законом не регламентируется. Требования к квалификации негосударственного эксперта законодательством Российской Федерации не урегулированы.

Закон Республики Беларусь дает широкое определение понятия «судебный эксперт», охватывающее: работников государственных судебно-экспертных организаций, имеющих свидетельство о праве самостоятельного проведения экспертиз; работников негосударственных организаций и индивидуальных предпринимателей, имеющих свидетельство о присвоении квалификации судебного эксперта (ст. 16). Таким образом, закон проводит формальное различие между двумя типами статуса в зависимости от принадлежности к государственной или негосударственной сфере, хотя требования к образованию и опыту для получения квалификации являются общими (высшее образование по определенной специальности, стаж работы, освоение дополнительной образовательной программы, сдача квалификационного экзамена) (ст. 21). Единый орган — Комиссия по вопросам лицензирования при ГКСЭ — принимает решения о присвоении квалификации для негосударственных экспертов. Для государственных экспертов аттестацию на право самостоятельного проведения экспертиз проводят ведомственные ЭКК, но они могут обращаться в ЭКК ГКСЭ (ст. 19, 20). Закон Республики Беларусь также устанавливает обязательное повышение квалификации для негосударственных экспертов каждые 3 года (ст. 26) и детальный порядок прекращения действия свидетельства (ст. 28).

Таким образом, Закон № 281 Республики Беларусь построен на дуалистической модели с единым центром регулирования (ГКСЭ), четко прописывающей статус как государственных, так и лицензируемых негосударственных экспертных институтов. ФЗ Российской Федерации фокусируется на ведомственной государственной модели, оставляя негосударственный сектор на периферии прямого законодательного регулирования.

Следует отметить, что сложившийся в Российской Федерации правовой вакуум в части регламентации негосударственной экспертной деятельности неоднократно становился предметом научных дискуссий и законодательных инициатив. В частности, профессиональным сообществом и законодателем обсуждается проект Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Данный законопроект предполагает переход от институциональной модели к функциональной, во многом схожей с белорусским подходом: введение единого реестра экспертов, унификация квалификационных требований и механизмов валидации методических материалов независимо от ведомственной принадлежности эксперта.

Однако на текущий момент дуализм правового регулирования сохраняется, создавая неравные условия для субъектов экспертной деятельности и риски оспаривания допустимости заключений частных экспертов исключительно по формальным основаниям.

Процедура организации и производства судебной экспертизы. Существенным аспектом сравнительного анализа является и экономическая составляющая экспертной деятельности. Закон Республики Беларусь (ст. 11, 29) более гибко подходит к вопросу оказания платных услуг государственными судебно-экспертными организациями, в том числе по заявлениям граждан и юридических лиц на досудебной стадии (на договорной основе). В Российской Федерации деятельность ГСЭУ жестко ориентирована на выполнение государственных заданий в рамках судопроизводства, а возможности проведения исследований для частных заказчиков ограничены бюджетным законодательством и приоритетом судебных поручений. Белорусская модель, таким образом, обеспечивает более широкий доступ граждан к реализации права на защиту своих интересов посредством использования специальных знаний вне рамок возбужденного дела.

В процессуальных аспектах законы во многом схожи, что объясняется общностью процессуальных кодексов Российской Федерации и Республики Беларусь, особенно в части, регламентирующей назначения и производства судебных экспертиз. Регламентируется основание производства (постановление/определение), права и обязанности руководителя организации и эксперта, порядок проведения комиссионных, комплексных, дополнительных и повторных экспертиз, содержание заключения. Но есть и различия.

Особого внимания заслуживает сравнительный анализ регламентации комиссионных и комплексных экспертиз, поскольку именно эти виды исследований вызывают наибольшее количество процессуальных сложностей на практике. ФЗ № 73 Российской Федерации (ст. 21, 22) и Закон Республики Беларусь (ст. 35) закрепляют схожие дефиниции. Комиссионная экспертиза проводится не менее чем двумя экспертами одной специальности. При этом российский законодатель делает акцент на том, что комиссионный характер определяется органом, назначившим экспертизу, либо руководителем ГСЭУ. В белорусском законодательстве формулировка более императивна: комиссионный характер может быть также обусловлен сложностью исследования, что дает руководителю судебно-экспертной организации больше дискреционных полномочий по формированию комиссии для обеспечения полноты исследования.

Существенные нюансы прослеживаются в регулировании комплексных экспертиз (исследований, проводимых экспертами разных специальностей). Статья 23 ФЗ № 73 Российской Федерации устанавливает, что каждый эксперт подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет ответственность только за нее. Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов.

Закон Республики Беларусь не содержит столь жесткого требования о разделении подписей под исследовательскими частями, акцентируя внимание на синтезирующей роли экспертов. Более того, белорусское законодательство вводит понятие «ведущий эксперт» (организатор), который координирует деятельность комиссии, но не пользуется преимуществами при решении вопросов по существу. В российском законе статус «эксперта-организатора» прямо не закреплен, хотя на практике эта функция реализуется руководителем комиссии.

Интересным представляется и подход к разрешению разногласий. В обеих правовых системах эксперт, не согласный с мнением коллег, вправе дать отдельное заключение. Однако Закон Республики Беларусь содержит уточнение, касающееся ситуаций, когда разногласия возникают на этапе выбора методов исследования, что позволяет купировать конфликт методик еще до начала активной фазы экспертизы, обеспечивая тем самым процессуальную экономию.

Так, во-первых, ФЗ № 73 Российской Федерации не устанавливает общего процессуального срока производства экспертизы в ГСЭУ, указывая лишь на обязанность руководителя контролировать соблюдение сроков с учетом дат, установленных судом (ст. 14). Закон Республики Беларусь устанавливает общий срок 30 календарных дней с момента регистрации постановления и предоставления объектов, с подробным регламентом его исчисления и продления (ст. 33). Во-вторых, ФЗ Российской Федерации обязывает организации предоставлять по запросам ГСЭУ образцы продукции, техническую документацию и др. (ст. 39). Аналогичная норма в Законе Республики Беларусь отсутствует, что может компенсироваться общими нормами об истребовании доказательств в процессе. В-третьих, оба закона допускают присутствие лиц, наделенных таким правом процессуальным законом. Однако ФЗ Российской Федерации специально оговаривает запрет на их присутствие на стадии совещания экспертов и формулирования выводов (ст. 24). В Законе Республики Беларусь аналогичный запрет сформулирован более широко: «При составлении заключения судебного эксперта присутствие участников процесса и иных лиц не допускается» (ст. 34). В-четвертых, Закон Республики Беларусь дает и более широкий перечень, включая, помимо традиционных, «объекты либо предполагаемые объекты интеллектуальной собственности», «системы, технологии, информационные массивы» (ст. 32), что отражает современные реалии.

Особенности регулирования экспертиз в отношении живых лиц (физических лиц). Оба нормативных акта содержат специальные главы, гарантирующие права и законные интересы лиц, в отношении которых проводится экспертиза, особенно при стационарном обследовании. Закрепляются принципы добровольности (принудительности), запрет на болезненные и опасные методы, право на информирование, получение медицинской помощи. К различиям в процессуальном статусе лиц, в отношении которых

проводится экспертиза, можно отнести: сроки стационарного обследования: ФЗ Российской Федерации устанавливает четкие и императивные сроки: до 30 дней, с возможностью продления судьей еще на 30, а в исключительных случаях — повторного продления, но не более 90 дней в общей сложности (ст. 30). Закон Республики Беларусь указывает на помещение в стационар «на срок, необходимый для проведения судебной экспертизы» (ст. 36), не устанавливая максимального порога, что может создавать риски чрезмерно длительного ограничения свободы; регламентация судебно-психиатрических экспертных стационаров: Закон Республики Беларусь отличается исключительной детализацией в регламентации деятельности стационаров (ст. 39–44). Он разделяет стационары на «с общим наблюдением» и «со строгим наблюдением» (для содержащихся под стражей), детально прописывает правила внутреннего распорядка, права и обязанности содержащихся лиц, порядок охраны, применения мер физического стеснения. ФЗ Российской Федерации содержит лишь базовые нормы о типах медицинских организаций и общих гарантиях.

Контроль качества, научно-методическое и ресурсное обеспечение. В данной сфере различия двух изучаемых законов наиболее разительны и демонстрируют разную степень систематизации и централизации деятельности экспертов.

Научно-методическое обеспечение в ФЗ № 73 Российской Федерации ограничивается общей отсылкой к необходимости применения современных достижений науки и единому научно-методическому подходу (ст. 11). Закон Республики Беларусь № 281 создает целостную систему: вводится понятие «методические материалы», формируется Межведомственный научно-методический совет при ГКСЭ, ведется Реестр методических материалов, обязательных для применения (ст. 48, 49). Это устанавливает механизм контроля за научной обоснованностью экспертных методик.

Криминалистические учеты и коллекции в ФЗ № 73 Российской Федерации не регулируются. В Законе Республики Беларусь ему посвящена отдельная глава 6, определяющая правовой режим формирования и использования учетов и коллекций, в том числе порядок обработки персональных данных в них (ст. 45–47).

Закон Республики Беларусь обязывает ГКСЭ вести и публиковать в интернете Реестр судебно-экспертных организаций и индивидуальных предпринимателей и Реестр судебных экспертов с указанием их специализации (ст. 50). Это важный инструмент информационной прозрачности и выбора эксперта. В Российской Федерации подобные реестры ведутся ведомствами (например, Минюстом) разрозненно и не имеют единой законодательной основы.

Закон Республики Беларусь прямо предусматривает лицензирование деятельности по проведению судебных экспертиз (ст. 13), интегрируя это в общую систему регулирования. В Российской Федерации вопрос

о лицензировании экспертной деятельности на федеральном уровне прямо не урегулирован.

Кардинальные различия наблюдаются в механизмах дисциплинарной ответственности и лишения права на профессию. Федеральный закон № 73 Российской Федерации фактически не содержит специального раздела, регулирующего порядок лишения статуса государственного судебного эксперта. Этот вопрос решается в рамках трудового законодательства и ведомственных приказов об аттестации. Если эксперт допускает грубые ошибки, он может быть уволен или не пройти очередную аттестацию (через 5 лет), однако единого реестра лиц, лишенных права производства экспертиз, не существует. Уволенный за некомпетентность государственный эксперт в Российской Федерации может на следующий день зарегистрироваться как индивидуальный предприниматель или устроиться в ООО и продолжить деятельность как негосударственный эксперт, поскольку закон не запрещает этого.

Закон Республики Беларусь подходит к данному вопросу с позиций жесткого государственного регулирования. Статья 28 Закона содержит исчерпывающий перечень оснований для прекращения действия свидетельства о присвоении квалификации судебного эксперта. К ним относятся не только вступление в силу приговора суда, но и:

- установление фактов систематического (два и более раза в течение года) нарушения порядка проведения судебных экспертиз;
- выявление фактов представления недостоверных сведений для получения свидетельства;
- невозможность выполнения профессиональных обязанностей по состоянию здоровья.

Более того, решение о прекращении действия свидетельства принимает Комиссия при ГКСЭ, и данная информация немедленно вносится в публичный Реестр. Это создает институт «дисквалификации», который действует универсально для всей территории страны и для всех форм экспертных организаций. Человек, лишенный свидетельства в Республике Беларусь, юридически лишается права проводить экспертизы, что служит мощным превентивным фактором, стимулирующим соблюдение методик и стандартов. Отсутствие аналогичного механизма «запрета на профессию» в ФЗ Российской Федерации является существенным пробелом, позволяющим недобросовестным участникам рынка экспертных услуг мигрировать между частными организациями, уходя от ответственности за заведомо ложные или некачественные заключения.

Закон Республики Беларусь, будучи новым актом, содержит детальные нормы о порядке своего вступления в силу, приведении в соответствие иных актов законодательства (ст. 54–56), включая масштабные изменения в УПК Республики Беларусь (синхронизация терминов «производство» → «проведение» экспертизы). ФЗ Российской Федерации, неоднократно изменявшийся, таких комплексных переходных норм не содержит.

Следовательно, проведенный сравнительный анализ двух нормативных актов, регламентирующих экспертную деятельность в Российской Федерации и Республике Беларусь, позволяет прийти к следующим выводам.

Оба закона базируются на общих конституционных принципах, международных стандартах и исторически сложившейся модели судебной экспертизы, интегрированной в систему правоохранительных органов. Их ядро составляют схожие принципы независимости, объективности и законности. Нами выявлены различия в предмете и охвате регулирования этими законами. ФЗ Российской Федерации является по своей сути законом о государственной судебно-экспертной службе, оставляющим негосударственный сектор для регулирования процессуальными кодексами. Закон Республики Беларусь является комплексным кодифицирующим актом, охватывающим всю судебно-экспертную деятельность, с детальным регулированием как государственного, так и лицензируемого негосударственного сегмента.

Закон Республики Беларусь выстраивает централизованную модель с четко обозначенным координирующим и регуляторным центром в лице Государственного комитета судебных экспертиз, едиными реестрами и системой научно-методического контроля. ФЗ № 73 Российской Федерации отражает ведомственно-децентрализованную модель, где ключевую роль играют отдельные федеральные органы исполнительной власти. Закон Республики Беларусь, принятый почти на два десятилетия позже, отличается значительно более высокой степенью детализации и систематизации деятельности экспертов. Он регулирует вопросы, которые в Российской Федерации либо решаются подзаконными актами ведомств (аттестация, методическое обеспечение), либо остаются в правовой неопределенности (статус негосударственного эксперта). Закон Республики Беларусь также более адекватно отражает современные реалии (интеллектуальная собственность, информационные системы).

Оба закона стремятся к этому балансу. Детальная регламентация стационаров и сроков в ФЗ Российской Федерации может рассматриваться как более строгая гарантия от произвола. В то же время комплексный процессуальный регламент и система контроля качества в Закон Республики Беларусь направлены на обеспечение достоверности экспертизы, что также является важной гарантией прав. В перспективе развитие российского законодательства в области судебно-экспертной деятельности могло бы учесть опыт белорусских коллег в части кодификации норм о негосударственной экспертизе создания единой системы научно-методического контроля и реестров; усиления роли единого координационного органа (возможно, при федеральном органе юстиции или создание независимого Комитета экспертов). Это способствовало бы повышению прозрачности, качества и общественного доверия к судебно-экспертной деятельности в целом.

Следует отметить, что гармонизация законодательства о судебно-экспертной деятельности в рамках Союзного государства представляется

не только возможной, но и необходимой. Сравнительный анализ показал, что белорусская модель правового регулирования эволюционировала от ведомственной раздробленности к централизованной системе управления качеством (Quality Management System) в масштабах всей страны. Российская Федерация, сохраняя традиционный институциональный подход, стоит перед необходимостью выбора: либо дальнейшее совершенствование ведомственных регламентов, либо кардинальная реформа по созданию надведомственного регулятора. Опыт Республики Беларусь наглядно доказывает эффективность кодификации норм, регулирующих и государственный, и частный сектор экспертизы, в рамках единого законодательного акта. Имплементация рассмотренных положительных практик в российское правовое поле позволила бы минимизировать экспертные ошибки и повысить уровень защиты прав и законных интересов участников судопроизводства.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Н.Е. Муллахметова

Актуальность, теоретическая и практическая значимость рассматриваемой проблемы определяется, прежде всего, тем, что отсутствие правовой регламентации механизма использования нейросетей в уголовном судопроизводстве, гарантий конфиденциальности, единых стандартов, системы контроля качества в этой сфере, правил оценки доказательств, полученных с помощью искусственного интеллекта, является сдерживающим фактором для максимального использования его возможностей и снижения нагрузки на сотрудников судебной и правоохранительной системы.

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что искусственный интеллект может выступать в качестве эффективного вспомогательного инструмента при планировании расследования в целом и конкретных следственных действий, определении предмета доказывания, составлении процессуальных документов, систематизации, обработке информации, выявлении логических ошибок, внутренних противоречий в материалах дела, обосновании решений, выполнении других повседневных рутинных задач. С учетом изложенного требуется разумный подход к внедрению искусственного интеллекта (ИИ) в уголовное судопроизводство, обеспечивающий информационную безопасность, гарантии прав личности, законность, обоснованность и справедливость итоговых процессуальных решений.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания, а также общенаучные и специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой. Использование общенаучных методов познания (анализа, синтеза, метода прогнозирования)

позволило обосновать выводы и предложения по исследуемому вопросу, оценить преимущества, перспективы применения технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе, а также связанные с этим риски. При формулировании выводов и предложений автор опирался на опубликованные в юридических изданиях научные работы по теме, выступления представителей судейского сообщества, законодательство России и Республики Беларусь по вопросам цифровизации.

В последние годы вопросы цифровизации всех сфер государственного управления широко обсуждаются на страницах юридических изданий. Представить повседневную работу юриста без использования различных программных продуктов и современных компьютерных технологий уже невозможно. Разработана и обширная нормативная база по внедрению ИИ в государственное и муниципальное управление, в том числе в правоохранительную и судебную деятельность.

В России национальная стратегия развития ИИ до 2030 года была утверждена Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ» [1], где было дано определение ИИ как комплекса технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Аналогичное определение ИИ содержится в ФЗ от 24 апреля 2020 года № 123 [2].

В Республике Беларусь также приняты нормативные правовые акты, касающиеся разработки, внедрения и развития технологий ИИ. Например, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 135 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности» [3] роботостроение и ИИ признаются важнейшими направлениями инновационного развития страны до 2030 года. Существует также государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» [4], Декрет Президента Республики Беларусь № 12 «О Парке высоких технологий» [5]. В этих документах подчеркивается значимость внедрения современных цифровых технологий во все сферы государственного управления, что обеспечивает снижение административной нагрузки, экономию трудовых и временных ресурсов, упрощение документооборота.

Вместе с тем как в России, так и в Республике Беларусь в настоящий момент наблюдается неопределенность правового статуса и самого ИИ, и результатов, полученных с его помощью, хотя и предпринимаются попытки унифицировать законодательство в данной сфере. На заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 18 апреля 2025 года было принято решение об утверждении модельного закона «О технологиях ИИ», в котором приведены основные понятия и их определения (ИИ, анализ данных, защита данных, модель ИИ, нейронная сеть и др.). В данном

документе ИИ определяется как комплекс технологических решений, включающих информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы обработки данных и поиска решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решения без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [6].

Следует согласиться с теми авторами, которые отмечают, что геополитическая напряженность и курс на цифровой суверенитет не позволяют выработать глобальные правила для ИИ, смещая акцент на создание национальных и региональных моделей правового регулирования, в том числе в рамках СНГ [7, с. 104–105].

В последние годы появляются научные публикации, где глубоко исследуется понятийно-терминологический аппарат по изучаемой теме. Так, А.Э. Арзуманян рассматривает различные подходы к определению ИИ: антропоморфный (в основе которого лежит сходство деятельности ИИ с мыслительными процессами человека: рассуждение, обучение, выделение главного и др.), технологический (определение ИИ через алгоритмические парадигмы: эвристический поиск, машинное обучение, нейронные сети, т.е. акцент на методы разработки и функционирования), прагматический (связан с оценкой способности ИИ решать практические задачи). Автор приходит к выводу о наличии терминологической проблемы, о необходимости разграничения: 1) ИИ как области знаний и технологий; 2) системы ИИ как конкретного программного продукта; 3) функциональных ролей (ИИ-ассистент, автономный ИИ-агент). При этом под ИИ-ассистентом он предлагает понимать систему, которая выполняет исключительно вспомогательные функции (анализ больших объемов данных, выявление корреляционных связей, подготовка проектов документов, проверка на наличие противоречий и др.), а под автономным ИИ-агентом — систему, которой делегировано право на принятие отдельных процессуальных решений без участия человека. По мнению автора, закрепление в уголовно-процессуальном законе соответствующих дефиниций позволит определить правильные подходы в регулировании применения ИИ в деятельности правоохранительных органов и судов [8].

В рамках настоящей работы мы понимаем под ИИ нейросети, языковые модели, чат-боты, которые активно используются как в образовательном процессе, так и в практической деятельности, в том числе в уголовном судопроизводстве.

В юридической практике ИИ уже сейчас активно применяется не только для поиска правовой информации по конкретным запросам, ключевым словам, темам, но и для:

1) автоматизации анализа больших массивов правовых данных (структурирование, выделение главных положений, обобщение и др.);

2) оптимизации рутинных процессов при генерировании типовых форм юридических документов (договоров, заявлений, жалоб, запросов в органы власти и пр.), а также проверки текстов на предмет ошибок, несогласованных моментов;

3) прогнозирования результатов разрешения дел на основе выявления статистических закономерностей;

4) интеллектуального управления судебным делопроизводством (получение уведомлений о значимых сроках, поиск необходимых протоколов, судебных актов и пр.);

5) анализа записей при помощи «компьютерного зрения» (выявление на видеозаписях, фотоснимках различных объектов, их идентификация).

Вместе с тем внедрение ИИ сопряжено с определенными вполне обособленными опасениями. К их числу относятся проблема обеспечения прозрачности алгоритмов, т.е. решения, принимаемые ИИ, должны быть объяснимыми для пользователя; обеспечение безопасности при работе с ИИ и конфиденциальности; предвзятость и дискриминация (ИИ обучается на основе конкретных данных, и если в них содержится ошибка, то она переходит по «наследству» и приводит к существенному искажению итогового результата). Кроме того, поднимается и этический вопрос о роли человека в принятии важнейших процессуальных решений, об отсутствии у ИИ тех моральных качеств, которые есть только у людей (способность к сопереживанию, эмоциональная составляющая). Мало того, системы, использующие ИИ, автономны и могут обучаться на собственном опыте и выходить за рамки тех действий, которые планировались создателем.

Есть и другие риски, связанные с внедрением технологий ИИ в государственном управлении: неопределенность терминологии, что может привести к трудностям идентификации технологий автоматизации, контроля инвестиций на их разработку; ограниченность данных для обучения нейросетей, сложность распознавания новых феноменов; размывание сферы ответственности (например, в случае причинения вреда в результате применения управляемого ИИ ударного беспилотного летательного аппарата трудно определить виновное лицо, будет ли это оператор, программист или эксперт по данным) [9, с. 130].

М.С. Спиридонов определяет основные направления применения технологий ИИ в уголовном процессе: профилактика и выявление преступлений, прежде всего, совершаемых в интернет-пространстве, путем отслеживания финансовых транзакций, анализ эффективности контрольно-надзорных мероприятий; организация предварительного расследования (составление планов допроса, проектов процессуальных документов, выявление и исправление в них ошибок, обработка текстов и др.); ИИ в криминалистическом сопровождении расследования, в том числе в экспертной деятельности; оценка достаточности доказательств на досудебных и судебных стадиях процесса [10, с. 483–484].

В ведущих юридических практико-ориентированных журналах появляются интересные публикации о возможностях ИИ. Так, С.О. Махтук, обратившись к конкретной нейросети с вопросом о том, чем она может быть полезна для следователя или судьи, получил от нее ответ: анализ сложных текстов, процессуальных актов, в том числе на предмет противоречий и взаимосвязей, сопоставление версий, правовая проверка документов на соответствие законодательству, поиск судебных актов по заданной теме, выделение главных идей, поиск информации по реквизитам, обобщение, визуализация данных и многое другое. При этом он лично убедился в том, что нейросеть легко справляется с различными заданиями: переделать текст от третьего лица (когда требуется включить их в описательно-мотивировочную часть процессуального решения), сократить текст без потери смысла (если нужно привести содержание доказательства в обвинительном заключении), проверить текст на наличие ошибок и противоречий (таким образом можно обнаружить, например, несоответствия по времени, месту, когда усталость, т.н. человеческий фактор приводит к опечаткам), оценить доказательства и перспективы по делу, а также позиции сторон, составить план допроса с конкретными формулировками вопросов, проанализировать показания на предмет лжи (в том числе сопоставить с другими доказательствами) [11]. Конечно, полученные результаты не идеальны, но после проверки следователем вполне могут использоваться в практической деятельности.

Можно встретить также публикации, посвященные вопросам применения ИИ в уголовном процессе по отдельным видам производств. Так, В.В. Трухачев, У.Н. Амедов, А.И. Леонов провели комплексный анализ внедрения технологий ИИ в производство по делам о преступлениях несовершеннолетних. Они пришли к выводу о том, что у ИИ есть значительный потенциал для оптимизации расследования и судебного разбирательства по рассматриваемой категории дел (это и автоматизация рутинных процессов, и анализ цифровых следов и др.), но его бесконтрольное использование сопряжено с серьезными этико-правовыми рисками: алгоритмической предвзятостью (дискриминацией), стигматизацией (ситуацией, когда формируется негативное, предвзятое отношение к отдельному человеку с учетом конкретной характеристики или обстоятельства, т.е. вешается «ярлык»), нарушением принципа индивидуализации и превращением процесса в «черный ящик», когда решение нельзя оспорить. Применение ИИ в ювенальной юстиции, по мнению авторов, допустимо только при соблюдении принципа «человек в цикле», т.е. любое решение, которое затрагивает права несовершеннолетнего (избрание меры пресечения, назначение наказания или принятие альтернативного решения о применении принудительных мер воспитательного воздействия), должно приниматься исключительно правоприменителем, а рекомендации ИИ могут носить справочный характер и должны сопровождаться развернутой объяснительной запиской. Также необходимо обеспечить тщательную проверку и независимую экспертную оценку

алгоритмов, используемых ИИ. В противном случае ИИ превратится из помощника в инструмент дискриминации и подавления гуманистических основ правосудия [12]. Эти опасения касаются не только производства по делам несовершеннолетних.

Очевидно, что внедрение технологий ИИ в уголовный процесс связано и с определенными рисками: риск нарушения прав участников процесса в связи с применением шаблонов в расследовании, доказывании; нарушение принципа свободы оценки доказательств из-за использования математических алгоритмов с заранее установленными значениями качества доказательств.

В этой связи мы разделяем скепсис противников полноценного внедрения искусственного интеллекта в процесс уголовно-процессуального доказывания, ведь такие категории, как «внутреннее убеждение», «совесть», которые использует законодатель применительно к принятию решений судом, не поддаются программированию по заданным параметрам [13, с. 1210].

В 2025 году юридическое сообщество обсуждало жалобу адвоката, поданную на приговор Ейского городского суда Краснодарского края в связи с тем, что в тексте приговора были обнаружены признаки применения ИИ. Проведенная по инициативе адвоката-защитника осужденного лингвистическая экспертиза установила возможность генерации отдельных частей текста судебного акта нейросетью. Например, стилистика фразы «Все показания свидетелей, подсудимых, все интерпретации целой плеяды защитников доказательств по делу не отменяют объективной стороны данного состава преступления в данных обстоятельствах», по мнению адвоката, характерна для нейросети. В апелляционной жалобе было указано, что действующее российское законодательство не допускает участие ИИ при подготовке судебных решений, так как в данном случае исключается личное правовое размышление судьи. При этом адвокат отметил, что у защиты не было претензий к тому, что при изготовлении приговора использовался ИИ в целом, однако его смутило то, что ИИ применялся частично, в пяти фрагментах. «Это говорит о том, что либо судья, подписывая приговор, его не читал, либо искусственный интеллект используется только там, где необходимо обойти неудобные моменты и те вещи, которые они не могут описать» [14]. Но Краснодарский краевой суд оставил приговор в силе, отметив, что стилистика не влияет на законность и обоснованность решения.

В 2025 году Советом судей России была создана рабочая группа, которая призвана сформулировать концептуальные подходы к использованию ИИ в судебной деятельности. Хорошо зарекомендовали себя первые эксперименты в судах Белгородской и Амурской области по автоматизации приказного производства, создана программа-конструктор протоколов для таких дел. Рассматриваются и другие перспективные направления применения нейросетей в судах: анализ текста с целью выделения ключевых положений, краткое изложение сути позиций сторон на основе протокола судебного заседания [15].

Председатель Верховного Суда РФ Игорь Краснов в интервью «Российской газете» заявил, что поручил ускорить внедрение технологий ИИ в судебную деятельность. Но его нужно использовать для повышения эффективности анализа судебной практики, выявления противоречий в судебных актах, недостатков правовой регламентации. И. Краснов также отметил, что нейросети никогда не смогут заменить судью, потому что решения, касающиеся человеческих судеб, должны приниматься людьми. Технологии призваны лишь помогать оптимизировать рабочие процессы и повышать качество судопроизводства [16].

Конечно, остановить технический прогресс невозможно, нейросети, современные программные продукты открывают новые возможности для всех сфер государственного управления, в том числе для правоохранительной и судебной деятельности. Использование технологий ИИ в уголовном процессе способно оптимизировать работу правоприменителей, а также других участников, избавить следователей, дознавателей, судей, работников аппаратов судов от технической работы, повысить ее результативность, сократить сроки судопроизводства. Это относится к числу актуальных задач, особенно в условиях кадрового голода в правоохранительных органах. Однако в данном вопросе требуется обеспечить разумный баланс между желанием обеспечить экономию временных и человеческих ресурсов и соблюдением важнейших принципов уголовного процесса: свободы оценки доказательств, охраны прав и свобод личности и др. Чтобы ИИ стал надежным помощником следователя, дознавателя, прокурора и судьи, необходимо решить следующие задачи: 1) разработать и закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве дефиниции для используемых в судопроизводстве технологий ИИ с учетом их функциональной роли; 2) создать государственную систему сертификации систем ИИ для использования в сфере государственного управления, в том числе в уголовном судопроизводстве; 3) закрепить в УПК правила использования и оценки результатов использования ИИ, включающие тезис о том, что эти результаты не имеют заранее установленной силы и подлежат обязательной проверке в соответствии со ст. 87 УПК РФ, а также то, что использование ИИ не заменяет правоприменителя и не освобождает его от ответственности за принимаемые процессуальные решения; 4) ввести запрет на полную автоматизацию при принятии процессуальных решений, затрагивающих права и свободы граждан.

Список использованных источников:

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490: в ред. от 15.02.2024 (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Консультант Плюс. Россия: справ. правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 12.03.2026).

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий

искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ: в ред. Закона от 08.08.2024) // Консультант Плюс. Россия: справ. правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 12.03.2026).

3. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы: Указ Президента Республики Беларусь, 1 апреля 2025 г. № 135 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.03.2026).

4. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 2 февраля 2021 г. № 66: в ред. постановления Совета Министров Республики Беларусь от 23 декабря 2025 г. № 75 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

5. О Парке высоких технологий: Декрет Президента Республики Беларусь, 22 сентября 2005 г. № 12: в ред. Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2024 г. № 47-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 13.03.2026).

6. Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» (Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 18.04.2025 г. № 58-8). — URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1292 (дата обращения: 12.03.2026).

7. Ильина, Е.М. Государственная политика Республики Беларусь в сфере искусственного интеллекта / И.М. Ильина // Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: вызовы и тенденции: материалы круглого стола кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета. — Мн., 2024. — С. 102–107.

8. Арзуманян, А.Э. Искусственный интеллект в уголовном процессе: необходимость формирования доктринальных дефиниций / А.Э. Арзуманян // Право и политика. — 2026. — № 1. — С. 16–30.

9. Храмова, Ф.И. Технологии искусственного интеллекта в сфере государственного управления Республики Беларусь / Ф.И. Храмова, М.С. Шибут // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2025. — Vol. 1–4, № 100. — С. 127–137.

10. Спиридонов, М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании / М.С. Спиридонов // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — № 1(2). — С. 481–496.

11. Махтюк, С.О. Искусственный интеллект в уголовном процессе: от разговоров к делу. Эффективные способы упростить работу следователя и суда / С.О. Махтюк // Уголовный процесс. — 2025. — № 9. — URL: <https://e.ugpr.ru/1150278> (дата обращения: 12.03.2026).

12. Трухачев, В.В. Использование искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних: этико-правовые риски и перспективы реализации / В.В. Трухачев, У.Н. Амедов, А.И. Леонов // Вестник Воронежского института МВД России. — 2025. — № 4. — С. 228–235.

13. Махтюк, С.О. Искусственный интеллект в уголовно-процессуальном доказывании: никогда такого не было, и вот опять / С.О. Махтюк // Искусственный и естественный интеллект: алгоритмы, мышление и образовательные технологии: материалы XXI Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. — М., 2025. — С. 1204–1211.

14. Адвокат выявил признаки использования ИИ при составлении обвинительного приговора // Адвокатская газета. — 2025. — 21 окт. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-vyyavil-priznaki-ispolzovaniya-ii-pri-sostavlenii-obvinitelnogo-prigovora/> (дата обращения: 12.03.2026).

15. Совет судей изучит возможность применения ИИ в судебной системе // Российская газета. — 2025. — 16 апр. — URL: https://rg.ru/2025/04/16/prikaz-ot-robota.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.03.2026).

16. Игорь Краснов дал поручение ускорить внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность // Российская газета. — 2025. — 5 нояб. — URL: https://rg.ru/2025/11/05/igor-krasnov-dal-poruchenie-uskorit-vnedrenie-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnuu-deiatelnost.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.03.2026).

СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ПОДХОДЫ К КВАЛИФИКАЦИИ. ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

М.С. Савченко

Дискуссионность правовой природы субъектов международного права определяет необходимость уточнения их классификации на основе анализа и учета их важнейших характеристик. Методы научного познания субъектов международного права включают как общие подходы, применяемые в юридической науке, так и специфические, учитывающие особенности международных отношений и права: философские, общенаучные, частнонаучные и специальные.

Субъекты международного права классифицируются по различным основаниям, которые связаны с природой их правосубъектности, ее объемом, а также способом приобретения статуса. Классификация может быть основана на разных критериях, например на участии государств в создании международных организаций, признании в статусе субъекта и др. Значительное влияние на классификацию субъектов международного права оказывает глобализация, вызывая, например, ослабление роли национальных государств (основных акторов международной системы в узком смысле) и усиление роли субъектов с сильной транснациональной ориентацией, природа международной правосубъектности которых дискуссионна.

Взаимодействуя на международной арене, государства используют международное право как важнейший инструмент международного общения. Именно сотрудничество государств лежит в основе возникновения и последующего развития, совершенствования современного международного права, а государства являются основными его субъектами. Согласно общей теории права, правосубъектность и правоотношения — тесно связанные понятия. Субъекту правоотношений необходимо обладать совокупностью субъективных прав и юридических обязанностей, иметь возможность участвовать в правоотношениях и реально участвовать в них. Субъекты международного права — это стороны, лица, наделенные юридическими правами и обязанностями в общественных отношениях,

урегулированных международным правом. Следовательно, субъект международного права представляет собой носителя международных прав и обязанностей, источником которых являются нормы международного права. П.Н. Бирюков считает, что наличие прав и обязанностей у субъектов международного права — лишь одна из трех основных характеристик [1, с. 97]. Субъекты международного права — это коллективные образования, которые имеют элементы внутренней организации, например, постоянно действующие органы и другие структуры. Субъекты обладают нормотворческой дееспособностью, каждый субъект международного права имеет определенный международно-правовой статус. Исследователь подчеркивает, что для признания кого-либо субъектом международного права необходимо наличие у него всех указанных выше признаков, даже отсутствие одного будет означать, что то или иное лицо — не субъект международного права. Автор настоящей работы также считает, что выделение индивидов в качестве субъектов международного права является необоснованным.

Обычно исследователи выделяют первичных и вторичных субъектов международного права, но можно использовать и другие критерии. По критерию суверенитета выделяют такие субъекты международного права, как суверенные, потенциально суверенные, частично суверенные и несуверенные. Различают правосоздающих и правоприменяющих субъектов, универсальных и отраслевых. Если говорить о видах субъектов международного права по отраслевому критерию, то в зависимости от подотрасли международного права определяют субъекты права международных договоров и др. [2, с. 57]. Во избежание неточностей следует сказать, что основное разделение субъектов международного права исследователи называют по-разному, закладывая в классификацию единый смысл. Универсальные, первичные, традиционные субъекты международного права — это первая категория. Соответственно, производные, вторичные, нетрадиционные — вторая.

Традиционно мнение, что нормы международного права создавались исключительно государствами, т.к. они оставались длительное время единственными субъектами международного права. Несмотря на возрастающую роль международных организаций, которых сейчас насчитывается около двух тысяч, государства по-прежнему играют главную роль в международных правоотношениях и являются основными участниками международного нормотворчества. Ввиду обозначенной проблемы, соотнесем правосубъектность первичных субъектов международного права и вторичных. А.Н. Вылегжанин пишет о том, что международная правосубъектность ООН признана в соответствии с заключением Международного Суда ООН от 1949 года [3, с. 88]. Сравним правосубъектность государств и международных организаций по нескольким критериям. Если посмотреть на основания возникновения международной

правосубъектности, то становится ясно, что уже возникшее государство обладает такой правосубъектностью, никаких дополнительных действий для этого не нужно. С международными организациями ситуация иная, поскольку они возникают исключительно по воле государств, их создающих, поэтому их правосубъектность носит производный характер. Если обратиться к границам, или пределам, правосубъектности, то у государств, конечно, она будет куда шире. Международные организации образуются на основании уставов и иных учредительных документов, где и определяются цели, сферы их деятельности и многое другое, следовательно, это и выступает ограничением. А.Н. Вылегжанин в связи с этим выделяет различие между государствами и международными организациями, т.к. роль международных организаций в международном нормотворчестве не так велика.

Упомянутый выше автор не причисляет индивидов к первичным субъектам международного права, относя к таковым лишь государства. К вторичным субъектам международного права относят международные организации и государствовподобные образования, наделенные правосубъектностью государствами. При этом, например, А.Н. Вылегжанин определяет нации и народы, борющиеся за независимость, как отдельно существующую категорию [3, с. 88].

Таким образом, виды международной правосубъектности, присущей субъектам международного публичного права, можно классифицировать по следующим основаниям: *по основанию возникновения* (первичная — государства на основании суверенитета, производная — международные организации, нации и народы, которые борются за свое освобождение; государствовподобные образования); *по объему правомочий/объему правосубъектности* (общая — государства; отраслевая либо ограниченная в сравнении с государствами — международные организации в различных отраслях международного права; специальная — отдельные отношения в рамках конкретной отрасли, индивиды).

Несомненно, государства занимают доминирующее положение на международной арене и в настоящее время. Однако существуют идеи, концепции, согласно которым государство является единственным субъектом международного права. Государства признаются основными субъектами международного права по разным причинам: международное право сформировалось в самостоятельную отрасль права «в силу наличия в мире государств и объективной потребности правового регулирования их взаимоотношений»; современное международно-правовое регулирование общественных отношений в основном затрагивает отношения между государствами; государства являются субъектами международного права «исключительно в результате своего существования». Нет каких-либо ограничений по времени существования государства, правосубъектность государства может изменяться, но не утрачивается совсем, остальные

субъекты международного права непременно взаимодействуют с государствами [4, с. 93].

Современная юридическая наука не видит государство без наличия у властного политико-территориального образования совокупности необходимых признаков. Характеризующие государство юридические критерии были выработаны и нормами международного права в прошлом. Часть таких норм была закреплена в Межамериканской конвенции о правах и обязанностях государств, заключенной в Монтевидео (Уругвай) в 1933 г. [5]. Согласно тексту данной конвенции, для того чтобы являться субъектом международного права, государство должно обладать, во-первых, собственным населением, во-вторых, конкретной территорией, в-третьих, властными структурами, то есть правительством и т.п., в-четвертых, способностью самостоятельно выступать в отношениях с другими субъектами международного права [3, с. 89].

Рассмотрим важнейший признак государства — *государственный суверенитет*. В самом общем смысле он представляет собой обязательный признак, выраженный как в виде верховенства государственной власти внутри страны, так и в виде свободного участия в международных отношениях. В.И. Липунов указывает, что научные споры относительно государственного суверенитета ведутся по его отчуждаемости (или неотчуждаемости), его делимости, соотношению верховенства государственной власти и полновластия государства, а также по соотношению государственного суверенитета с суверенитетом народа и национальным суверенитетом и т.д. Развитие международного права во второй половине XX в. способствовало доктринальной разработке и юридическому закреплению различных международных инструментов обеспечения суверенитета государств. Сложилось и существует такое правовое регулирование межгосударственных отношений, в котором «краеугольным камнем... является государственный суверенитет» [6, с. 40–41]. К внешней стороне суверенитета относятся «право государства на мир, общение и сотрудничество с другими государствами, право на самооборону и нейтралитет, право на участие в работе международных конференций и организаций и т.д.» [2, с. 59]. К его внутренней стороне относят все права и обязанности государства в отношении его собственных граждан, территории, природных ресурсов и т.д. Суверенитет заключается в правах государства на законодательную и административную власть на своей территории и на беспрепятственное осуществление внешней политики [4, с. 93]. П.Н. Бирюков раскрывает это понятие шире — как выражение независимости и верховенства государственной власти во внутренней политике и равноправия в проведении внешней политики [1, с. 97]. Основными правовыми актами, регулирующими правопреемство государств, являются Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г. [7] и Венская конвенция о правопреемстве государств

в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 г. [8]. Другой элемент правосубъектности государств в международном праве — *признание* как односторонний акт государства, посредством которого юридически признается возникновение нового субъекта международного права с целью установления с ним дипломатических либо иных отношений.

К первичным субъектам международного права также относятся *нации и народы, борющиеся за самоопределение*. Их правосубъектность существует вне зависимости от волеизъявления иных субъектов международного права. В ходе истории развития международного права сформировались нормы, закрепившие возможности борющихся за самоопределение наций и народов касательно реализации своих прав. Данные субъекты международного права не просто находятся под защитой таких норм, они могут обратиться к принудительной силе в отношении тех, кто мешает им в реализации права на самоопределение. Не всякая нация может выступать субъектом международного права. Как отмечает П.Н. Бирюков, «нация должна иметь догосударственную форму организации: народный фронт, зачатки органов власти и управления, население на контролируемой территории и т.д.» [1, с. 98]. В данном аспекте мы можем встретить разделение мнений специалистов в области международного публичного права о том, необходимо ли этим субъектам международное признание для становления и обретения правосубъектности. Среди прав, которые входят в правосубъектность наций и народов, выделяют те, которые изначально присущи им ввиду национального суверенитета, и те, которые нации и народы стремятся получить, то есть на основании государственного суверенитета. К основным правам борющихся за независимость наций и народов П.Н. Бирюков относит: право на самостоятельное волеизъявление; право на защиту и помощь от других субъектов международного права; право на участие в деятельности международных организаций, конференций; право на участие в международном нормотворческом процессе; право нести международные обязательства [1, с. 99]. Также следует указать на закрепление ряда принципов, одним из которых является принцип равноправия и самоопределения народов. Этот ключевой для рассматриваемой темы принцип закреплен в ст. 1 Устава ООН [9], а также в принятой в 1970 году Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества [10]. Отметим, что данные источники используют формулировку «народы и нации», не вдаваясь в подробности. Ведутся споры о том, что можно уравнивать по своему смыслу с государством, а что только с этносом. Неоднозначна позиция ученых и относительно понимания права наций и народов на самоопределение и соотношения с еще одним принципом международного права — территориальной целостностью. Если обратиться к практической стороне проблемы,

то становится ясно, что национально-освободительное движение происходит с образованием различных органов власти борющейся нации с целью участия в международных отношениях и реализации своей правосубъектности. Т.Д. Матвеева приводит несколько примеров подобных структур, созданных ранее борющимися за независимость нациями и народами, а именно Народную организацию Юго-Западной Африки, Организацию африканского единства, Народную лигу Восточного Пакистана, ратовавшую за независимость бенгальского народа и провозгласившую Народную Республику Бангладеш, и другие [4, с. 101].

Государствоподобные образования как вторичные субъекты международного права — это особые политико-религиозные или политико-территориальные единицы, которые на основе международного акта или международного признания имеют относительно самостоятельный международно-правовой статус. Исходя из названия, мы видим, что рассматриваемые субъекты имеют ряд сходств с государствами. Помимо существующего в настоящее время Ватикана, исследователями выделялись такие формирования и в прошлых веках мировой истории, например, города Данциг и Фiume времен середины XX века в Европе и другие. С точки зрения международного права эти особые политико-религиозные или политико-территориальные единицы на основе международного акта или международного признания имеют относительно самостоятельный международно-правовой статус. Их основное отличие от государств — отсутствие какого-либо необходимого и важного для образования государства признака. Выделяются следующие основные виды государствоподобных образований: квазигосударства; транснациональные корпорации и мегакорпорации; виртуальные государства; сквоты и коммуны; национально-территориальные автономии. К.Е. Луковкин расположил их по степени сходства с государствами. На нижней ступени находятся сквоты или коммуны, путь которых очень схож с традиционными общинами. На ступень выше исследователь ставит виртуальное государство, по совокупности внешних признаков государством являющееся, но представляющее собой лишь экспериментальную модель. Далее — мегакорпорации и транснациональные корпорации, которые, хоть и ставят прямо цель в виде извлечения прибыли, также стремятся к накоплению власти. Куда ближе, по мнению К.Е. Луковкина, находятся национально-территориальные автономии, отражающие интересы и волю того или иного этноса, принадлежащего к определенным территориям. Как наиболее близкую к государству форму автор указывает квазигосударства, которые либо уже не способны, либо в принципе не могут реализовать полностью признаки государства [11, с. 4–5].

Правосубъектность государствоподобных образований является производной, так как возникает в результате волеизъявления государств — в основе их статуса лежит международный договор. Государствоподобные

образования по сравнению с государствами обладают ограниченной правоспособностью, однако они также могут принять собственную конституцию, создать государственные структуры и т.п. Когда государствоподобное формирование признается на международном уровне или существует на основании международного акта, оно «имеет относительно самостоятельный международный статус», как пишет А.А. Спиридонов [12, с. 535–536]. Таким образом, правосубъектность государствоподобных образований основывается на международных актах волеизъявления государств, что само по себе является ограничителем их правосубъектности. *A sui generis* применительно к теме исследования — выражение из латинского языка, обозначающее уникальность правовой конструкции. Любое существовавшее ранее государствоподобное формирование мы можем называть субъектом *sui generis*, каждый отдельный опыт их деятельности воспринимается как особенное и неповторимое явление [13].

Следует определить, в чем выражается правосубъектность такого уникального государствоподобного образования, как Святой престол (Ватикан). Как утверждает А.Н. Вылегжанин, суверенитетом обладает Святой престол, а не Ватикан. Святой престол владеет Ватиканом и представляет собой источник власти Ватикана. Территорией обладает именно город Ватикан, а сам Святой престол не является территорией. Святой престол имеет своих дипломатических представителей или наблюдателей в Организации Объединенных Наций и других международных межправительственных организациях, например, Международной организации спутниковой связи, Всемирном почтовом союзе и т.д. На данном примере мы можем видеть соединение двух правовых образований в одно, чем и обусловлены такие отличия в характеристиках между Ватиканом и Святым Престолом. «Святой престол сохранился в качестве легитимного участника международных отношений, субъекта международного права, но в статусе *persona sui generis*» [3, с. 93–94].

Причина, по которой международные межправительственные организации относятся к нетрадиционным субъектам международного права, заключается в том, что первые такие организации начали формироваться на рубеже XIX–XX веков. На данный момент специалисты в области международного права сходятся во мнении, что международные межправительственные организации обладают весьма широкой международной компетенцией. Как и государствоподобные образования, межправительственные организации относятся к вторичным субъектам международного права. Утвердилось разделение международных организаций на межправительственные и неправительственные, в связи с чем к полноценным субъектам международного права относят лишь первую категорию. Достаточно много мнений касательно содержания понятия «международная межправительственная организация». Определить общие для абсолютно всех столь различных по своей компетенции, по целям деятельности и влиянию на другие субъекты международного права международных межправительственных

организаций (далее — ММО) предпринимали попытки многие авторы, но, в основном, они останавливались на определенном круге признаков, как это сделала К.О. Овчинникова [14, с. 987]. Один из главных признаков — участниками таких международных организаций являются исключительно государства, которые их и формируют путем своего волеизъявления (интересы ММО представляют ведомства, отсюда и название ММО). Далее следует указать, что ММО действуют на основе соглашений, учредительных документов, закрепляющих их внутреннюю структуру. Последний признак — воля ММО не зависит от воли государств-членов ММО. П.Н. Бирюков приводит следующее определение: «Международная организация — субъект международного права, связанный как таковой всеми обязанностями, вытекающими для него из общих норм международного права, а также из учредительного акта и из договоров, в которых эта организация участвует». Автором отмечено, что на все ММО распространяют свое действие общие принципы и нормы международного права, а также принципы ООН в отношении региональных ММО [1, с. 100]. Как подчеркивает И.В. Гетьман-Павлова, некоторые особенности правосубъектности ММО вытекают из того факта, что они являются юридическими лицами, в связи с чем наделены гражданской право- и дееспособностью [2, с. 86].

Перейдем к дискуссионному вопросу в теории международного права — правосубъектности *индивида* в международных правоотношениях. К специальным субъектам международного права обычно относят физических лиц, субъекты федерации, международные неправительственные организации, юридические лица и т.д. Они являются, конечно, нетрадиционными субъектами в международных отношениях. Сразу стоит обратить внимание на то, что в отечественной науке сильна точка зрения относительно того, что индивида причислять к субъектам международного права нельзя. Есть и противоположное мнение, в подтверждение которого И.В. Гетьман-Павлова приводит один из самых известных примеров привлечения индивидов к ответственности по международным правовым нормам — Токийский и Нюрнбергский процессы, ставшие одними из итогов Второй мировой войны. Тогда были применены нормы уголовного права, но не национального, а международного [2, с. 87–88].

Как указывалось выше, одними из первых норм международного права, коснувшихся физических лиц, стали нормы о международной уголовной ответственности. Развилась тенденция привлечения индивидов по нормам международного уголовного права с образованием в 1988 году Международного уголовного суда, «которому подсудны именно индивиды, обвиняемые в совершении геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений, агрессии», как пишет И.В. Гетьман-Павлова [2, с. 89]. Велика роль конвенций различной направленности, закрепивших регулирование некоторых международных отношений с участием физических лиц. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.

закрепляет возможность признания физических лиц виновными в совершении преступлений по международному праву [15]. Нормы, содержащиеся в международных договорах, например, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., содержат положение в отношении права индивидов на обращение в органы надгосударственного уровня по защите своих основных прав и свобод [16]. Положения Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. применимы к индивидам, исходя из текста документов [17]. Огромное значение имеет формулировка о том, что любой человек имеет право на признание правосубъектности, что мы можем видеть по Всеобщей декларации прав человека и др. [18]. Правосубъектность индивида ограничивается тем, что индивид не обладает международной договорной правоспособностью, не наделен правом участвовать в создании норм международного права и быть членом международных межправительственных организаций. Таким образом, вопрос о том, является ли индивид субъектом международного права, вызывает противоречивые суждения в международно-правовой доктрине. Сторонники одной из концепций считают, что только государства и международные организации могут быть субъектами международного права. По их мнению, индивиды, находясь под властью и юрисдикцией государств, не обладают независимым положением в международных отношениях. Согласно другой концепции, индивид является особым субъектом международного права с ограниченной правосубъектностью. В международных отношениях он может нести лишь те конкретные права и обязанности, которые предоставлены ему международным договором или иным источником международного права. Также существует точка зрения, что индивид может рассматриваться не как субъект, а как «бенефициарий» международного права. По ней, хотя индивиды способны обладать некоторыми правами и обязанностями, они не могут участвовать в создании таких прав и обязанностей, а также в их применении, не могут нести юридическую ответственность по международным нормам.

Все эти концепции существуют одновременно, оказывая существенное влияние на сохранение научного интереса к представленной в настоящем исследовании проблематике: анализ правовой природы субъектов международного права актуален, это связано с динамикой международных отношений, глобальными вызовами и трансформацией международного правопорядка в целом.

Список использованных источников:

1. Бирюков П.Н. Международное право: учебник для вузов / П.Н. Бирюков. — 10-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 672 с.
2. Гетьман-Павлова, И.В. Международное право: учебник для вузов / И.В. Гетьман-Павлова, Е. В. Постникова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 590 с.
3. Международное право: учебник для вузов / А.Н. Вылегжанин [и др.]. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 664 с.

4. Матвеева, Т.Д. Международное право: учебник для вузов / Т.Д. Матвеева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 432 с.
5. Конвенция о правах и обязанностях государств (Монтевидео (Уругвай), 26 декабря 1933 г.: принята на VII Панамериканской конференции. — URL: https://www.lichtland.org/docs/Konvention_von_Montevideo_1933.pdf (дата обращения: 20.03.2026).
6. Липунов, В.И. Современные проблемы государственного суверенитета / В.И. Липунов // Гражданское общество и правовое государство. — 2013. — Т. 1. — С. 40–43.
7. Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров (Вена 23 августа 1978 г.) // Сборник «Действующее международное право». — Т. 1. — С. 433–457.
8. Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов (Вена, 8 апреля 1978 г., не вступила в силу) // Сборник «Действующее международное право». — Т. 1. — URL: <https://base.garant.ru/2541091/> (дата обращения: 20.03.2026).
9. Устав ООН от 26.06.1945 г. // Действующее международное право. — Т. 1. — М.: Московский независимый институт международного права, 1996. — С. 7–33.
10. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой 24 октября 1970 года Резолюцией 2625 // Сборник «ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи на XXV сессии», Нью-Йорк, 1970 г. — С. 151–155.
11. Луковкин, К.Е. Государствоподобные образования: сравнительно-правовой анализ / К.Е. Луковкин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2014. — № 4-2. — С. 4–5. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21594700> (дата обращения: 20.03.2026).
12. Спиридонов, А.А. Государствоподобные образования / А.А. Спиридонов // Аллея науки. — 2019. — Т. 1. — № 4(31). — С. 534–537.
13. *Sui generis* (букв. своеобразный, единственный в своем роде) — латинское выражение, обозначающее уникальность правовой конструкции в целом, несмотря на наличие известного сходства с другими подобными конструкциями, не имеющей прецедентов. Уникальность любого из случаев *sui generis* часто становится предметом споров. — URL: https://law.en-academic.com/3403/sui_generis (дата обращения: 20.03.2026).
14. Овчинникова, К.О. Определение и характерные черты международной неправительственной организации / К.О. Овчинникова // Теория и практика современной науки. — 2016. — № 12-1(18). — С. 977–990.
15. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17.
16. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS N 005, Рим, 4 ноября 1950 года). С 16 марта 2022 года Конвенция прекратила действие в отношении России, согласно Федеральному закону от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 января 2005 г. № 2 ст. 163.
17. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 20.03.2026).
18. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Российская газета. — 1998. — 10 дек.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНОМУ ИНФОРМАЦИОННОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Т.В. Сафонова, К.А. Плисова

Явление деструктивного информационного воздействия (ДИВ) обретает все большую популярность в качестве одного из инструментов влияния на общественное сознание. Феномен существования ДИВ в современном мире — ожидаемый результат непрерывного и стремительного развития информатизации и цифровизации.

Проблематика правового противодействия данному явлению стала одним из приоритетных тем обсуждения на тематических встречах и конференциях, организуемых по инициативе государств-участников Содружества Независимых Государств.

В данном исследовании был произведен сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан как одних из стратегических партнеров Республики Беларусь со схожими государственными программами и социально-экономическими целями.

Цель работы — всестороннее исследование явления деструктивного информационного воздействия, комплексный сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран в области организационно-правового противодействия деструктивному информационному воздействию, разработка предложений по совершенствованию законодательства в рассматриваемой области.

Тематика исследования соответствует приоритетным направлениям научной, научно-технической и инновационной деятельности Республики Беларусь на 2026–2030 годы, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 1 апреля 2025 года. В процессе исследования анализировались законодательство Республики Беларусь и зарубежных стран, правоприменительная практика в области противодействия деструктивному информационному воздействию, информационные правовые ресурсы сети Интернет, в том числе иностранные.

Методологической основой послужили общенаучные методы анализа и синтеза, сравнения и конкретизации, а также специальные методы исследования — структурно-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический.

В соответствии с п. 8 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, деструктивное информационное воздействие — осуществление информационного влияния на политические и социально-экономические процессы, деятельность государственных органов, а также на физических и юридических лиц в целях ослабления обороноспособности

государства, нарушения общественной безопасности, принятия и заключения заведомо невыгодных решений и международных договоров, ухудшения отношений с другими государствами, создания социально-политической напряженности, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, создания препятствий для нормальной деятельности государственных органов, причинения иного ущерба национальной безопасности [1].

Деструктивное информационное воздействие — это информационное влияние деструктивного характера, оказывающее негативное и дестабилизирующее воздействие на психику индивида, обстановку в обществе и/или положение государства на международной арене в целом [2].

Объектами деструктивного информационного воздействия могут быть когнитивная сфера (индивидуальное и массовое сознание), личность и ее репутация; общественное мнение; традиционные ценности и ориентиры; различные социальные группы, политические институты и институты гражданского общества, критическая информационная инфраструктура, государственное управление, судебная власть и правоохранительная система, историческая память, национальная культура, финансовый сектор и др.

Особый интерес при осуществлении деструктивного информационного влияния представляют пользователи сети Интернет, в том числе несовершеннолетние и молодежь. Риск успешного осуществления ДИВ в отношении подрастающего поколения увеличивается в разы, что зачастую может привести к печальным тенденциям вовлечения несовершеннолетних в противоправное поведение.

Деструктивное воздействие на объект осуществляется через разнообразные каналы — пути, способы, средства распространения деструктивного информационного контента, используемые для нанесения ущерба объектам воздействия.

Каналами распространения деструктивного контента могут выступать телевидение и радиоканалы, печатные и электронные СМИ, цифровые платформы и Интернет-среда (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, ботнет-сети и фейковые аккаунты, фишинговые сайты и сайты-клоны), агенты влияния (инфлюенсеры), закрытые клубы с целью воздействия на элиты через неформальное общение, компромат, иные коммуникационные каналы (рассылки через электронную почту, игровые платформы (Roblox, Minecraft, Discord и др.), физические и гибридные каналы (газеты, листовки и др.)).

Наиболее эффективными каналами распространения деструктивной информации являются социальные сети (ВКонтакте, Instagram, Facebook, TikTok и др) и мессенджеры (Telegram, Viber и др.), видеохостинг YouTube, выполняющий функции социальной сети (комментарии, стримы, организация сообществ и др.), а также Интернет-сайты и форумы, анонимные сети (Tor, I2P и др.).

Цифровая среда в Российской Федерации динамично меняется. Одни Интернет-платформы запрещены, другие работают в ограниченном режиме или сталкиваются с частичной блокировкой функций. Так, например, с 2022 года Meta Platforms признана экстремистской. Доступ к Facebook, Instagram, Treads, а также TikTok ограничен на уровне операторов связи. Telegram и YouTube не запрещен в России, однако наблюдается замедление работы ресурса и загрузки медиа. ВКонтакте, Одноклассники, Rutube, Дзен, МАХ работают без ограничений.

Указанные инструменты и технологии использовались в период протестных событий августа 2020 года в Республике Беларусь и января 2022 года в Республике Казахстан, когда объемы деструктивной и ложной информации о социально-экономическом положении стран и требований смены действующей власти достигали запредельных показателей. Единое у данных политических событий — выделяемые учеными-правоведами и политологами характерные черты так называемых «цветных революций». Сам термин «цветной революции» подразумевает под собой инструмент политической борьбы, основанной на методике *soft power* (от англ. — «мягкая сила», ненасильственное сопротивление) внутри атакуемой страны, с активным использованием различных информационно-коммуникативных каналов для распространения дезинформации и координирования действий различных групп населения, граждан, вооруженных группировок и избранного «лидера» протестующих, преследующих цель замены действующей власти лояльными западному миру правительством [3; 4].

Несмотря на то, что попытки воплощения данного сценария провалились как в Республике Беларусь, так и в Республике Казахстан, Российской Федерации, потоки деструктивной информации не были остановлены, и работа по проведению различных организационно-правовых мероприятий в сфере информационной безопасности государств продолжается и по сей день.

Методы дестабилизации общества в период проведения электоральной кампании не существенно отличаются от тех, что недружественные государства стараются применять в попытке проведения «цветной революции» — это уже известные нам различные фейки, вбросы и манипулятивные заголовки «желтой» прессы. Однако последние новшества в сфере создания и распространения дезинформации — попытки внедрения в эти процессы технологий ИИ, в частности дипфейков (англ. *deepfake* от *deep learning* «глубинное обучение» и *fake* «подделка»).

Дипфейк, как методика генерации видео- и фотоматериала и/или аудиодорожки с использованием инструментария ИИ, стал одной из наиболее реальных угроз для национальной безопасности государств-участников СНГ. Как отмечают ученые-правоведы, в руках недобросовестных лиц эта технология способна нанести существенный вред имиджу страны и авторитету государственной власти, например, при распространении

сгенерированных видеоматериалов с фальсифицированными заявлениями глав государств или других высокопоставленных лиц, что вероятнее всего вызовет общественный резонанс, проявление паники, агрессивного недовольства и др. Можно себе представить, каков урон может быть нанесен государству и государственной власти при непринятии своевременных мер противодействия данному явлению в период электоральной кампании.

Несмотря на различность объектов влияния, цель у деструктивного воздействия является единой — урон информационной и национальной безопасности государства и его имиджу на международной арене.

В связи со стремительно изменяющейся геополитической ситуацией в мире и постоянно совершенствующимися информационными и цифровыми технологиями инструменты осуществления ДИВ стали обыденной составляющей при любом политическом противоборстве в границах информационного поля. Как следствие, информация в современном обществе обрела статус одного из важнейших резервов любого рода международного конфликта, отчего в настоящее время наблюдается процесс содержательного слияния информационного и военного направлений национальной политики безопасности государств.

Деструктивное информационное влияние является одним из способов ведения «информационных войн» в составе так называемых «гибридных войн». Основная цель гибридных войн — полный или частичный контроль за территорией (частью территории) враждебного государства, достигнутый благодаря проведению информационно-психологических операций в сочетании с мощным экономическим давлением и применением при необходимости вооруженных сил и специальных подразделений [5]. Гибридные войны сегодня являются основной стратегией ведения боевых действий, направленных против государства-противника, и сочетают в себе различные ресурсы экономической, информационной и политических сфер.

Термин «информационная война» в свою очередь уже давно и активно используется в военном и научном сообществах и представляет собой открытое и острое столкновение между государствами, в котором сопротивление противника подавляется применением средств опасного воздействия на его информационную сферу. Так, основным методом ведения информационной войны можно определить осуществление государством различного рода атак на информационное поле государства-противника и, как следствие, его ослабление.

Информационное противоборство заключается в информационном воздействии на определенный объект с целью деформации его качественного состояния. Сообразно с вышесказанным, основные действия со стороны государства-противника, осуществляющего ДИВ, направлены в первую очередь на подрыв моральных ценностей общества и дестабилизацию психологической устойчивости населения к навязанной идеологии.

Современные государства в условиях геополитического противоборства прибегают к методам гибридных войн, однако все чаще в военно-научной сфере встречается термин «когнитивная война». Особое значение гибридным и когнитивным войнам придают США и НАТО.

Термин «когнитивная война» трактуется зарубежными экспертами как нетрадиционная форма ведения войны, использующая кибернетические инструменты для изменения когнитивных способностей противника; умственные предубеждения, провоцирующие искажение мышления, а также влияющие на принятие решений как на индивидуальном, так и на коллективном уровне [6]. Главной задачей когнитивной войны является нанесение поражения без ведения прямого боя, а именно изменение образа мысли внутри общества государства-противника и его представлений о реальности.

Конституционное обеспечение должного противодействия деструктивному информационному воздействию в Беларуси, Казахстане и России обладает рядом общих свойств, ведь данные конституционные нормы непосредственно связаны с фундаментальными информационными и цифровыми правами человека и гражданина: право граждан на получение, хранение и распространение информации (ст. 34 — Беларусь, ст. 29 — Россия, ст. 20 — Казахстан); свобода мнений, убеждений и их свободное выражение (ст. 33 — Беларусь, ст. 29 — Россия, ст. 20 — Казахстан); право на неприкосновенность личной жизни (ст. 28 — Беларусь, ст. 23 — Россия, ст. 18 — Казахстан); право на тайну переписки телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений (ст. 28 — Беларусь, ст. 23 — Россия, ст. 18 — Казахстан).

Все вышеприведенные нормы составляют конституционную базу национального законодательства в сфере регулирования информационной среды в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан.

В ходе референдума 2022 года в Конституцию Республики Беларусь были внесены поправки в 15, 28, 32, 54 статьи, выражающие позицию белорусского народа в отношении деструктивной идеологии со стороны Запада и обеспечивающие информационную безопасность личности:

- обязанность государства обеспечивать сохранность исторической правды и памяти о годах Великой Отечественной войны (ст. 15);
- статус брака как союза между мужчиной и женщиной (ст. 32);
- обязанность родителей и лиц, их заменяющих, воспитывать ребенка в соответствии с историческими и национальными традициями Беларуси (ст. 32);
- обязанность государства способствовать духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи (ст. 32-1);
- проявление патриотизма, сохранение исторической памяти и бережное отношение к историко-культурному и духовному наследию страны как долг белорусского гражданина (ст. 54).

Наиболее приоритетными направлениями защиты от ДИВ в нашем государстве являются нормы, закрепляющие традиционное понятие брака и семьи, патриотическое и духовное воспитание населения, в частности молодежи, приоритет сохранения исторической памяти страны и обеспечение духовной преемственности поколений.

Далее обратимся к отдельным нормативным правовым актам, составляющим в соответствии с конституционными нормами законодательную базу противодействия ДИВ и действующим в различных направлениях обеспечения информационной безопасности общества.

Так, Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» закрепляет основную терминологию, а также обозначает основные принципы государственного регулирования и управления в области информационного пространства. Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» регулирует деятельность различных СМИ, порядок их государственной регистрации и определяет виды информации, запрещенной для распространения. Законы Республики Беларусь «О противодействии экстремизму», «О недопущении реабилитации нацизма» закрепляют основополагающие принципы борьбы государства с данными негативными явлениями. Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа», принятый в целях сохранения памяти о советских гражданах, ставших жертвами в годы Великой Отечественной войны. Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» также закрепляет нормы защиты несовершеннолетнего от деструктивного контента, распространяемого посредством различных информационных ресурсов.

Что касается Российской Федерации, то за последние несколько лет проводимая ею государственная информационная политика, а также политика в области информатизации, цифровизации и информационной безопасности сталкивалась с вызовами со стороны недружественных стран, применявших различные информационные ресурсы с целью вмешательства во внутренние дела страны. Как отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, «усиливающаяся нестабильность в мире, рост радикальных и экстремистских настроений могут привести к попыткам разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, к разрушению экономики, традиционных ценностей и игнорированию основных прав и свобод человека». Потому для России в настоящий момент приоритетными направлениями развития являются сплочение российского общества, укрепление гражданского самосознания, защита традиционных духовно-нравственных ценностей и воспитание подрастающего поколения в соответствии с патриотическим чувством российской нации.

С учетом геополитической ситуации в мире и нынешнего положения Российской Федерации на международной арене в связи с проведением Специальной военной операции перед государством стоят новые задачи

по обеспечению надлежащей информационной безопасности и защиты информационного пространства страны от посягательств со стороны третьих сторон.

Приоритетным направлением в Российской Федерации сегодня является сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей и воспитание подобных ценностей у молодого поколения. Вследствие этого обеспечение защиты информационного сегмента России от деструктивного контента — одна из важнейших задач нынешней государственной политики страны.

Как отмечено в Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации, принятой в апреле 2023 года, уже на тот момент из 30,2 млн несовершеннолетних граждан 27 млн являются активными пользователями информационно-телекоммуникативной сети Интернет, что в процентном отношении составляет 89,4%. Соответственно, именно подростки и молодежь в конечном итоге оказываются вовлечены в деструктивные и противоправные течения, сведения о которых зачастую распространяются посредством различных информационных каналов сети Интернет. Таким образом, для комплексного регулирования вопросов обеспечения защиты детей от пагубного информационного воздействия в Российской Федерации был принят Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», в котором обозначены основные правовые меры противодействия ДИВ в отношении несовершеннолетних.

В Российской Федерации с 2013 года была введена административная ответственность за распространение среди несовершеннолетних информации, содержащей пропаганду нетрадиционных ценностей. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях дополнен статьей 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, отказа от деторождения». С 2022 года данная административная норма применима к лицу, пропагандирующему подобного рода информацию среди граждан любых возрастов (ст. 6.21 КоАП РФ). В Республике Беларусь также планируется введение административной ответственности за пропаганду нетрадиционных ценностей в ближайшее время.

Государственная информационная политика в сфере защиты традиционных и духовно-нравственных ценностей должна быть единой в рамках Союзного государства России и Беларуси, основная цель которой — недопущение утраты традиционных и нравственных ценностей и ориентиров [7, с. 87].

Интересна разница подходов к регулированию информационных потоков в Республике Беларусь и Российской Федерации, где в первом случае существует отлаженный механизм с точечной блокировкой отдельных веб-страниц и аккаунтов различных социальных сетей и мессенджеров, в то время как в России заметна тенденция полного ограничения доступа к ресурсу деструктивной информации в целом (блокировка Instagram, Facebook (признание их материнской организацией Meta экстремистской), Discord, X, Viber).

Конечно, нельзя отрицать эффективность данных мер, однако в случае с полной блокировкой доступа к различным социальным платформам и сетям возникает закономерный вопрос о соразмерности данных мер с объемами причинения вреда, а также новая проблема — регулирования использования технологий VPN (англ. *virtual private network* — «виртуальная частная сеть») для обхода данных блокировок.

Анализируя деятельность органов власти и правоохранительных органов следует упомянуть и некоторую проблематику касаясь их ведомственной разобщенности при противодействии ДИВ. В настоящее время ни в Республике Беларусь, ни в Российской Федерации, ни в Республике Казахстан, несмотря на применяемый комплекс мер по борьбе с деструктивной информацией, нет единого органа, отвечающего за координацию и планирование ресурсов и действий, сопряженных с мониторингом информационно-коммуникационного пространства и противодействия подрывных операций в нем.

Однако подобные функции выполняются в лице различных ведомств: Министерством информации Республики Беларусь, Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь, Министерством информации и коммуникаций Республики Казахстан, Министерством искусственного интеллекта и цифрового развития Республики Казахстан, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России), Роскомнадзором, Советами Безопасности данных государств и т.д. Однако это никак не отрицает отсутствие координации в их взаимодействии и присущие им специфику осуществления их деятельности, что также вносит разлад в единство их действий.

Сравнительно-правовой анализ законодательств Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан показал единство государственных курсов в области ограничения деструктивной информации в международном и локальном информационных пространствах. Такое сплочение, очевидно, обусловлено исторической общностью и общностью социально-экономических целей данных государств и, как итог, мы способны проследить единство стратегических подходов и правовых баз в области противодействия деструктивной информации: соблюдение фундаментальных информационных и цифровых прав и свобод человека, их конституционное закрепление; схожий понятийный аппарат и содержание законодательных актов, регулирующих информационную сферу; многоуровневый подход к регулированию информации и противодействию деструктивной информации; международное сотрудничество в области информационного противоборства и сопряженная с ним совместная выработка программ мероприятий, направленных на противодействие ДИВ; единый ценностно-идеологический вектор с акцентом на воспитание молодежи в духе традиционных народных ценностей и привитие им важности исторической преемственности.

Однако, несмотря на усилия, прилагаемые странами-участницами СНГ, существует ряд взаимосвязанных и комплексных проблем при осуществлении

организационно-правового противодействия ДИВ, требующих дальнейшего изучения и своевременной корректировки законодательства.

Это в первую очередь естественное отставание законодателей от быстро изменяющихся тенденций в области цифровизации и использования искусственного интеллекта. Отсюда же вытекает и проблематика баланса интересов государства и личности в процессе разработки и принятия нормативных правовых актов в области ограничения информации, порождающая дискуссии о соразмерности применяемых мер реагирования с объемами причиняемого вреда, а также возникающая необходимость регулирования применения новых технологий обхода блокировок источников с деструктивной информацией.

Таким образом, в результате исследования и анализа актуальных проблем ограничения потоков деструктивной информации, можно сформулировать некоторые пути их решения с организационно-правовой точки зрения:

1) в связи с растущими потоками пропагандистской информации разумно предположить, что действующим способом наравне с ограничением доступа к этой информации будет осуществление прочной в аргументации контрпропаганды с задействованными представителями государственных аккредитованных СМИ, а также органов власти и правоохранительных структур. Здесь работает комплекс организационно-просветительских мероприятий, включающий дальнейшую разработку документальных/обучающих фильмов и презентаций об информационной гигиене и безопасности в сети Интернет для различных возрастных групп (в том числе введение курса «Цифровая гигиена» в школьную программу в качестве факультативных занятий и привлечением действующих специалистов в области информационной безопасности), создание отдельного сектора информационно-пропагандистских групп, специализирующегося именно на противодействии ДИВ в государственных структурах, корректировка идеологических «методичек» с учетом «новомодных» тенденций в создании деструктивного контента (ИИ, дипфейки), создание методического пособия по противодействию ДИВ для служащих государственных органов (возможно на основании данного исследования);

2) систематизация законодательства в области противодействия деструктивной информации, принятие Закона «О противодействии деструктивному информационному воздействию» с выработкой категоризации степени вреда, получаемого от воздействия данной информации, например: информация низкого, умеренного, высокого и очень высокого уровня опасности;

3) совершенствование международного сотрудничества с целью оперативного обмена аналитической информацией и выработки мероприятий по противодействию ДИВ. Например, создание Комитета по противодействию деструктивному информационному воздействию при Парламентской Ассамблеи ОДКБ, обладающего специализированными функциями по выявлению

и ограничению деструктивной информации, представляющей национальную опасность для государств-участников ОДКБ; организация и проведение совместных учений по реагированию на информационные угрозы (в том числе в рамках ведения гибридных и когнитивных войн).

Список использованных источников:

1. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Республики Беларусь 18 марта 2019 г. № 1 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.03.2026).

2. Плисова, К.А. Понятие и основные направления деструктивного информационного воздействия и пути правового противодействия / К.А. Плисова; науч. рук. Т.В. Сафонова. — Текст: электронный // Репозиторий ВГУ имени П.М. Машерова. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/35307> (дата обращения: 05.09.2025). — Электрон. версия ст. из: XVI Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 21 окт. 2022 г.: в 2 т. / Вит. гос. ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. — Витебск, 2022. — Т. 2. — С. 300–301.

3. Плисова, К.А. Организационно-правовые аспекты противодействия суицидальным проявлениям среди несовершеннолетних / К.А. Плисова, науч. рук. Т.В. Сафонова // V Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей «Вектор 3.0» — V International scientific and practical conference of young researcher “vector 3.0”: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 17 апр. 2025 г.: электронное научное издание / Витебский филиал Международного университета «МИТСО»; редкол.: И.В. Николаева (гл. ред.) [и др.]. — С. 173–177.

4. Войсковой, Д.А. Цветные революции как инструмент продвижения западных геополитических интересов / Д.А. Войсковой // Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: вызовы и тенденции: материалы круглого стола кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 28 марта 2024 года. — Минск: Белорусский государственный университет, 2024. — С. 44–49 // eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека. — М., 2000–2025. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65678269> (дата обращения: 06.09.2025).

5. Марченко, Г.В. Защита личного состава силовых структур от негативного информационно-психологического воздействия деструктивных сил: историко-правовой аспект / Г.В. Марченко // Вестник Санкт-Петербургского военного института национальной гвардии. — 2021. — № 2(15). — С. 77–87 // eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека. — М., 2000–2025. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46348174> (дата обращения: 09.09.2025).

6. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance: First Nato Scientific meeting on Cognitive Warfare: collection of scientific articles / Scientific Editors: B. Claverie, B. Prébot, N. Buchler [and oth.]. — Bordeaux: NATO-STO Collaboration Support Office, 2021. — 118 p. — URL: <https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/Cognitive-Warfare-Symposium-ENSC-March-2022-Publication.pdf> (date of access: 09.09.2025).

7. Сафонова, Т.В. Конституционно-правовые и идеологические основы государственной информационной политики в сфере защиты духовно-нравственных и традиционных ценностей в Республике Беларусь и Российской Федерации / Т.В. Сафонова // Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект: монография / Э.Г. Аниськина, В.А. Барышев, П.В. Борботько [и др.]. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. — С. 79–87.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ТУРИЗМА: ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Н.В. Сирик, А.С. Кусков

Современный туризм представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся сфер услуг в РФ, которую государство рассматривает как стратегически важную отрасль. Актуальной тенденцией развития отрасли выступает цифровизация, проявляющаяся, в том числе, в трансформации договорных отношений между туристскими организациями и туристами.

Цель исследования — комплексный анализ правовых и организационных аспектов цифровизации договорных отношений в туризме, включая исследование деятельности маркетплейсов и агрегаторов, а также оценку эффективности электронных форм договоров (click-wrap-соглашений) с позиции защиты прав потребителей.

Информационную базу работы образуют три основные группы источников. Во-первых, это нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие деятельность в сфере туризма и защиты прав потребителей, включая Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», Закон РФ «О защите прав потребителей», а также подзаконные нормативные акты (Правила оказания услуг по реализации туристского продукта). Во-вторых, в работе проанализированы законопроекты, находящиеся на рассмотрении в Государственной Думе РФ, направленные на регламентацию функционирования туристических агрегаторов. В-третьих, эмпирическую базу составили материалы правоприменительной практики, включая судебные акты судов общей юрисдикции (в частности, апелляционные определения и определения кассационных судов), а также разъяснения Роспотребнадзора по вопросам применения электронных форм договоров. Существенное значение для формирования теоретической базы имели доктринальные источники, представленные в трудах отечественных и зарубежных исследователей в области цифровизации договорных отношений и правового статуса информационных посредников в туризме.

Методологическую основу составили общенаучные методы познания и частнонаучные: формально-юридический, сравнительно-правовой и анализа судебной практики.

Безусловно, цифровизация не может решить все проблемы туристической отрасли. Становление цифровой экономики следует оценивать в связи с другими трансформационными тенденциями, затрагивающими все области современного мира. Современные технологии и цифровизация активно трансформируют туристическую отрасль, создавая новые бизнес-модели и сервисы. Однако их внедрение требует адаптации правового регулирования.

Ключевыми инновациями в туризме следует считать деятельность цифровых платформ и агрегаторов (МТС Travel, Травелата, Суточно, Т-Банк и др.), основное преимущество которых заключается в объединении множества туристских услуг в одном месте, что позволяет потребителям сравнивать цены и качество.

Значительный массив научных публикаций, посвященных деятельности информационных посредников в туризме, отличается междисциплинарным характером. Экономическая наука исследует агрегаторов как эффективный инструмент снижения транзакционных издержек и оптимизации туристских потоков [1, с. 165; 2, с. 115]. Юридическая наука, в свою очередь, сосредоточена на анализе легальной дефиниции «владельца агрегатора» [3, с. 346; 4, с. 366]. Тем не менее констатируется наличие существенного научного пробела. При всей важности экономического анализа эффективности агрегаторов и точечных юридических комментариев, в современной доктрине отсутствует целостное исследование, посвященное правовому статусу и ответственности агрегаторов перед туристами.

На агрегаторы и маркетплейсы распространяются общие нормы ГК РФ о договоре комиссии и агентском договоре, а также Закон «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1. Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» (принятого в г. Минске 06.12.2024) расширена их ответственность: они обязаны обеспечивать соблюдение требований продавцами и создавать условия для предоставления полной информации о продукции.

Вместе с тем деятельность агрегаторов не подпадает под отраслевое туристское законодательство. Они не регистрируются как туроператоры, не имеют финансовых гарантий, не вносятся в Единый федеральный реестр туроператоров (ЕФРТ) и систему «Электронная путевка». Это позволяет им снижать издержки, а на сформированные комплексные туры не распространяются нормы о защите прав туристов. Туристские информационные агрегаторы фактически выполняют функции нового вида посреднических структур в системе отношений между туроператорами, турагентами и потребителями туристского продукта. Длительное отсутствие их легитимации в российском законодательстве породило существенную правовую неопределенность. В судебной практике это приводит к необходимости квалификации их деятельности по аналогии с деятельностью турагентов либо информационных посредников, что влечет за собой коллизии норм и затрудняет защиту прав участников правоотношений.

Отметим, что на рассмотрение Государственной Думы РФ представлен законопроект, направленный на регламентацию функционирования туристических агрегаторов. Инициатива предполагает инкорпорирование в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» ключевых дефиниций: «агрегатор информации о туристских продуктах

и (или) услугах» и «владелец агрегатора» [5]. Целью нововведений декларируется формирование прозрачных условий для потребителей, повышение уровня безопасности туристов, а также оптимизация механизмов урегулирования споров между хозяйствующими субъектами и путешественниками.

В соответствии с проектом, под агрегатором понимается программное обеспечение или интернет-ресурс, обеспечивающие доступ пользователей к информации о туристских продуктах и услугах, а также техническую возможность заключения договоров с туроператорами, турагентами или иными контрагентами, включая осуществление безналичных расчетов.

Владельцем агрегатора может быть исключительно юридическое лицо, зарегистрированное по законодательству Российской Федерации. Таким образом, исключается возможность контроля над российскими туристскими данными со стороны нерезидентов, за исключением случаев, специально разрешенных Правительством РФ.

Предлагаемая ст. 10.5 Федерального закона устанавливает специальный режим деятельности агрегаторов, включающий следующие нормативные элементы:

1. Закрепление возможности заключения договора с туристом посредством публичной оферты или пользовательского соглашения.
2. Императивное требование к владельцу агрегатора по информированию потребителя о механизмах досудебного урегулирования споров и способах защиты имущественных интересов (в частности, о страховании рисков).
3. Предоставление агрегатору права на односторонний отказ от договора с контрагентом при выявлении фактов недостоверной информации.
4. Обязанность обеспечения ссылок на данные государственных реестров при указании сведений о туроператорах, турагентах и средствах размещения.

Принципиальной новеллой является норма об освобождении владельца агрегатора от имущественной ответственности за недостатки услуг, оказываемых третьими лицами. Однако предложение потребителю услуг перевозки и размещения в отношении одного лица и периода квалифицируется как осуществление туроператорской деятельности, что влечет за собой включение в Единый федеральный реестр туроператоров и несение полного объема соответствующих обязанностей.

Введение специального правового статуса агрегаторов призвано обеспечить формирование прозрачных условий осуществления деятельности всех участников туристского рынка.

Для туроператоров и турагентов это означает внедрение новых стандартов информационного взаимодействия и ответственности. Агрегаторы, в свою очередь, обретают легальный статус, выходя за рамки неформализованной роли «информационной площадки».

Повышенное внимание в законопроекте уделено информированию потребителя, основанному на принципах Закона «О защите прав потребителей»,

направлено на профилактику правонарушений, характерных для цифровой среды, включая подмену поставщика услуг, несоответствие услуги описанию и отсутствие страхового покрытия.

Принятие рассматриваемых изменений будет способствовать формированию унифицированной правовой основы функционирования цифровых туристских платформ, в частности: повышению прозрачности сделок и, как следствие, росту доверия потребителей; снижению конфликтности и сокращению количества судебных споров; имплементации современных стандартов электронного документооборота в сфере туризма.

Активно развивается в доктрине и проблематика электронных договоров, однако работы Л.Ю. Василевской, Л.Г. Ефимовой и др. посвящены электронной коммерции в целом [6, с. 26; 7, с. 130]. В то же время следует отметить недостаточность исследований цифровизации договоров именно в сфере защиты прав потребителей туристских услуг. Дискуссионность вопросов подтверждается судебной практикой: с одной стороны, признается действительность электронных договоров (включая click-wrap), с другой — указывается на необходимость учета обстоятельств дела при рассмотрении споров о недействительности.

Законодательство допускает заключение договоров в электронной форме при соблюдении условий: составление в виде одного документа и подписание способами, предусмотренными ст. 160 и 434 ГК РФ. Возможность заключения договора о реализации турпродукта в электронной форме закреплена в ст. 10 Закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [8] и п. 14 «Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» [9].

Анализ норм и практики позволяет выделить следующие варианты заключения электронного договора о реализации турпродукта:

1. Click-wrap-договоры (присоединение к типовому формуляру через «проставление галочки»).
2. Обмен скан-копиями по электронной почте или в мессенджерах.
3. Загрузка скан-копии в личный кабинет туриста на сайте туроператора.
4. Подписание квалифицированной электронной подписью.

При квалификации туристских договоров как договоров присоединения широкое распространение получили click-wrap-соглашения, максимально упрощающие правоотношения. В американской доктрине это «соглашение, заключенное в онлайн-среде путем нажатия кнопки “Я согласен”». Можно выделить четыре признака таких соглашений: отсутствие офлайн-переговоров, заключение в виртуальной среде, наличие всех существенных условий в тексте, заключение путем конклюдентных действий (click-wrap) [10, p. 14; 11, p. 3–15].

В российской доктрине сформировалось несколько подходов к пониманию правовой природы click-wrap-соглашений: как договора, заключаемого

путем обмена электронными документами; как договора через конклюдентные действия; как договора присоединения (ст. 428 ГК РФ). Есть точка зрения о противоречии таких договоров законодательству, так как их форма прямо не предусмотрена.

Роспотребнадзор в информации «Об особенностях click-wrap-соглашений» указал на правомерность использования таких договоров, но с оговорками: потребитель должен получить полную информацию об услуге без необходимости переходов по ссылкам; иметь возможность ознакомиться с полным текстом договора на одной странице; а в веб-форме не должно быть заранее проставленных отметок, порождающих юридические последствия без ведома потребителя [12].

Заключение договоров способом «click-wrap» не лишено недостатков.

Во-первых, сложно достоверно установить принятие условий конкретным лицом. В практике используются дополнительные меры: прикрепление скан-копии паспорта, подтверждение через SMS, загрузка подписанного договора в личный кабинет. Однако это «размывает» правовой смысл click-wrap, отодвигая проставление галочки на второй план.

Во-вторых, формализация не позволяет с уверенностью установить добровольность волеизъявления, особенно при подписании многостраничных договоров, где требуется многократное проставление отметок.

В-третьих, будучи договорами присоединения, они лишают потребителя влиять на условия, включая навязывание дополнительных услуг, что противоречит п. 3 ст. 16 Закона «О защите прав потребителей» (запрет на обусловливание приобретения одних услуг обязательным приобретением других) и образует состав административного правонарушения (ст. 14.8 КоАП РФ) [13].

В-четвертых, технические и программные особенности (невозможность ознакомиться с полным текстом с мобильных устройств, всплывающие окна) приводят к дефектам заключения договора. Это вызывает иски о признании электронных договоров недействительными, что требует применения не только гражданского, но и информационного законодательства.

На указанные недостатки отреагировал законодатель. В новых «Правилах оказания услуг по реализации туристского продукта» (п. 14) закреплено, что электронный договор о реализации турпродукта считается заключенным с момента его оплаты потребителем. Это вводит своеобразный «период охлаждения» — право потребителя отказаться от договора до момента внесения оплаты без правовых последствий.

В судебной практике конклюдентные действия (клик) не квалифицируются как безусловное выражение воли. Бремя доказывания того, что проставление галочки было осознанным действием, лежит на ответчике. Суд оценивает достаточность преддоговорной информации, технические условия и отсутствие ущемляющих прав условий (например, Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 02.06.2022 г.

№ 33-12592/2022, где переписка и оплата подтвердили согласование условий). Переписка через интернет-мессенджер признается надлежащим доказательством заключения дополнительного соглашения об изменении условий договора с туристом (Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.11.2021 г. по делу № 88-22917/2021).

Отметим, что Минэкономразвития РФ планирует расширить единую цифровую платформу в туризме, добавив инструменты для оформления электронных договоров и внедрения автоматизированного документооборота между туроператорами, туристами и гостиницами.

Исследуя вопрос цифровизации договорных отношений в туризме, нельзя не остановиться на электронной путевке, создание которой в России в качестве механизма контроля за движением средств, переданных туристом туроператору, началось еще в 2014 году. По мнению разработчиков, данный механизм призван обеспечить прозрачность рынка и выступить в качестве гаранта защиты прав туристов, так как внесение данных в систему являлось обязательным условием туроператорской деятельности.

Новая «электронная путевка» — это документ, сформированный в единой информационной системе электронных путевок, на основе сведений, содержащихся в договоре о реализации туристского продукта. Однако не следует соотносить электронную путевку, представляющую собой цифровую запись в информационной системе, зашифрованную в виде QR-кода, с туристской путевкой, которая является неотъемлемым элементом договора и выдается туристам на руки или предоставляется в форме электронного документа.

Цифровизация данных на платформе ГИС «Электронная путевка» позволит обезопасить туриста от приобретения нелегального туристского продукта и сформирует необходимые для развития туристского бизнеса базы данных, актуальную статистику и инструменты контроля. Кроме того, наличие такой «электронной путевки», на наш взгляд, заметно упростит процесс рассмотрения и разрешения судами споров с туристами о признании договоров, заключенных в форме электронного документа, недействительными или незаключенными.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровая трансформация туристской отрасли, являясь объективным и необратимым процессом, создает серьезные вызовы для правового регулирования. Активное внедрение инновационных бизнес-моделей, прежде всего в лице маркетплейсов, агрегаторов (таких как МТС Travel, Т-Банк и др.) и банковских экосистем, опережает развитие отраслевого законодательства. Это приводит к появлению «серых зон», где субъекты, фактически реализующие комплексный туристский продукт, не несут обязанностей туроператоров (отсутствие финансовых гарантий, регистрации в реестре), что ставит туристов в уязвимое положение и создает неравные конкурентные условия.

Представленный на рассмотрение Государственной Думы РФ законопроект, вводящий легальную дефиницию «туристического агрегатора»,

следует оценивать, как своевременную и необходимую меру. Институционализация правового статуса указанных субъектов позволит: а) распространить на них требования по обеспечению финансовых гарантий; б) установить четкие правила информационного обмена и ответственности перед потребителем; в) исключить возможность недобросовестной конкуренции с классическими туроператорами, включенными в Единый федеральный реестр. Принятие данного закона создаст прозрачные условия взаимодействия всех участников туристского рынка и снизит риски потребителей от приобретения нелегального туристского продукта.

Анализ показал, что использование электронных форм договоров, в особенности *click-wrap*-соглашений, прочно вошло в практику туристского бизнеса и в целом признается правомерным. Однако их применение сопряжено с рядом проблем: сложностью идентификации стороны, заключившей договор, сомнениями в добровольности волеизъявления потребителя, техническими ограничениями при ознакомлении с полным текстом договора, а также распространенной практикой включения условий, ущемляющих права потребителей (например, навязыванием дополнительных услуг). Хотя Роспотребнадзор и судебная практика вырабатывают определенные подходы к разрешению данных споров, сохраняется потребность в унификации правоприменительной практики и принятии разъяснений высших судов.

Таким образом, цифровизация туризма, предлагая новые удобные форматы взаимодействия, одновременно требует от законодателя и правоприменителя адекватных ответов на возникающие вызовы. Дальнейшее развитие отрасли должно быть направлено на достижение баланса между инновационными бизнес-моделями и гарантиями защиты прав потребителей, что возможно только при условии своевременного совершенствования нормативной правовой базы [14]. Проведенное исследование закономерно продолжает и развивает научные изыскания авторов в сфере правового регулирования туристской деятельности [15]. Ранее в коллективной монографии «Актуальные проблемы реформирования туристского законодательства: подходы к разработке проекта Федерального закона “О туризме”» были определены основные векторы совершенствования отраслевого законодательства, среди которых особое место заняла проблема легитимации агрегаторов информации [16, с. 91–97]. В статье «К вопросу об ответственности владельцев агрегаторов информации о туристских услугах» был осуществлен углубленный анализ разрабатываемых норм об ответственности указанных субъектов [17]. Настоящая работа, посвященная более широкому кругу вопросов цифровизации договорных отношений (включая электронную форму договора, *click-wrap*-соглашения и систему «Электронная путевка»), позволяет рассматривать проблематику агрегаторов как составную часть общего процесса цифровой трансформации туризма, что подтверждает системный и последовательный характер проводимых исследований.

Список использованных источников:

1. Панфилова, Е.А. Цифровизация сферы туризма и путешествий: тенденции, инструментарий, перспективы развития / Е.А. Панфилова // Модернизация экономики государств: отраслевой и региональный аспект, научно-технологическое и инновационное предпринимательство: материалы междунар. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов, посвященной 75-летию факультета менеджмента и предпринимательства, Ростов-на-Дону, 9–14 дек. 2024 г. / Ростов. гос. экон. ун-т. — Ростов н/Д, 2024. — С. 164–167.
2. Курочкина, Е.А. Проблемы применения информационных технологий в сфере российского туризма / Е.А. Курочкина // Исследования и инновации: синергия знаний и практики: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 20 февр. 2024 г. — М.: Изд-во Центра дополнительного профессионального образования «Цифровая академия», 2024. — С. 112–121.
3. Деханов, С.А. Агрегаторы на туристическом рынке: проблемные аспекты правового статуса онлайн-сервисов, оказывающих туристские услуги / С.А. Деханов, О.А. Смыкова // Образование и право. — 2025. — № 4. — С. 343–348.
4. Сирик, Н.В. Гражданско-правовые аспекты регулирования инноваций в сфере туризма / Н.В. Сирик // Донецкие чтения — 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы X Междунар. науч. конф., посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 5–7 нояб. 2025 г. / Донецк. гос. ун-т. — Донецк, 2025. — С. 365–368.
5. Паспорт проекта Федерального закона № 1023998-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации” (о регулировании деятельности агрегаторов информации о туристских продуктах и (или) услугах)» // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 27.02.2026).
6. Василевская, Л.Ю. Электронная форма сделок с недвижимостью: проблемы правоприменения в условиях цифровизации / Л.Ю. Василевская // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 1(11). — С. 25–34.
7. Ефимова, Л.Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки / Л.Г. Ефимова // *Lex russica*. — 2019. — № 8. — С. 129–137.
8. Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 49. — Ст. 5491.
9. Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 г. № 1852 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» (в ред. от 14.11.2022 г. № 1508) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 47. — Ст. 7551.
10. Stein, L.D. Click to accept / L.D. Stein // *Web Techniques*. — 2001. — № 6. — P. 14.
11. Buono, F.M. Maximizing the Enforceability of Click-Wrap Agreements / F.M. Buono, J.A. Friedman // *Journal of Technology Law and Policy*. — 1999. — Vol. 4, iss. 3. — P. 3–15.
12. Информация Роспотребнадзора от 05.11.2020 г. «Об особенностях click-wrap-соглашений» (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.02.2026).
13. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. — 1992. — № 15. — Ст. 766.
14. Декрет Высшего Государственного Совета Союзного государства № 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей» (принят в г. Минске 06.12.2024) // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 27.02.2026).

15. Кусков, А.С. Цифровизация договорных отношений в туристском бизнесе / А.С. Кусков, Н.В. Сирик // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 23 сент. 2022 г.: в 6 т. / под ред. И.Р. Бегишева [и др.]. — Казань: Издательство «Познание», 2022. — Т. 2. — С. 439–446.

16. Актуальные проблемы реформирования туристского законодательства: подходы к разработке проекта Федерального закона «О туризме»: коллективная монография / С.А. Тарбаев, М.А. Саранча, А.С. Кусков [и др.]. — М.: РГУТИС, КНОРУС, 2023. — 140 с.

17. Сирик, Н.В. К вопросу об ответственности владельцев агрегаторов информации о туристских услугах / Н.В. Сирик, А.С. Кусков // Право: теория и практика — 2023: сб. науч. ст. / Вит. гос. ун-т. — Витебск, 2023. — С. 92–96.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

А.А. Сухарев

В настоящее время социально-правовые явления неуклонно стремятся к новой научно-технологической парадигме цифровых логистических систем, сетевому принципу отношений между государством и гражданским обществом. Развитие данной тенденции происходит на фоне устойчивой живучести коррупции, которая достигла транснациональных масштабов и затрагивает экономику и общество всех стран. Коррупция в значительной степени снижает эффективность структуры государственного управления, подрывает доверие граждан к властным структурам, способствует нестабильности и повышению уровня неопределенности в обществе. Исследование способов профилактики коррупционной деятельности в условиях активного внедрения цифровых технологий в государственное управление и экономику позволит более эффективно противостоять данному негативному явлению.

Цель исследования — определение особенностей возникновения коррупционных устремлений в условиях реализации цифровых технологий и рассмотрение путей совершенствования профилактических мер. Материалом послужили нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения в сфере борьбы с коррупцией и определяющие основы оборота информации в государственных цифровых системах; научные публикации по теме работы. В качестве основных методов использовались общенаучные и частнонаучные (компаративистский и правового прогнозирования).

В 2021 году в рамках Программы ООН об использовании цифровых решений в области борьбы с коррупцией был опубликован доклад «Новые технологии для устойчивого развития: перспективы честности, доверия и борьбы с коррупцией». По мнению авторов доклада, цифровые технологии в противодействии коррупции можно использовать в двух направлениях:

– распространение принципов подотчетности и прозрачности в деятельности государственных институтов;

– прямое противодействие коррупционным правонарушениям путем анализа, расследования и мониторинга угроз и рисков их совершения.

Искусственный интеллект, отмечается в докладе, снижает воздействие человеческого фактора, имеет большие возможности при анализе больших баз данных, блокчейне, машинном обучении и др. Однако он создает риски в сфере отмывания денег, киберпреступности, мошенничества. Также использование искусственного интеллекта может нарушать этические принципы и права человека [1].

Базовым документом, на основании которого осуществляется противодействие коррупции в Беларуси, является Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее — Закон «О борьбе с коррупцией») [2]. В нем предусмотрена реализация таких информационных мероприятий, как: информирование граждан по вопросу нетерпимости к коррупции; обеспечение гласности и открытости в деятельности государственных должностных лиц; установление стандартов поведения государственных служащих (кодексы этики); создание системы антикоррупционного обучения чиновников и лиц, обучающихся в учреждениях образования. Закон «О борьбе с коррупцией» устанавливает также принятие специальных информационных мер:

– незамедлительное предоставление документов, сведений, запрашиваемых государственными органами по борьбе с коррупцией, а если это невозможно, то в течение трех суток;

– создание в специальных подразделениях по борьбе с коррупцией централизованных банков данных и оперативного учета физических и юридических лиц, имеющих отношение к коррупции;

– наличие единого банка данных о состоянии противодействия коррупции в Генеральной прокуратуре на основе информации, предоставляемой Комитетом государственной безопасности, органами прокуратуры и внутренних дел.

Существенным фактором ускорения процесса внедрения цифровых технологий в стране стал Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» [3]. Декрет определил специальный правовой режим в Парке высоких технологий до 1 января 2049 года и ввел ряд юридических новаций в виде отдельных институтов английского права. При этом впервые в мире были узаконены криптовалюта и смарт-контракты.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 года № 66 была принята государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [4]. Выполнение программы обеспечило развитие функциональных возможностей инфраструктурных элементов электронного правительства, что значительно упростило информационное взаимодействие между государством, бизнесом и гражданами, устраняя необходимость личного посещения государственных структур. Дистанционное общение существенно снизило коррупционные риски.

Реализуется проект «Электронная школа». Все учреждения образования в Республике Беларусь имеют широкополосный доступ в сеть Интернет (ШПД). Также ко всем городским учреждениям образования построены волоконно-оптические линии связи.

Программа предусматривает создание автоматизированных информационных систем (АИС): «Контрольная деятельность» (для таможенных органов), «Расчет налогов», «Персонифицированный учет».

В сфере здравоохранения Республики Беларусь получило развитие оказание медицинской помощи с применением телемедицины, дистанционных медицинских услуг. При этом урегулированы правоотношения пациентов и медицинских работников при использовании цифровых коммуникативных технологий, которые закреплены в Положении об особенностях оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, утвержденное постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28 мая 2021 года № 65 [5].

Программа «Цифровое развитие Беларуси» существенно снижает коррупционные риски в сфере строительства в связи с переводом в электронную форму административных процедур (получение разрешительной документации, прием объектов в эксплуатацию и др.). Осуществляется и перевод административных процедур со стороны Генерального штаба Вооруженных Сил Республики Беларусь в отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в электронную форму взаимодействия.

Существенным ограничением коррупционных устремлений явился перевод в электронную форму насущных административных процедур в отношении граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, предоставления арендного жилья и регистрации договоров найма жилых помещений частного и государственного фонда.

Развитие цифровой платформы Министерства внутренних дел способствует совершенствованию контрольной функции путем создания единого интегрированного ресурса о поступивших и рассмотренных заявлениях граждан о преступлениях (АИС ЕИИР).

Закон «О борьбе с коррупцией» устанавливает четкие требования к порядку принятия решений государственными органами и организациями в сфере экономических отношений: о проведении закупок, о выборе поставщиков для государственных нужд, о распределении квот, о распоряжении государственным имуществом.

Правовое регулирование цифровой экономики Республики Беларусь осуществляется на основе отечественного законодательства, а также решений и распоряжений Евразийского экономического союза. Цифровая экономика Беларуси развивается во взаимодействии аналитических систем, технологических платформ, информационных систем государственных органов, интернет-сервисов, граждан, организаций.

Внедрение цифровых технологий в государственном управлении создает новые возможности для преодоления таких традиционных негативных проявлений, как коррупциогенность, бюрократизм, девальвация морально-этического облика части государственных должностных лиц. Антикоррупционная политика государства в условиях цифровизации базируется на следующих принципах: ответственность госслужащих перед обществом и прозрачность их деятельности, автоматизация процессов принятия решений, проверяемость актуальных данных, прямой государственный контроль, реализация экстерриториального принципа, системное управление рисками. Реализация информационных технологий в государственном управлении и экономике настоятельно ставит вопрос о необходимости совершенствования законодательной базы. В частности, это касается мер по противодействию коррупции, например, перевод взаимодействия государства, бизнеса и граждан в дистанционный цифровой режим. Так, после принятия Закона Республики Беларусь от 7 декабря 2023 г. № 314-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур» значительно расширились возможности реализации экстерриториального принципа с помощью программного комплекса «Одно окно» [6]. Теперь граждане имеют возможность на всей территории страны обращаться в службы «Одно окно» местных исполнительных и распорядительных органов за осуществлением административных процедур независимо от подведомственности этих процедур и независимо от регистрации по месту жительства.

Предоставление государственных услуг в цифровой форме (выдача документов и справок, электронные реестры недвижимости, налоговая отчетность, электронные больничные листы и рецепты, внедрение системы «Антиплагиат» в сфере высшего образования, электронные очереди в детские сады и др.) значительно минимизирует бытовую коррупцию. Система цифровых государственных услуг (электронное правительство) способствует снижению рисков коррупционных проявлений, когда, например, спектр выбора и принятия решений для госслужащего весьма ограничен из-за определенности алгоритма действий, продиктованного информационной системой.

С учетом возможностей цифровых технологий, в борьбе с коррупцией необходимо разрабатывать и внедрять меры комплексного характера:

- использование технологий по мониторингу (искусственный интеллект, аналитические системы, блокчейн), способствующее раскрытию коррупционных схем и выявлению аномалий в массиве данных;
- обеспечение широкого доступа к информации о расходах бюджета, доходах чиновников, о государственных закупках;
- систематическое обновление программного обеспечения и создание систем защиты данных;
- своевременная переподготовка и повышение квалификации сотрудников в области цифровой грамотности;

– активизация социального контроля путем создания платформ для гражданского мониторинга и обратной связи.

Широкое распространение в системе борьбы с коррупцией получили блокчейн-технологии, которые способны обеспечить:

- невозможность удаления из базы данных сведений о совершенных операциях и транзакциях;
- прозрачность и надежность при регистрации контрактов и сделок;
- использование в системе «отчетности» для подтверждения данных о доходах и расходах юридических лиц;
- установку децентрализованных сетей и возможность поставить электронную цифровую подпись;
- применение в системах распределения средств и пожертвований, а также в земельном кадастре для исключения самозахвата;
- отслеживание денежных потоков и их источников;
- ограничение роли третьих лиц.

В то же время эксперты предупреждают о том, что блокчейн создает риски утечки конфиденциальной информации, а также о его возможном использовании недобросовестными лицами в виде личной выгоды. В частности, в зоне коррупционных рисков находятся операторы информационных систем, которые обладают возможностью несанкционированного и негласного изъятия материалов видео- и фотофиксации. Причиной данного явления может быть недостаточная правовая урегулированность статуса как самого контролирующего органа, так и статуса лица, осуществляющего оперативный контроль за снятием данных с информационной базы.

Активное внедрение цифровых технологий в государственные учреждения зачастую требует привлечения специалистов из негосударственных организаций на платной договорной основе. В этой связи сотрудники правоохранительных органов Беларуси указывают на возрастание рисков хищения бюджетных средств и коррупционных проявлений. Например, привлеченные недобросовестные специалисты на договорной основе могут воспользоваться отсутствием в госучреждении квалифицированных специалистов в сфере информационных технологий, которые могли бы сделать профессиональное заключение о качестве разработанного исполнителем программного обеспечения.

Сфера закупок считается одной из наиболее коррумпированных. Введение системы закупок с использованием цифровых платформ явилось действенным средством в ограничении коррупционных устремлений. В то же время цифровые технологии не решают проблему коррупции в полном объеме. Так, коррупционные схемы в значительной степени направлены на сужение круга лиц, допускаемых к проведению закупки, что облегчает выбор требуемого победителя для коррумпированных лиц. Также существует мнение о том, что цифровые технологии не только не способны устранить

правонарушения в системе публичных закупок, но и могут выступить драйвером новых схем и методов коррупции. Например, операторы цифровых площадок могут использовать элементы манипулирования, а заказчики имеют возможность заранее заложить необходимые «ошибки» при составлении документации. Так, изменение одной буквы в заявке на латинице приводит к отстранению конкурентов от участия в конкурсе [7, с. 155]. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что конфликт интересов зачастую возникает из-за аффилированности между заказчиком и участником закупки. С учетом сложности выявления аффилированности в системе закупок, возникает необходимость в наличии определенной модели информационной базы, позволяющей устанавливать личную заинтересованность всех лиц, участвующих в закупочной процедуре (особенно ответственных за планирование и организацию).

Заслуживает внимания опыт Российской Федерации, где в ряде регионов (Урал, Алтайский край, Тульская область) успешно для борьбы с коррупцией применяется сервис «Антикор — выявление риска конфликта интересов». Сервис позволяет в автоматическом режиме осуществлять поиск аффилированности служащих и взаимодействующих с ними коммерческими компаниями и таким образом определять риск конфликта интересов до наступления события. В мировой практике в сфере обработки данных с целью моделирования закупок и платежей, анализа транзакций в режиме реального времени, установления нарушений все чаще применяются аналитические инструменты Self — Monitoring, Analysis and Reporting Technology (SMART). Также данные системы могут оценивать риски и в актуальных ситуациях способны предупредить и приостановить платежи, сформированные с нарушениями в процессе закупок.

Особое внимание следует уделять феномену «вращающихся дверей», когда госслужащие переходят на работу в частные компании, которые могут участвовать в процедуре закупок с соответствующей государственной структурой. В этой связи требует проработки специальный порядок трудоустройства государственных должностных лиц после увольнения. Также важно ведение реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия. Существует предложение о создании реестра неблагонадежных IT-специалистов, которые были замечены в манипуляциях на основе цифровых технологий.

В Минском областном исполнительном комитете реализуется практика компьютерного тестирования претендующих на руководящие должности по вопросам ориентации в антикоррупционном законодательстве с использованием образовательного электронного ресурса, разработанного Академией управления при Президенте Республики Беларусь.

В Республике Беларусь разработан действенный механизм привлечения граждан к выявлению фактов коррупции. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 сентября 2019 года № 619 «О выплате вознаграждения и других выплат физическому лицу,

способствующему выявлению коррупции» предусматривается выплата вознаграждения до 50 базовых величин за предоставление актуальной информации о коррупционном преступлении [8]. В этой связи краудсорсинговые платформы дают гражданам реальные возможности для конфиденциальных сообщений о фактах коррупции, а также открыто обсуждать в интернете феноменологию взяточничества. В данном контексте сдерживающей профилактической мерой по сдерживанию коррупционных устремлений может стать размещение на сайтах организаций и предприятий с повышенной коррупциогенностью схем и способов манипулирования, а также схем установления коррупционных связей между должностными лицами и представителями бизнеса.

Известно, что в мировом масштабе коррумпированные чиновники активно используют цифровые технологии для перекачки за рубеж огромных финансовых средств, зачастую уже легализованных, которые оседают в банках других стран. С целью пресечения данной противоправной деятельности еще в 2004 году по инициативе Европола и Ирландского бюро криминальных активов была создана Кэмденская межведомственная сеть по возврату преступных активов (CARIN).

Технология Big Data расширила возможности осуществления антикоррупционного контроля за деятельностью государственных должностных лиц. Посредством этой технологии объединяются фрагментарные данные и имеется возможность получать на выходе картину системной коррупции.

В настоящее время назрела острая необходимость в борьбе с коррупцией помимо уголовного преследования добиваться перелома в морально-психологическом аспекте сознания общества. Осуществление морально-этических мер способствует формированию у элиты (а значит, в дальнейшем и у другой части общества) культуры ответственности, этики, прозрачности служебного поведения, гордости за честное служение своей Отчизне. В конечном итоге это будет укреплять у граждан представления о том, что излишнее материальное потребление, пиар, нескромность в поведении, корыстность, незаконная нажива, коррупционные устремления являются по сути аморальными, несовременными и влекут за собой общественное осуждение. Таким образом усиливается воздействие социального контроля.

Антикоррупционные меры на основе цифровых технологий главным образом сосредоточены на электронном правительстве, информационно-цифровых государственных услугах, блокчейне, порталах больших данных и прозрачности, краудсорсинговых платформах, искусственном интеллекте. Наряду с этим внедрение цифровых технологий увеличивает риски использования их в криминальных целях. Это относится и к коррупции, которая в условиях цифровизации не исчезает, а приобретает новые формы и качественные характеристики, порождает латентные способы ее проявления, что требует постоянного мониторинга и совершенствования способов профилактики.

Список использованных источников:

1. ООН. Новые технологии для устойчивого развития: перспективы честности, доверия и борьбы с коррупцией // Первый федеральный университет антикоррупционного просвещения: [сайт]. — URL: <https://fuap.ru/lib/issledovaniya-v-sfere-antikorrupsii/tsifrovye-tekhnologii-v-oblasti-protivodeystviya-korrupsii-doklad-oon/> (дата обращения 20.01.2026).
2. О борьбе с коррупцией: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 126-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 03.01.2026).
3. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 09.02.2026).
4. О государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 февр. 2021 г. № 66 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 02.01.2026).
5. Об особенностях оказания медицинской помощи применением телемедицинских технологий: положение, утв. постановлением Мин-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 28 мая 2021 г. № 65 // iLex: информ. правовая система (дата обращения: 03.01.2026).
6. Об изменении Закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур»: Закон Республики Беларусь от 7 декабря 2023 г. № 314-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 09.02.2026).
7. Беляева, О.А. Направления повышения эффективности противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок / О.А. Беляева, Д.А. Чваненко, А.М. Цирин // Журнал российского права. — 2019. — № 10. — С. 152–162.
8. О выплате вознаграждения и других выплат физическому лицу, способствующему выявлению коррупции: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 сент. 2019 г. № 619 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 28.01.2026).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ В РАМКАХ ПРОЦЕДУР ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е.А. Шантырева

Актуальность работы обусловлена тем, что основным институтом частного права, который представляется предметом полемики как в юридической теории, так и с точки зрения практики коммерческого оборота, выступает договор как комплексное явление коммерческой и хозяйственной деятельности и, по сути, ядро всех экономических отношений между субъектами хозяйствования в Республике Беларусь. Одновременно в сфере экономической и предпринимательской деятельности наблюдаются кризисные явления, поэтому в Республике Беларусь официальная политика государства направлена на либерализацию экономики, диверсификацию ее реального

сектора, выход белорусских субъектов хозяйствования на новые рынки. В то же время сложная финансовая ситуация обуславливает необходимость жесткого регулирования экономических процессов и взаимодействия субъектов хозяйствования со стороны государства.

Методологическую базу исследования составили диалектическая теория познания, а также основанные на ней общенаучные и частнонаучные методы (комплексно-исторический, конкретно-социологический, статистический, сравнительный), в том числе частноправовые, например, компаративный метод изучения законодательства.

В ходе исследования проанализированы Гражданский кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» от 13 июля 2012 г. № 419-З, Указ Президента Республики Беларусь «О порядке исполнения внешнеторговых договоров» от 27 марта 2008 г. № 178, Закон Республики Беларусь «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 25 ноября 2004 г. № 347-З, Закон Республики Беларусь «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 28.12.2009 № 113-З и другие, а в качестве его теоретической основы рассмотрены монографии, учебные пособия, статьи и комментарии законодательства таких ученых, как Ю.А. Амельченя, О.А. Бакиновская, В.А. Витушко, В.С. Каменков, С.В. Овсейко, В.В. Подгруша, В.А. Хлабордов, В.Ф. Чигир, Я.И. Функ и др.

Рынок государственных закупок является важнейшим элементом социально-экономического развития страны, а сама система заказов, финансируемых за счет бюджетных и приравненных к ним средств, становится одним из основополагающих институтов регулирования экономики, оказывающего существенное влияние на ее динамику и структуру. При этом закупки — это не только процесс заказа, но и инструмент выстраивания политики выполнения государством его стратегических функций. Хотя, как показала практика, жесткое регулирование закупок, не учитывающее специфики деятельности предприятий, оказалось не весьма эффективным, однако и в случаях полного отказа от регулирования таких закупок, и, соответственно, отсутствия какого-либо контроля за их осуществлением, нередко начинали поступать жалобы от участников об имевшем место недобросовестном подходе заказчиков к выбору победителей [1].

В настоящее время основной тенденцией развития как мировой экономики, так и национальных экономических систем является глобализация, позволяющая субъектам хозяйствования приобрести дополнительные технологические, организационные и рыночные возможности, укрепиться на растущих рынках. При этом глобализация экономики требует адекватного правового регулирования договорных отношений, направленного на обеспечение дальнейшего развития национальных экономик и мировой экономической системы [2, с. 12]. Однако нормы международного права зачастую носят рекомендательный характер для государств. Имеют место

в международном праве и существенные пробелы, которые заполняет национальное законодательство.

Соответственно, эффективное использование механизмов конкурентных процедур закупок, в том числе при заключении договора международной купли-продажи, обеспечивается, с одной стороны, должным правовым регулированием, а с другой — правильным применением соответствующих правовых норм в процессе оформления и фиксации условий заключенной сделки, равно как и самого переговорного процесса в рамках процедур государственных закупок.

Следует отметить, что по своему характеру договор международной купли-продажи товаров, как и все внешнеторговые сделки, связан со многими правовыми системами одновременно в связи с тем, что стороны сделки находятся в разных государствах, а это соответственно затрудняет разрешение возможных разногласий и противоречий между сторонами, а также усложняет вопросы применимого права и иных аспектов реализации данного вида договора.

Каждая страна функционирует в своей правовой среде.

Правительство, так или иначе, вмешивается и подвергает контролю внешнеторговые отношения и связанные с торговыми операциями валютно-финансовые отношения. Это вмешательство и контроль заметно отличаются от степени характера тех мер, которые применяются по отношению к внутренней торговле. Правительство каждой суверенной страны своей торговой и финансово-бюджетной политикой порождает собственную систему лицензирования экспорта и импорта, импортных и экспортных квот, пошлин, эмбарго, экспортных субсидий, свое налоговое законодательство.

Рассматривая понятие государственных закупок как правового института, прежде всего, следует отметить, что их законодательное определение содержится в абз. 3 ст. 1 Закона от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее — Закон о госзакупках). Согласно подходу отечественного законодателя государственная закупка представляет собой приобретение товаров (работ, услуг) полностью или частично за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов получателями таких средств, а также отношения, связанные с исполнением договора государственной закупки [3].

Таким образом, государственная закупка рассматривается как процесс:

- отбора заказчиком поставщика (подрядчика, исполнителя);
- заключения договора;
- его исполнения в целях удовлетворения потребностей заказчика.

Отсюда следует, что сама категория закупки выступает механизмом, опосредующим процедуру заключения сделки (договора). Как отмечает В.Ф. Чигир, в общем виде процедура заключения договора представляет

собой предложение заключить договор (оферта) и его последующее принятие (акцепт) [4]. Одновременно, хотя традиционно договор заключается посредством направления оферты одной из сторон и ее акцепта другой стороной, однако указанный способ заключения договора — не единственный, и в соответствии с пунктом 1 ст. 417 ГК договор, если иное не вытекает из его сущности, может быть заключен путем проведения торгов.

По мнению В.В. Подгруши, данное правило ГК обусловлено становлением и развитием рыночных отношений и, как следствие, внедрением в систему договорных отношений таких правовых конструкций, как тендеры (конкурсы и аукционы), являющиеся традиционными для стран с рыночной экономикой [5]. Именно по этой причине, помимо норм ГК, закрепивших общие правила, касающиеся заключения договора на торгах, организации и порядка их проведения, имеется целый ряд специальных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы организации и проведения торгов — прежде всего, в рамках осуществления государственных закупок.

Суть торгов как способа заключения договора состоит фактически в определении выигравшей стороны, с которой организатором торгов и заключается договор. По смыслу пункта 1 ст. 417 ГК путем проведения торгов может быть заключен практически любой договор, за исключением тех из них, для которых такая форма заключения недопустима в силу их природы, сущности опосредуемых договором отношений [6]. В частности, невозможно заключение на торгах договоров, носящих фидуциарный характер (например, договора поручения, договора простого товарищества и т.д.).

Что касается разновидностей тендерных процедур, то классификация торгов, приводимая в специальной литературе, весьма разнообразна в зависимости от критерия, положенного в ее основу. В частности, различаются: торги по продаже вещей (имущества) и торги по продаже прав (имущественных прав), собственно торги (тендер) и публичные торги (торги, проводимые в порядке исполнения решений суда или удовлетворения требований кредиторов, то есть направленные на защиту публичных интересов), торги открытые и закрытые (п. 1 ст. 418 ГК), торги, предметом которых является заключение договора, и торги, предметом которых является право заключения договора (п. 2 ст. 418 ГК), торги продавца и торги покупателя (в частности, на государственную закупку) [6].

Процедуры государственных закупок проводятся при одновременном наличии следующих условий:

- 1) в ходе закупки приобретаются товары, работы, услуги (абз. 3 ст. 1 Закона о госзакупках);
- 2) финансирование закупки осуществляется полностью или частично за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов (абз. 3 ст. 1 Закона о госзакупках);

3) приобретение товаров (работ, услуг) осуществляется получателями бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов.

При этом для целей применения законодательства о госзакупках предметом государственной закупки считаются:

– товары — вещи, за исключением денежных средств, ценных бумаг, валютных ценностей, иное имущество (в том числе имущественные права), а также имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности;

– работы — деятельность, результаты которой имеют материальное выражение и могут быть реализованы для удовлетворения потребностей заказчика;

– услуги — деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности [3].

Как правило, по результатам процедур госзакупок заключаются договоры поставки (ст. 476 ГК), договоры подряда (ст. 656 ГК), договоры возмездного оказания услуг (ст. 733 ГК), договоры перевозки (ст. 739 ГК), договоры транспортной экспедиции (ст. 755 ГК) и некоторые иные. Причем государственные закупки проводятся независимо от стоимости закупаемых товаров (работ, услуг), она влияет лишь на выбор вида процедуры госзакупки [7].

Вместе с тем в отношении предмета соответствующего договора важным правилом является то, что применительно к государственным закупкам объем (количество) однородных товаров (работ, услуг), составляющих предмет государственной закупки, не может составлять менее квартальной потребности в них, предусмотренной годовым планом государственных закупок. Допускается в ходе процедуры государственной закупки или исполнения договора изменение объема (количества) предмета государственной закупки, но не более чем на 10%, если это предусмотрено условиями проведения процедуры государственной закупки или договором. Хотя предмет государственной закупки и его объем (количество) могут разделяться по частям (лотам) либо объединяться, однако не допускается:

– объединять в предмете государственной закупки или его части (лоте) технологически и функционально не связанные друг с другом неоднородные товары (работы, услуги), в том числе в целях исключения возможности добросовестной конкуренции среди поставщиков (подрядчиков, исполнителей);

– товары (работы, услуги), включая однородные товары (работы, услуги), сведения о которых составляют государственные секреты (п. 3 ст. 21 Закона о закупках) [3].

На практике также не следует разделять объем (количество) предмета государственной закупки, если таким образом можно избежать проведения соответствующего вида конкурентных процедур государственных закупок. В этой связи отметим, что согласно п. 1 ст. 6 Бюджетного кодекса

Республики Беларусь (далее — БдК) в бюджетную систему Республики Беларусь как самостоятельные части включаются республиканский бюджет и местные бюджеты, а в составе республиканского бюджета и местных бюджетов могут создаваться государственные целевые бюджетные фонды (п. 3 ст. 29 БдК) [8].

В частности, сегодня таковыми являются:

- инновационные фонды;
- фонд национального развития.

Соответственно, условие о финансировании закупки за счет бюджетных средств присутствует, если эти средства в полном объеме или частично поступают из республиканского или местного бюджета, в том числе государственных целевых бюджетных фондов. Одновременно финансирование закупки может осуществляться полностью или частично за счет средств государственных внебюджетных фондов. По этой причине отметим, что государственный внебюджетный фонд в подп. 1.27 п. 1 ст. 2 БдК определен как фонд денежных средств, образуемый в соответствии с законодательными актами вне республиканского бюджета для осуществления определенных задач и функций государственных органов и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь [8].

Что касается третьего из перечисленных выше условий для применения механизма государственных закупок, то получателями бюджетных средств являются бюджетная или иная организация, индивидуальный предприниматель, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств в соответствующем финансовом году и отвечающие за целевое и эффективное использование полученных бюджетных средств (подп. 1.44 п. 1 ст. 2 БдК). В то же время не являются получателями бюджетных средств поставщики, подрядчики, исполнители услуг, получающие оплату (в том числе авансы) по гражданско-правовым договорам от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, финансируемых из средств бюджета и (или) государственных внебюджетных фондов.

Ю.А. Амельченя также подчеркивает, что субъектный состав закупки является ключевым фактором для применения норм Закона о госзакупках [9]. Это же служит критерием разграничения государственных закупок и закупок за счет собственных средств.

Соответственно, критерием разграничения государственных закупок и закупок за счет собственных средств является не только источник ее финансирования, но и статус лица, ее осуществляющего. По данной причине Закон о госзакупках также определяет правовой статус лиц (субъектов), участвующих в государственных закупках, первым из которых выступает заказчик. В таком качестве выступают юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, являющиеся получателями бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов для приобретения товаров (работ, услуг) и осуществляющие такое приобретение в том числе

через обособленное подразделение юридического лица (включая филиал либо представительство), уполномоченное руководителем этого юридического лица на приобретение товаров (работ, услуг) за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов от его имени, а также иное юридическое лицо в случаях, определяемых Советом Министров Республики Беларусь [10].

Для проведения закупок заказчик также уполномочен определять или создавать структурное подразделение либо назначать работника, обладающего соответствующими профессиональными навыками в области государственных закупок, либо создать конкурсную комиссию. Два и более заказчика могут совместно проводить процедуры государственных закупок однородных товаров (работ, услуг), заключив между собой письменное соглашение. При этом договоры с поставщиками (подрядчиками, исполнителями), выбранными в результате совместно проведенных процедур государственных закупок, заключает каждый из заказчиков.

В свою очередь, организатором является юридическое лицо, выполняющее от имени заказчика часть его функций по организации и проведению процедур государственных закупок. Как отмечает С.В. Овсейко, функции организатора являются факультативными, так как определение существенных условий договора и подписание договора осуществляются исключительно заказчиком [7].

Соответственно, участником выступает юридическое или физическое лицо (в том числе индивидуальный предприниматель), участвующее в процедуре государственной закупки в качестве потенциального поставщика (подрядчика, исполнителя) в соответствии с Законом о закупках. Следует иметь в виду, что Закон о закупках налагает ряд запретов на физических и юридических лиц, когда они не могут выступать в качестве участников. Одновременно Законом о закупках определены квалификационные требования к участникам, для проверки которых они представляют документы и сведения, указанные заказчиком (организатором) и удостоверяющие:

- право осуществлять соответствующий вид деятельности по поставке или реализации иным способом товаров (выполнению работ, оказанию услуг), а также наличие квалифицированного персонала и опыта работы в соответствующей области деятельности, техническую оснащенность, финансовые и другие возможности, необходимые для выполнения договора на протяжении всего периода его действия;

- отсутствие задолженности по уплате налогов, сборов (пошлин), просроченной задолженности по бюджетным займам и бюджетным ссудам, задолженности по платежам в бюджет в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ранее заключенных договоров в соответствии с законодательством страны, резидентом которой он является, на 1-е число месяца, предшествующего дню подачи предложения [3].

Таким образом, в общем виде закупку можно определить как комплекс действий заказчика по приобретению товаров, работ, услуг, включающий исполнение заключенного договора, тогда как процедура закупки представляет собой регламентированный порядок действий заказчика (организатора) по выбору поставщика (подрядчика, исполнителя), завершающийся заключением договора, отменой или признанием процедуры закупки несостоявшейся.

В качестве вывода также можно утверждать, что в настоящее время система закупок является одним из основополагающих институтов государственного регулирования экономики, оказывающих существенное влияние на ее динамику и структуру. При этом для разграничения государственных закупок и закупок за счет собственных средств следует учитывать такие факторы, как содержание возникающих при этом правоотношений, цели финансирования из бюджета субъектов хозяйствования, основания для его предоставления. Кроме того, в качестве основных критериев разграничения государственных закупок и закупок за счет собственных средств можно выделить:

- 1) субъектов, осуществляющих закупки;
- 2) источник финансирования закупок;
- 3) их правовое регулирование.

Подводя общий итог, целесообразным представляется обобщить основные положения и выводы, полученные в ходе проведенного исследования.

Внешнеэкономический договор — особая разновидность предпринимательского договора, причем в действующем законодательстве Республики Беларусь не проводится четкого разграничения между понятиями «внешнеэкономическая сделка» и «внешнеторговая сделка (договор)».

По общему правилу п. 1 ст. 391 ГК юридические лица и граждане свободны в заключении договора. Соответствующий принцип подразумевает свободу в решении вопроса заключать или не заключать договор, выбирать его вид, определять его условия, а также свободу в выборе контрагента. Вместе с тем в отдельных общественно значимых сферах в соответствии с законодательством выбор будущего контрагента (потенциального поставщика (подрядчика, исполнителя)) для заключения договора должен осуществляться посредством проведения определенных процедур — процедур государственных закупок. Как правовая категория, государственная закупка представляет собой комплекс действий заказчика по приобретению товаров, работ, услуг полностью либо частично за счет бюджетных средств, включающий исполнение заключенного договора. С учетом положений ст. 417 ГК ее также можно рассматривать в качестве разновидности торгов как процедуры заключения договора, завершает которую подписание договора с победителем торгов (процедуры закупки). Основными критериями выделения государственных закупок при этом являются: 1) источник финансирования

закупки; 2) ее предмет; 3) статус субъекта хозяйствования, в интересах которого она проводится (заказчик). Так, для государственных закупок источником финансирования выступают государственный бюджет и государственные внебюджетные фонды, предметом — любые товары (работы, услуги), а в качестве заказчика — получатели бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов.

Процедура государственной закупки представляет собой регламентированный законодательством порядок действий заказчика (организатора) по выбору поставщика (подрядчика, исполнителя), который может завершаться как заключением договора, так и отменой либо признанием процедуры государственной закупки несостоявшейся. Применительно к государственным закупкам Законом о госзакупках предусмотрено шесть процедур: одна неконкурентная — процедура закупки из одного источника с одним участником, и пять конкурентных, предусматривающих выбор из нескольких участников: открытый конкурс, закрытый конкурс, электронный аукцион, запрос ценовых предложений и биржевые торги. Для каждой из этих процедур законодателем также определены условия выбора и порядок применения. Что же касается договорных аспектов, то к содержанию предложений участников конкурсных процедур закупок, а также к содержанию самого договора, заключаемого по результатам этих процедур, профильным законодательством установлен ряд императивных требований.

Относительно соблюдения формы внешнеэкономической сделки как обязательного условия ее заключения, то для нее (в отличие от норм международного права и права западноевропейских стран) отечественным законодательством определена обязательная письменная форма.

Законодательство в сфере государственных закупок в Республике Беларусь крайне нестабильно, оно постоянно изменяется, находится в стадии формирования и содержит потенциал для дальнейшего развития. Законодательство в достаточной мере подготовлено к тому, чтобы развитие это происходило в контексте гармонизации союзного законодательства. При этом по мере углубления экономических отношений и развития многоукладной экономики методы регулирования закупок с неизбежностью усложнятся как в смысле информационного обеспечения закупки, так и в смысле расширения закупочного инструментария и дифференциации требований к различным категориям заказчиков.

Список использованных источников:

1. Хлабордов, В.А. Закупки: очередные изменения / В.А. Хлабордов // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.03.2026).
2. Алексеев, И.С. Внешнеэкономическая деятельность / И.С. Алексеев. — М.: Дашков и К, 2012. — 304 с.
3. О государственных закупках товаров (работ, услуг): Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З: принят Палатой представителей 27 июня 2012 г.,

одобрен Советом Республики 29 июня 2012 г.; с изм. и доп.: Закон Республики Беларусь, 31 января 2024 г., № 354-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.03.2026).

4. Чигир, В.Ф. Гражданско-правовой договор / В.Ф. Чигир // Промышленно-торговое право. — 2000. — № 3–4. — С. 41.

5. Подгруша, В.В. Гражданское право: справочник-комментарий / В.В. Подгруша // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 10.03.2026).

6. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г., одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г.; с изм. и доп.: Закон Республики Беларусь, 16 марта 2026 г., № 134-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 17.03.2026).

7. Овсейко, С.В. Государственные закупки: правовое регулирование (части 1–2) / С.В. Овсейко // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.03.2026).

8. Бюджетный кодекс Республики Беларусь: 16 июля 2008 г. № 412-З: принят Палатой представителей 17 июня 2008 г., одобрен Советом Республики 28 июня 2008 г.; с изм. и доп.: Закон Республики Беларусь, 11 октября 2024 г., № 36-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.03.2026).

9. Амельчя, Ю.А. Разграничение государственных закупок и иных конкурентных процедур выбора контрагента государством / Ю.А. Амельчя // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 15.03.2026).

10. Путеводитель по закупкам «Участники процедур закупок» // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 14.03.2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреасян Михаил Араикович — преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Барышев Владимир Алексеевич — старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Борботько Павел Валентинович — доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Бутримова Юлия Сергеевна — старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Высоцкий Сергей Алексеевич — заместитель заведующего кафедрой теории государства и права и государственного права АНО ВО «Санкт-Петербургская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

Гурщенков Павел Валентинович — доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Елисеев Вячеслав Сергеевич — профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, доктор юридических наук, доцент.

Ивашкевич Елена Францевна — заведующий кафедрой истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Кирсанова Олеся Геннадьевна — доцент кафедры организации судебной и прокурорской деятельности ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент.

Козловская Виолетта Викторовна — декан юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова.

Куликова Олеся Николаевна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Кусков Алексей Сергеевич — начальник департамента внутреннего мониторинга качества образования Федерального ресурсного центра подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства РГУТИС.

Майборода Виктор Александрович — профессор кафедры теории государства и права и государственного права АНО ВО «Санкт-Петербургская юридическая академия», доктор юридических наук, доцент.

Майборода Эльвира Тагировна — доцент кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат философских наук, доцент.

Мельник Светлана Львовна — заведующий кафедрой организации судебной и прокурорской деятельности ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Муллахметова Наталья Евгеньевна — доцент кафедры организации судебной и прокурорской деятельности ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Плисова Ксения Алексеевна — студентка 4 курса юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова.

Савченко Марианна Сергеевна — доцент кафедры теории и истории государства и права АНО ВО «Санкт-Петербургская юридическая академия», кандидат юридических наук.

Сафонова Татьяна Владимировна — старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Сирик Наталия Валериевна — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент.

Стаценко Владимир Григорьевич — доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Сухарев Андрей Александрович — доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Шантырева Елена Анатольевна — старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Шматков Игорь Иванович — заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Научное издание

ВЫСОЦКИЙ Сергей Алексеевич
ИВАШКЕВИЧ Елена Францевна
СТАЦЕНКО Владимир Григорьевич и др.

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА**

Монография

Технический редактор	<i>Г.В. Разбоева</i>
Корректор	<i>А.Н. Фенченко</i>
Компьютерный дизайн	<i>Л.В. Рудницкая</i>

Подписано в печать 18.05.2026. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,81. Уч.-изд. л. 12,57. Тираж 9 экз. Заказ 49.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,

изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.